

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 2 (156)

Киров
2025

Главный редактор

Н. А. Низовских, д-р психол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Заместители главного редактора

О. А. Останина, д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

С. С. Куклина, д-р пед. наук, проф., Вятский государственный университет, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Ответственный секретарь

Е. В. Динер, д-р пед. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Редакционный совет

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., председатель редакционного совета, президент ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-2706-3904;

И. А. Баева, д-р психол. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

Ю. П. Зинченко, д-р психол. наук, проф., академик РАО (г. Москва);

В. В. Лаптев, канд. физ.-мат. наук, д-р пед. наук, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО (г. Москва);

А. В. Смирнов, д-р филос. наук, проф., академик РАН (г. Москва);

А. П. Тряпицына, д-р пед. наук, проф., академик РАО (г. Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

И. Е. Валитова, д-р психол. наук, проф., БрГУ им. А. С. Пушкина (Республика Беларусь, г. Брест), ORCID: 0000-0003-0751-8534;

Е. М. Вечтомов, д-р физ.-мат. наук, проф. (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

Е. О. Галицких, д-р пед. наук, проф. (г. Киров), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

И. Н. Грифцова, д-р филос. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

А. М. Дорожкин, д-р филос. наук, проф., ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);

Р. В. Ершова, д-р психол. наук, проф., РУДН (г. Москва), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

С. И. Калинин, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

Е. В. Котельников, д-р техн. наук, доц., Европейский университет в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0001-9745-1489;

В. Г. Маралов, д-р психол. наук, проф., ЧГУ (г. Череповец), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

Л. А. Мосунова, д-р психол. наук, доц., ВятГУ (г. Киров);

Г. Н. Некрасова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

М. И. Ненашев, д-р филос. наук, проф. (г. Киров), ORCID: 0000-0002-7779-3876;

В. Б. Помелов, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

Л. Т. Ретюнских, д-р филос. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва), МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР), ORCID: 0000-0003-2492-4884;

Н. Л. Росина, д-р психол. наук, доц., МГЭУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

Е. Е. Сапогова, д-р психол. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Ю. А. Сауров, д-р пед. наук, проф., чл.-корр. РАО (г. Киров), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

Г. И. Симонова, д-р пед. наук, доц., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

Е. А. Счастливецова, д-р филос. наук, доц. (г. Киров);

Т. Н. Суворова, д-р пед. наук, профессор РАО, Российская академия образования (г. Москва), ORCID: 0000-0003-3628-129X;

Е. А. Ходырева, д-р пед. наук, доц., НТУ «Сириус», ORCID: 0000-0001-7079-6372;

Е. С. Черепанова, д-р филос. наук, проф., УрФУ (г. Екатеринбург);

Л. В. Шиповалова, д-р филос. наук, проф., СПбГУ (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-1989-1152;

М. А. Шукина, д-р психол. наук, Институт медицинского образования ФГБУ НМИЦ им. В. А. Алмазова (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-0834-3548;

A. Prusak, PhD, Академический образовательный колледж Ораним (Израиль, г. Кирия-Тивон), Академический педагогический колледж Шаанан (Израиль, г. Хайфа).

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

**HERALD
OF VYATKA STATE
UNIVERSITY**

S c i e n t i f i c   j o u r n a l

№ 2 (156)

Kirov
2025

Chief editor

N. A. Nizovskikh, Dr. of psychol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Deputy editors

O. A. Ostanina, Dr. of philos. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

S. S. Kuklina, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Executive Secretary

E. V. Diner, Dr. of ped. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Editorial council

V. T. Yungblud, Dr. hist. sciences, prof., chairman of editorial council, president of Vyatka State University, (Kirov) ORCID: 0000-0002-2706-3904;

I. A. Baeva, Dr. of psychol. sciences, prof., Herzen State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen, academician of the RAE (St. Petersburg);

Yu. P. Zinchenko, Dr. of psychol. sciences, prof., academician of the RAE (Moscow);

V. V. Laptev, PhD of physical and mathematical sciences, Dr. of ped. sciences, academician of the RAE (St. Petersburg);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of the RAE (Moscow);

A. V. Smirnov, Dr. of philos. sciences, professor, academician of the RAS (Moscow);

A. P. Tryapitsina, Dr. of ped. sciences, professor, academician of the RAE (St. Petersburg).

Editorial board members

I. E. Valitova, Dr. of psychol. sciences, prof., State Pedagogical University n. a. A. S. Pushkin (Republic of Belarus, Brest),
ORCID: 0000-0003-0751-8534;

E. M. Vechtomov, Dr. of phys.-math. sciences, prof. (Kirov), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

E. O. Galitskykh, Dr. of ped. sciences, prof. (Kirov), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

I. N. Grifcova, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

A. M. Dorozhkin, Dr. of philos. sciences, prof., Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod);

R. V. Ershova, Dr. of psychol. sciences, prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

S. I. Kalinin, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

E. V. Kotelnikov, Dr. of tech. sciences, associated prof. European University in St. Petersburg (St. Petersburg), ORCID: 0000-0001-9745-1489;

V. G. Maralov, Dr. of psychol. sciences, prof., Cherepovets State University (Cherepovets), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

L. A. Mosunova, Dr. of psychol. sciences, associated prof. Vyatka State University (Kirov);

G. N. Nekrasova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

M. I. Nenashev, Dr. of philos. sciences, prof. (Kirov), ORCID: 0000-0002-7779-3876;

V. B. Pomelov, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

L. T. Retyunskikh, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow), MSU-PPI in Shenzhen (PRC), ORCID: 0000-0003-2492-4884;

N. L. Rosina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., MHEU (Kirov), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

E. E. Sapogova, Dr. of psychol. sciences, prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Yu. A. Saurov, Dr. of ped. sciences, prof., corresponding member of Russian Academy of Education (Kirov), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

G. I. Simonova, Dr. of ped. sciences, associated prof. Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

E. A. Schastlivtseva, Dr. of philos. sciences, associated prof. (Kirov);

T. N. Suvorova, Dr. of ped. sciences, prof. of the RAE, Russian Academy of Education (Moscow), ORCID: 0000-0003-3628-129X;

E. A. Khodyreva, Dr. of ped. sciences, associated prof., Sirius University of Science and Technology, ORCID: 0000-0001-7079-6372;

E. S. Cherepanova, Dr. of philos. sciences, prof., Ural Federal University (Ekaterinburg);

L. V. Shipovalova, Dr. of philos. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-1989-1152;

M. A. Shchukina, Dr. of psychol. sciences, associated prof Institute of Medical Education of National Medical Research Centre n. a. V. A. Almazov (St. Petersburg);

A. Prusak, PhD, Academic Educational College Oranim (Israel, Kiryat Tiv'on), Shaanan Academic Teachers College (Israel, Haifa).

**Scientific journal «Herald of Vyatka State University» as a mass media registered with Roskomnadzor
(Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-67510 of October 18, 2016)**

Founder of the journal Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Address publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals,
in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ПАНЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС

«РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОПЫТ ПОЛИФОНИИ»

Вступительное слово профессора М. И. Ненашева, члена редколлегии Вестника Вятского госуниверситета.....	7
<i>Комаров Сергей Владимирович. Другой ренессанс (комментарии к одному фрагменту В. В. Библихина).....</i>	9
<i>Быкова Екатерина Васильевна, Городилова Татьяна Сергеевна. «По тихим обителям» Василия Розанова: монастырь и мир – как совместить? .....</i>	19
<i>Снетова Нина Васильевна. Анализ спиритизма в философском творчестве Николая Страхова.....</i>	28
<i>Политов Андрей Викторович. Особенности хронотопологической структуры экзистирования в «Улитке на склоне» Стругацких.....</i>	34
<i>Коротышева Наталья Николаевна. Сверхчеловек: Фр. Ницше vs А. А. Богданов .....</i>	44
<i>Счастливецва Елена Анатольевна. Вл. Соловьёв в контексте феноменологической традиции.....</i>	50

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Щербинина Елена Васильевна, Костин Алексей Александрович, Ефимова Наталья Михайловна. Оценка сформированности патриотических ценностей в аксиологической картине мира студенческой молодежи .....</i>	59
<i>Богоревич Наталья Александровна, Ежова Мария Владимировна, Лобутева Елена Сергеевна. Личностный запрос студентов на организацию наставнического сопровождения в вузе .....</i>	72

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Щукина Мария Алексеевна, Яковлева Марина Александровна. Восприятие интернет-мемов кризисной тематики в период средней взрослости .....</i>	86
<i>Втюрина Татьяна Анатольевна. Ментальные репрезентации мотивации в научном и обыденном сознании.....</i>	103
<i>Леменц Татьяна Александровна. Экзистенциальные смыслы в переживании педагогической профессии как лично значимой миссии.....</i>	117

РЕЦЕНЗИИ

<i>Коршунова Ольга Витальевна. Уроки столетия: зачем современной России нужен опыт Вятской школы методистов-физиков? .....</i>	126
--	-----

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

PANEL DISCOURSE

"RUSSIAN PHILOSOPHY: AN EXPERIENCE WITH POLYPHONY"

Introductory remarks by professor M. I. Nenashev, member of the editorial board of the Herald of Vyatka State University	7
<i>Komarov Sergey Vladimirovich.</i> Another Renaissance (comments on one fragment by V. V. Bibikhin)	9
<i>Bykova Ekaterina Vasilievna, Gorodilova Tatyana Sergeevna.</i> "The Quiet Abodes" by Vasily Rozanov: How to Reconcile Monastery Life with the Secular World.....	19
<i>Snetova Nina Vasilyevna.</i> Analysis of Spiritualism in the philosophical work of Nikolai Strakhov.....	28
<i>Politov Andrei Viktorovich.</i> Features of the chronotopological structure of existence in the "Snail on the Slope" by the Strugatsky brothers.....	34
<i>Korotysheva Natalia Nikolaevna.</i> The Superhuman: Friedrich Nietzsche vs. Alexander Bogdanov.....	44
<i>Schastlivtseva Elena Anatolyevna.</i> Vl. Solovyov in the context of the phenomenological tradition.....	50

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Shcherbinina Elena Vasilievna, Kostin Aleksey Aleksandrovich,</i> <i>Efimova Natalia Mikhailovna.</i> Evaluation of the development of patriotic values in the axiological picture of the world of student youth.....	59
<i>Bogorevich Natalia Aleksandrovna, Yezhova Maria Vladimirovna,</i> <i>Lobuteva Elena Sergeevna.</i> Personal request of undergraduate students for the organization of mentoring support at the university	72

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Shchukina Maria Alekseevna, Yakovleva Marina Aleksandrovna.</i> Crisis-related Internet memes in the subjective assessment of people experiencing a midlife crisis.....	86
<i>Vtyurina Tatyana Anatolyevna.</i> Mental representations of motivation in scientific and everyday consciousness	103
<i>Lements Tatiana Aleksandrovna.</i> Existential meanings in the experience of the pedagogical profession as a personally significant mission.....	117

REVIEWS

<i>Korshunova Olga Vitalievna.</i> Lessons of the Century: Why Does Modern Russia Need the Experience of the Vyatka School of Physics Methodologists?	126
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ПАНЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС «РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОПЫТ ПОЛИФОНИИ»

EDN: CXPZZE

Вступительное слово профессора М. И. Ненашева, члена редколлегии Вестника Вятского государственного университета

Настоящий выпуск Вестника, точнее, его раздел «Философские науки. Панельный дискурс», состоит из статей, посвященных русской философии, пермских и вятских философов. В определенной степени мы решили повторить опыт прошлых круглых столов¹, на которых обсуждались доклады «Александр Герцен и судьбы России» и «Единство и многообразие русской философии» профессора, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ Михаила Александровича Маслина².

На этот раз мы построили выпуск не на обсуждении конкретной персоналии или особенностей русской философии в целом, но на статьях, подобранных по принципу тематического разнообразия, или, скажем так, тематической палитры, и касающихся вопросов не очень обкатанных и не очень привычных. Попробую сыграть роль дантовского Вергилия, чтобы показать, что лично мне в этих статьях представляется интересным и неожиданным.

Статья профессора *С. В. Комарова* «Другой ренессанс» построена в виде комментариев к фрагменту из книги «Язык философии» современного русского философа В. В. Библихина. В то же время в статье развиваются мысли прежних работ автора об амбивалентности русского бытия. И Европа, и Россия отталкиваются от христианской идеи преодоления своей конечности (греховности). Однако европеец, принимая свою изначальную конечность, направляет энергию на внешнее овладение Миром, создав систему сдержек и противовесов в виде морали, права, полиции, социальных институтов. А стремление русских к преодолению конечного ведет к пренебрежению земным бытоустройством, к максимализму и ригоризму, и в итоге к нигилизму в отношении всего земного как несовершенного и неспособного к воплощению идеального бытия. Поэтому при понимании невозможности земного воплощения идеала для русских само движение к нему становится выражением существа их существования, вечной ренессансной формой русской истории.

В статье доцентов *Е. В. Быковой* и *Т. С. Городиловой* «По тихим обителям» Василия Розанова: монастырь и мир – как совместить?» описывается паломническая поездка русского философа в монастыри Нижегородской губернии в 1904 году. Она помогла Розанову примирить его с монашеством. Он обнаруживает в жизни Серафима Саровского ценность и полноту бытия, пример труда и смирения, сближающего монастырь и мир. Розанов поражается великому преобразованию, какое производит в человеке обстановка и дух монастыря. В то же время он называет эту красоту «монотонным явлением». Выехав из монастыря, он видит леса и поля, говорит ямщику: «Здесь лучше, с этими ...веселее. И “веселее” – не дурным весельем, а просто в смысле “легче стало”».

Доцент *Н. В. Снетова* в статье «Анализ спиритизма в философском творчестве Николая Страхова» показывает, что, вопреки частой оценке Н. Страхова как религиозного философа, важное место в его деятельности занимает критика спиритических взглядов, которых, в частности, придерживались такие крупные ученые, как зоолог Н. П. Вагнер и химик А. М. Бутлеров, признававшие существование самостоятельных духовных сил. Страхов возражает, что

---

¹ См. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(1) и Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 2.

² В этом году М. А. Маслин ушел из жизни.

духовные силы именно потому, что они духовные, не могут двигать столы и блюда, приводить в движение мебель и разговаривать. Такого рода «факты» невозможны, потому что противоречат законам физики. К заслугам Страхова можно также отнести разработку соотношения научного, вненаучного и псевдонаучного знания, эмпирического знания и умозрения, положения, что отрицание абсолютной истины влечет за собой отрицание истины вообще.

В статье профессора *А. В. Политова* «Особенности хронотопологической структуры экзистирования в «Улитке на склоне» Стругацких» используется понятийный аппарат теории хронотопа в качестве метаязыка для описания произведения братьев Стругацких «Улитка на склоне».

Так, согласно основателю концепции хронотопа *А. А. Ухтомскому*, единичное предстает в качестве «мировой линии», включенной в общемировой макрохронотоп, оно обладает индивидуальной судьбой и экзистенциально значимым существованием. Хронотопология *М. М. Бахтина* складывается из философии поступка, онтологии события и диалектики автора и героя. В «Улитке на склоне» Стругацких хронотопологическая структура человеческого экзистирования отрефлексирована и выявлена не только с художественной, но и с философской точки зрения. В произведении изображен замкнутый круг наличного бытия, навсегда вошедшего в жизненный мир и сознание индивида. В романе вводится антитеза подлинной и открытой природной топологии (Лес, обрыв, небо, горизонт...) и неподлинного отчужденного мира «Управления по делам Леса». Индивиду предлагается выбор между ними. Для меня лично важно описание случая вырождения хронотопа в «человеческую машину» из говорящих голов, бездумно движущихся по круговым «мировым линиям».

Доцент *Н. Н. Коротышева* в статье «Сверхчеловек: Фр. Ницше vs А. А. Богданов» проводит сравнение в понимании современного человека Фр. Ницше и А. А. Богдановым. Первый рассматривает человека как этап в становлении сверхчеловека, согласно второму человек еще только должен возникнуть в процессе его «собираения» и преодоления состояния раздробленности и специализации «авторитарно-индивидуалистического» мещанского мира. Показывается совпадение взглядов Ницше и Богданова на проблему человеческого бессмертия. По Ницше, обещание бессмертия или вечной жизни, по сути, ничем не отличается от проповеди смерти, ибо исчезает смысл человеческого бытия. У Богданова в рассказе «Праздник бессмертия» изобретение лекарства для вечной жизни оборачивается ужасом одиночества, превращением человека в автомат, с точностью часового механизма, повторяющего самого себя.

Профессор *Е. А. Счастливцева* в статье «Вл. Соловьев в контексте феноменологической традиции» показывает, как в конце XIX – начале XX века сложилась идейная атмосфера, которая, как мне лично представляется, вполне может быть охарактеризована как своего рода «незримый колледж» (Джон Бернал), включающий деятельность европейских и русских философов (В. Шуппе, К. Штумпф, Т. Липпс, Р. Эйслер, Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой, П. Д. Юркевич, Г. Шпет). Из этой идейной атмосферы выросла феноменология Эдмунда Гуссерля. Анализируются работы Вл. Соловьева, и показывается, как, начиная с «Кризиса западной философии», наметилась тенденция к критике психологизма и субъективизма, в том числе критика «субъективного опыта» Канта: ведь если наше сознание априорно, то оно ничего не может знать за своими собственными пределами, за исключением явлений. Но в основном автор рассматривает идеи поздней работы Вл. Соловьева «Теоретическая философия». Лично мне показалась неожиданным и интересным особое внимание, проявленное автором, к имманентной философии Вильгельма Шуппе, которая в отечественной литературе до сих пор представлена сравнительно мало.

Вот что хотелось сообщить уважаемым читателям.

Другой ренессанс (комментарии к одному фрагменту В. В. Бибихина)

Комаров Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, декан философско-социологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-7358-6151. E-mail: philos.perm@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется фрагмент из книги В. В. Бибихина «Язык философии» (1989). Основной идеей этого фрагмента является утверждение о ренессансном характере России как исторического образования. Ренессансный характер русского бытия раскрывается через три концепта: русскую негативность, метафизику русского народа, существо русского бытия. Во-первых, рассматривается феномен *русской негативности*, который выражается в отрицательном отношении русского человека к собственной конечности как выражению его изначальной греховности. Однако различие установок в отношении своей конечности и целостного Мира у русского человека и европейца означает дифференциацию негативного. Показано, что в отличие от европейца это отношение реализуется не в стремлении к овладению внешним Миром, но в стремлении к внутреннему самопреображению. Это выражается, в отличие от европейцев, в амбивалентном отношении русских к социальным институтам государства и власти. Во-вторых, рассматривается фундаментальная *метафизика русского народа*, которая скрывается за этой негативностью и которая заключается в обожении Мира. Отрицательное отношение русского человека к своей конечности имеет обратной стороной позитивное принятие мира как целостного бытия. Поэтому в отличие от понятия *Machenschaft* («махинации») европейца, которое выражается в эксплуатации всей природы и самого человека как их тотальной негации, положительное принятие Мира как целостного бытия оказывается его (другим) Ренессансом. Метафизика русского бытия связана с реализацией именно идеала бесконечного и целостного бытия, с воплощением в земном существовании небесного бытия. Именно это, в-третьих, определяет само *существо русского существования* (*Russentum*) («русскость»). Ренессансная природа русского бытия заключается в вечном начале присутствия в Мире через преобразование человека. Это выражается парадоксальным образом в русской истории: она представляет собой длящуюся попытку начать историческое существование заново. Ренессанс – это всегда попытка осуществиться в исторической действительности. Наиболее адекватной культурной формой русского ренессанса являются не социальные институты, а поэзия и философия.

Ключевые слова: Ренессанс, Россия, негативность, конечность, *Machenschaft*, преобразование, *Russentum*, история.

Die Geschichte der Erde der Zukunft ist aufbehalten im noch nicht zu sich sbefreiten Wesen des Russentums. Die Geschichte der Welt ist aufgetragen der Bessinnung der Deutschen.

M. Heidegger [15, S. 108]¹

Слова М. Хайдеггера, вынесенные в эпиграф этой статьи и сказанные в 1942 году, удивительно перекликаются с размышлениями В. В. Бибихина, написанными в 1989 году. Речь идет о небольшом фрагменте в конце книги русского мыслителя «Язык философии» [1, с. 363–374], в котором ставится заново вопрос об исторической судьбе нашей родины. В 2025 году этот небольшой фрагмент текста звучит удивительно современно и даже пророчески, ибо мы опять, по-видимому, стоим перед своим историческим выбором. Немецкий философ говорит о еще нераскрытой сущности России (*Russentum*); корреспондентно ему русский философ видит смысл русской истории именно в раскрытии этой сущности, в ее постоянном возрождении (*Auferstehung*). В. В. Бибихин утверждает, что судьба России – это постоянное начало, возрождение, восстановление, новое начинание ее истории. Не сон, а ренессанс – существо русской истории.

Эти размышления В. В. Бибихина, безусловно, отсылают к историческому началу философских размышлений о судьбе России – к «Философическим письмам» П. Я. Чаадаева [10,

с. 320–441]. В отличие от последнего определение исторической судьбы России у Библихина положительное: Россия – всегда в начале исторического бытия, она есть порыв к историческому существованию. «...Россия... с самого начала была... историческим начинанием». А если это так, то «дело всеобщего восстановления (Auferstehung)... у Европы и России одно» [1, с. 363].

Для В. В. Библихина ренессанс есть ключевой момент русской судьбы и русской истории; это – состояние России. Он «был не просто перенят Россией, а укоренился на почве русского мира» [1, с. 363]. Но что послужило основой такого ренессансного определения России?

Наша цель – понять: 1) как русский философ понимает ренессансную природу России, 2) что за метафизика лежит за этой судьбой и 3) в чем эта метафизика находит свое полное выражение.

1. Русская Negativität. Основной оппозицией, определяющей русскую историческую судьбу, является оппозиция России и Европы. С одной стороны, русские по своим географическим, историческим, религиозным основаниям принадлежат европейской цивилизации и культуре, с другой стороны, они сами себя отличают от европейцев. С одной стороны, мы оцениваем себя как одно из племен в цветущем разнообразии Европы, с другой стороны, требуем к себе «особого аршина». Это *амбивалентное* отношение к самим себе является главной загадкой русской истории.

Что послужило русским мыслителям: П. Я. Чаадаеву, славянофилам и западникам XIX века, Ф. И. Тютчеву и Ф. М. Достоевскому, большевикам и евразийцам 20–30-х годов, различными ориентациям в среде советской интеллигенции 50–80-х годов XX столетия² – основанием для утверждения этого отличия России от Европы? Нужно заметить, что обычные точки зрения на это отличие грешат поверхностностью суждений: противоположности коллективного и индивидуального начала, подчиненность общественному началу и личное достоинство, общинное бытие и индивидуальная свобода, различие в географических условиях существования, диктующих коллективный и индивидуальный образы жизни как способы существования, различия социальных институтов, и т. п., все вторичны. В отличие от этого В. В. Библихин замечает, что дело тут не столько в недостатке сознания у русских индивидуального начала или чувства личного достоинства (кстати, порождений европейского Ренессанса), сколько в «мудром знании, что никакое самоуправство человека на земле его в конечном счете не устроит» [1, с. 364]. Иначе говоря, проблема тут гораздо глубже: различие заключается в изначально различных установках в отношении к себе и к миру, а именно: в изначально *отрицательном* отношении русского человека к самому себе.

Это в своей основе, безусловно, христианская идея – отрицание своей конечности, которая, однако, может иметь различные оценки и различную практическую реализацию. Скажем, М. К. Мамардашвили усматривает в трезвом сознании европейца признание своей конечности как фундаментальной черты его существования [6, с. 359–360], а В. В. Библихин, напротив, видит в таком сознании отрицание русским человеком конечности и непринятие ее как своей изначальной «греховности». Это одна и та же оценка, но с разными знаками. Один философ видит в этом причину «выпадения из истории», другой мыслитель – «вечное начало» русской истории.

Вопрос заключается в том, как жить с осознанием своей изначальной конечности? Европейец, принимая свою конечность («греховность») как изначальную природу, всю энергию своего отрицания направляет на внешнее овладение Миром. Преодолеть в земной жизни собственную конечность невозможно, но можно создать систему сдержек и противовесов в виде морали, права, полиции, социальных институтов, которые «дополняют» эту конечность за счет власти над Миром, т. е. ставя его на службу человеку [6, с. 366–374]. В отличие от этого русский человек, отрицая свою изначальную конечность («греховность»), направляет всю свою энергию на ее преодоление (начиная от практического преодоления эгоизма, федоровского воскрешения всех мертвых, русского космизма до «умной молитвы» и практики «обожения» в монашеских практиках [9, с. 88–172]). Он воздерживается от овладения Миром и постановки его себе на службу. Этим вообще отличается отношение к Миру русского человека по сравнению с европейцем. Отношение к науке и технике, великое географическое расширение России на Восток и на Север, русский космизм и русский коммунизм, догоняющие модернизации и отношение к любым социальным реформам, и т. д. – всё это лишь внешние

² См. блестящую и точную характеристику в этом отношении советской интеллигенции 60–80-х годов, данную Г. П. Щедровицким [11, с. 334–337].

проявления самоустроения в Мире и проявления стремления русского человека к преодолению своей конечной («греховной») природы. *Установка русских на преобразование себя – это стремление соответствовать Миру как всеобщему и целостному (цельному) бытию* [1, с. 364–365].

Таким образом, различие установок в отношении своей конечности и целостного Мира у русского человека и европейца означает *дифференциацию негативного*. Принятие собственной конечности ведет к негации Мира, и, наоборот, признание Мира как высшего бытия зиждется на отрицании собственной конечности.

Это ведет к различным историческим путям проявления этой негативности. Увлечение формальной стороной существования человека вело европейца к *абсолютизации* формы. И если на первых порах европейской истории именно это создавало цивилизационные опоры культуры, то затем, обращенное на культуру, оно привело к формализации культуры и утере ею всякого содержания. Именно это мы и видим в современной постмодернистской культуре, искусстве и философии: выхолащивание всякого человеческого содержания. Это «культура как культ», «искусство для искусства», «философия для самой себя» [5, с. 124–125]. История сделала оборот и привела в конце XX века к своей противоположности: попытка обуздать конечное формальным образом ведет к триумфу самого конечного. Абсолютизация формы привела к формализации Абсолютного, а значит – к его отрицанию, а это чистый нигилизм [12, с. 24].

С другой стороны, стремление русских к преодолению конечного порождает идеализм. Абсолютизация Божественного и Небесного ведет русских к пренебрежению земным бытием, к максимализму и ригоризму, а в итоге к нигилизму в отношении всего земного как конечного и несовершенного. Но история делает оборот и приводит к своей противоположности: попытка построить Царство Божие на земле приводит не только к отрицанию самого Абсолютного как неспособного к земному воплощению, но и к отрицанию самого земного существования как неспособного к воплощению этого идеального бытия. «Тот, кто не выносит в себе человека, потом не выносит и человечества» [6, с. 366]. Это чистое отрицание всего есть триумф нигилизма! В конце XX века противоположности русской и европейской истории сошлись: один исход с разных сторон.

2. Молчание власти и молчание народа. Русская негативность находит свое наиболее яркое выражение в амбивалентном отношении к высшим социальным институтам – государству и власти. Для европейского человека государство является высшим воплощением разума, для русского человека – это необходимое зло земного существования. Амбивалентность отношения русских к власти проявляется, с одной стороны, в обожении всякой власти, а с другой стороны, в негативном отношении к ней и ее представителям. Как верно замечает В. В. Библихин, у нас «в общественное устройство... встроена *метафизика*, в том смысле, что для нее в этом устройстве заранее отведено заметное место. Эта встроенная метафизика имеет черту отрицания способности человека устроить на земле своими средствами самого себя. Ее обратная сторона – нигилизм». Иными словами, заранее как бы задано, что европейец может устроить себя сам и на себя надеется, а русский – нет. И это именно благодаря коллективному опыту русской истории: социальное устройство всегда у нас несовершенно, все сикось-накось, хотя и со «смекалкой», да на «авось!» «Правоправность самоустроения... не признается до конца. В той мере, в какой кто-то хочет просто сам устроиться, он сам себя в наших глазах уличает» [1, с. 365].

И тут мы сталкиваемся с иным проявлением негативности в русской истории: отношение к земному институту как к небесному. С одной стороны, пишет русский философ, власть есть средство земного устроения человека, с другой стороны, любые земные преобразования должны соответствовать чаяниям народа. В. В. Библихин пишет: «Власть всегда стояла перед лицом... обязанности истолковать многозначное молчание [русского народа. – С. К.], нависшее над неустроенной землей, – не просто выжидательное и отнюдь не нерешительное, наоборот, скорее, полное решимости, терпеливое, догадливое, умудренное жизненным опытом. Молчаливая обращенность к середине страны, откуда ожидается слово правды, – это почти нечеловеческий вызов, с которым приходится иметь дело тех, в чьих руках оказывается власть» [1, с. 366]. Это молчаливое ожидание оказывается практически невыносимым для любой власти, ибо это ожидание адресовано к ней не как земной, а как небесной, а в таких условиях всякая абсолютная земная власть оказывается неабсолютной.

В отличие от этого суверен Дж. Локка вообще свободен от всяких ожиданий народа; но его абсолютная власть зиждется, в свою очередь, на частной свободе от нее граждан. В России

между властью и народом граница никогда не оговорена. Общественный договор оказывается не договором, а *приговором*. Поэтому, с одной стороны, власть оказывается перед лицом многозначного молчания народа, с другой стороны, и сама власть оказывается тоже молчащей, поскольку ответить на молчание народа можно только собственным молчанием. Дело не в отсутствии институтов коммуникации между властью и народом, а в том, что ожидания народа ко власти обращены к ней не как к земному, а как небесному устроителю земли. Какой может быть общественный договор, земский собор, совет и конституция, когда речь идет о обращении к «небесной» власти?! С Богом не договариваются... Поэтому сами по себе социальные конструкции, которые бы регулировали отношения власти и народа, перед лицом таких отношений (ожиданий) роли не играют.

Поэтому, продолжает русский философ, «власть по самому своему существу не такая вещь, чтобы она могла ответить на этот вызов. Слово власти оказывается у нас поэтому, как правило, заговариванием, отговоркой, оговоркой, оговором» [1, с. 366]. Здесь дана точная констатация отношения русской власти с народом. Поскольку ожидания (требования) ко власти высказаны быть не могут, то и власть отвечает молчанием, ибо не является небесной властью. Или отвечает заговариванием, стараясь скрыть свою земную природу, или отвечает не на тот вопрос, который народ молчаливо перед ней ставит. В этом заговаривании и отговорках скрывается то, что по самому своему существу земная власть не способна ответить на небесные (абсолютные) ожидания русского народа. Ответствует не на то, что является существенным, а на вторичное, внешнее, несущественное, в надежде отвлечь и заговорить народ³. При этом, с другой стороны, это заговаривание и отговорки молчаливо принимаются народом, поскольку *понимается* – амбивалентно – действительная, земная природа правителей; власть «дурит» и «зомбирует» народ, который именно этого и ожидает от власти как земного воплощения. Именно это глубинное понимание расхождения небесной и земной властей рождает негативное отношение народа ко власти как таковой: всякая власть от лукавого! Далее, продиктованные активизмом власти ее слова, задуманные в желательном наклонении, часто соскальзывают в наклонение изъявительное. Чем более власть говорит, тем более она ощущает это отрицательное отношение народа. И это приводит к тому, что заговоры и отговорки превращаются в оговорки и оговоры: отрицательное отношение к власти оборачивается негативным отношением власти к народу. «Власть у нас обречена на оговорки и заговаривания именно потому что, как нигде, она нуждается в том, чтобы быть безоговорочной. Только безоговорочная правда власти могла бы ответить терпеливому молчанию земли» [1, с. 366].

Именно земной характер власти делает ее уязвимой перед абсолютными («небесными») ожиданиями народа. Такая диалектика отношений власти и народа пронизывает всю русскую историю: с одной стороны, государство есть объект высшего служения, с другой стороны, оно есть предмет высшего презрения. В частной жизни мы стараемся максимально дистанцироваться от государства, власти и политики, одновременно рассматривая их как высший объект своего служения.

3. Русская метафизика. Отношение к Миру. Негативное отношение к высшему земному устроению – государству – выявляет некую *фундаментальную метафизику* русского народа. Суть дела в том, что христианская идея отрицательного отношения к своей конечности оказалась очень близка к русской народной психологии. Это скрытая в глубинах народного духа фундаментальная установка (*Ansicht*) в отношении к Миру как целому⁴. Здесь основа русского мировоззрения, попытке определения которого посвящены многие произведения русских философов – Ф. М. Достоевского, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Г. В. Флоровского и т. д.

Это фундаментальное настроение (*Stimmlichkeit*) обусловлено тем, что Мир понимается и принимается изначально как целое бытия человека и как состояние этого целого. Он одновременно и *данный*, и *заданный*; это то, что непосредственно явлено и при этом выступает задачей человеческого бытия. При невозможности перевести свой идеал в действительность русский человек преобразует действительность в свой идеал! Мы смотрим на то, что есть, че-

³ Как М. С. Горбачев заговаривал народ разговорами об ускорении, перестройке и гласности, хотя в действительности речь шла о демонтаже всей социальной системы страны.

⁴ Это то, что ранний Гегель называет “*Volkstum*”, а чуть позднее “*Volksgeist*” и что связывается с идеалом народа и его религиозным чувством. См. [2, с. 60–64]. В XX веке это стало носить название “*Weltanschauung*”, теряя содержание идеала (настроенности) и превращаясь в представление некоторого нейтрального взгляда на окружающий мир.

рез то, чего нет, и наоборот, на то, чего нет, как на то, что является действительным. Такая установка есть выражение самой сути русской метафизики: негативное отношение к конечному и открытость бесконечному бытию выражается не антиномией (или... или), не механическим синтезом (и то и другое) и не гегелевским «снятием» (одно как выражение другого), а онтологическим признанием одного и другого через их дизъюнктивный синтез – *(н)-есть* [4, с. 150–151]. В этой формуле выражается именно действительный смысл идеала в его преобразующей действительности; в ней выражается отрицательно-положительное эсхатологическое, эстетическое, нравственное устремление русских.

Отрицание самоустроения человека связано с пониманием того, что «человек, устроивший себя на земле, себя не устроит, устроит не себя» [1, с. 367]. Это знание – указывает философ – и сделало ревностным наше отношение к европейскому делу. «Мы вызов тому Ренессансу, каким ему всегда грозит оказаться, – планом чисто человеческого обустройства на земле. Мы, так сказать, для того, чтобы случилось иначе. Наша правда в том, что мир, который все равно никогда не может стать и никогда не станет устройством, на эту метафизику обречен» [1, с. 367]. Смыслом жизни для русского человека становится осуществление этого идеала бесконечного и целостного бытия.

Речь идет опять о тотальном противопоставлении Западу, который рассматривает целое мира как поле экспансии собственной активности. Речь идет о характерной черте Европы, которую М. Хайдеггер именуется «*Machenschaft*». Это тотальная опредмечивающая и овеществляющая деятельность, которая весь мир – всю природу и самого человека – поставляет в наличное присутствие и пользование. Все окружающее рассматривается теперь как предмет преобразующей деятельности человека по его мерке и в соответствии с его потребностями. Все вещи превращаются только в резервуары энергии и вещества, которые можно использовать по субъективному усмотрению. Это тотальная деятельность поставка превращает и самого человека исключительно в предмет его же деятельности; собственные человеческая чувственность и субъективность при этом также превращаются в предмет обмера, обсчета, рассудочного понимания и предметного представления для дальнейшего использования. Такое превращение человека в вещь, существование его по мерке материальных вещей ведет к выхолащиванию всех социальных отношений; любовь, дружба, родственные связи – всё превращается в предмет наличной манипуляции. *Machenschaft* выступает как планетарное явление поставка (*τεχνική*), т. е. превращения бытия в наличную фактичность; это ведет в конечном итоге к полному опустыниванию (*Verwüstung*) всей жизни на земле. „Denn der Erdkreis geht aus den Fugen, gesetzt daß er je solchen war; und die Frage erhebt sich, ob die Planung des neu-zeitlichen Menschen – und sei sie planetarisch – je ein Welt-gefüge zu schaffen vermag“⁵ [14, S. 242]⁶.

Это стремление к самоустроению в Мире может рассматриваться как выражение определенных социально-политических процессов; сам немецкий философ рассматривает *Machenschaft* как выражение возникшего в эпоху Возрождения «фаустовского духа» активного преобразования мира. Русские философы вполне бы согласились с этой оценкой, уточнив, что это есть выражение прежде всего европейского духа. В. В. Библихин отмечает, что этот план чисто человеческого обустройства на земле неприемлем для русского человека. Как уже говорилось, за этой экспансией стоит принятие своей конечности как положительного начала европейским человеком. Это возрождение человека, но не мира. Поэтому оценка такого ренессанса у русских философов в конечном итоге всегда носит негативную оценку, потому что они видят в этом выражение обожания и обожение конечного человека, но не обожание и обожение самого Мира!

Безусловно, конечность есть наша фундаментальная черта, но негативное отношение к ней не означает только ее отрицание. Амбивалентность конечности заключается в том, что она служит для «схватывания» и выражения бесконечного мира. Дурная бесконечность связана с тотальным отрицанием конечного. Прорыв к трансцендентному может быть в виде *Machenschaft*, но может быть и в виде открытости конечного бытия бесконечному как его идеальное схватывание в мысли и слове. Это *другой Ренессанс*, суть которого не в овладении миром, а в том, чтобы через конечное существо человека дать слово миру. «Мир не спустится

⁵ Heidegger M. *Wegmarken*. 3. durchges. Aufl. Frankfurt am Main, 1996. S. 242.

⁶ «Тогда весь круг Земли трещит по швам, если он вообще был скреплен, и встает вопрос о том, не способно ли планирование новоевропейского человечества, ставшее планетарным, изменить (пересоздать) само устройство Мира» (перевод автора).

сам с неба. Мира не будет без войны за то, чтобы дать ему слово. Молчание земли, молчание мира просит слова именно как молчание» [1, с. 367], ибо в молчании Земли хранится (aufbewahren) само существо Мира как целого.

Поэтому наше историческое дело не в глобальной организации. «Ключ к миру, – пишет В. В. Биbihин, – не у глобальных организаторов» [1, с. 368], а в том, чтобы дать осуществиться миру как как состоянию бытия человека.

4. Существо Russentum. В земной жизни воплощение идеального бытия невозможно. Идеал нереализуем, но он является условием земного человеческого бытия, условием практического существования человека. Поэтому в действительности идеал существует не как мысль и не как сущее, но *сбывается* в моменте перехода от идеального к реальному, от мыслительного к практическому бытию. Нельзя абсолютизировать ни благие намерения человека, ни их практическую реализацию: первое ведет к идеализации бесконечного, второе – к идеализации конечного. Но сам практический переход от только идеального к практическому бытию и есть действительность осуществления идеала и самого человека; здесь конечное *становится* воплощением бесконечного. А это и означает постоянное Auferstehung, постоянное возрождение. Это и есть тот другой Ренессанс, о котором все время грезят русские и который все время реализуется в русской истории. Русский человек живет в момент воплощения бесконечного, в событии реализации идеала – ни до, ни после.

Поэтому судьба России – вечный Ренессанс как постоянное земное преобразование человека. Это кажется парадоксальным при взгляде на русскую историю. Действительно, «тысячелетний вросший в нас опыт и невозможности мира и невозможности устроиться без мира принимают за недоразвитость, серость, сырость, темноту» [1, с. 368]. В самом деле, мы можем предъявить мало готового, блестящего, значимого для других народов, важного для экспансионистского развития науки и техники, для овладения миром, существенного для государственного цивилизационного строительства и т. п. Вспомним аргумент П. Я. Чаадаева, что исторический опыт России имеет, кажется, отрицательное значение; и М. К. Мамардашвили прав в оценке изначального идеализма русских. «В нашем надрыве от нашей неустроенности целое [Мира. – С. К.] <...> присутствует своим кричащим отсутствием» [1, с. 368].

В чем же тогда выражается ренессансная природа русского бытия? Она выражается в *вечном начале* присутствия в Мире через преобразование человека. Мир вовсе не поле активности человека, его Machenschaft; Мир есть такое условие человеческого существования, открытие которому возможно только через преобразование последнего. Отрицательное отношение к своей конечности есть открытость (Offenbarkeit) Миру. «Присутствие отсутствия мира – вовсе не ничто и не пустота... Она пустота, но не для всего; она пустота мира, готовая впустить в себя только его» [1, с. 368]. Открытость Миру – значит возможность прислушаться к его речи; эта речь есть молчание земли, ибо ее неслышно, когда человек занимается глобальным планетарным переустройством. Молчание земли можно услышать, только преобразовав себя, только откинув все конечное, эгоистичное, себялюбивое, а это и означает преобразование человека. Отрицание конечного означает интенцию на вслушивание в голос Мира как целого, только это дает «возможность вслушаться в молчание, которым молчит земля» [1, с. 370].

Это настроение (интенция) есть важнейшая сторона русского бытия и мышления; русские, как очарованные странники, вслушиваются в голос земли, вглядываются в целое Мира. Это скрытое в глубинах народного духа настроение (Stimmlichkeit) пронизывает весь исторический опыт русского народа. Раз за разом – индивидуально и коллективно (соборно) – снова и снова совершаются попытки схватить гармонию Мира. «Народ не слеп, он ослеплен блеском мира, который невиден», – говорит наш философ [1, с. 369].

Такая постоянная попытка вслушивания в голос Мира и молчание земли, в котором хранится (aufbewahren) гармония бытия, и составляют историческую судьбу русского народа (Seinsgeschichte). Тут культура и образование не имеют никакой силы. «Народ у нас тысячелетие приобщен к трагедии человеческой истории через войны, через голодное вымирание, через напряжение физических и нервных сил, приобщен так, как искусство и культура, даже мировое искусство и культура для себя еще только могут мечтать» [1, с. 369], потому что в высших достижениях русской культуры и искусства, в достижениях технической мысли, в великих покорениях пространства и времени, в победоносных битвах и полете в космос выступает не европейское Wille zur Macht, но именно настроение поиска гармонии бытия. Это есть наш способ вхождения в историю: в распрях, расколе, голоде, войнах и революциях, ГУЛАГе и разорениях, в неудачах и исторических катастрофах проявляется стремление к целостному (всеобщему) бытию, отклик на Зов бытия.

Поэтому, пишет философ, наш народ, с самого начала не бывший этносом (а значит, не имевший и национальной идеи), собирался вокруг этой исторической миссии и нес на своем горбу тысячелетнюю ношу великой государственности, связанную с этой идеей преображения конечного и гармонии мира. Русская идея в нашей истории выступала в разных обликах: соборности, всеединства народа, христианской идеи, панславянства, коммунизма, «Царства Божия на земле» и т. д. Но так или иначе она выступала всегда как идея преодоления конечности человека и гармонии Мира. Это хранится в генетическом коде русской культуры и истории⁷.

В этом смысле существо *Russentum* заключается ренессансной природе – в новом начинании (*Auferstehung*) мира заново, в начале самой истории мира. «При всех наших срывах мы принадлежим Ренессансу как историческому начинанию, делу восстановления мира. Попытки исключить нас из Возрождения делают нас не в большей, а меньшей степени самими собой. ...Дело восстановления всего – дело мира. Оно историческая задача. Та же самая, а не другая задача – наша страна в правде ее замысла» [1, с. 369–370].

Дело, следовательно, не в самой русской идее (идеале), а в самой *попытке ее реализации*. Это всегда начало истории и событие исполнения человека перед лицом Мира. Это наша судьба (*Geschick*) не примиряет жертв с палачами, а власти с народом; но она делает возможной Россию как историческую державу, ее восстановление и осуществление в мировой истории.

5. Обретение собственной формы. Ренессанс – это всегда попытка проснуться, войти в явь бытия, осуществиться в исторической действительности. Однако почему попытки войти в историю раз за разом оборачиваются провалом? Почему русская история, казалось бы, движется по кругу?

Здесь необходимо изменить перспективу анализа, чтобы соответствовать предмету анализа. Нужна *иная установка оценки* русской истории, адекватной русской метафизике, чтобы видеть в событиях русской истории не «истеричку идеальности» (М. К. Мамардашвили), а историческое а priori русского характера и паттерн русской истории.

Ренессанс – это не промежуточное или подготовительное начало истории, это *постоянное* усилие быть. Это попытка выхода из хаоса к порядку, даже если в дальнейшем этот порядок снова сменится хаосом. Нельзя обожествлять культурные формы человеческой цивилизации (нормы морали, право, формы общежития, социальные институты), но любая культурная форма в своем генезисе есть выражение энтелехии народа. Поэтому реализация культурной формы всегда оказывается противоречивым процессом, и необходимо различать как энтелехию исторического события и ее эмпирическое проявление в истории.

Какая культурная форма оказывается наиболее адекватной русской метафизике? Такой формой, по мнению В. В. Библихина, являются мысль и слово, философия и поэзия. В этих культурных формах существо русского отношения к миру высказывается в полной мере. Иначе говоря, ни инженерия и социальные проекты, ни формы социального общежития, право и государственное устройство не являются такими формами русского существования, потому что эти культурные формы в своем эмпирическом выражении, во-первых, не обладают русской спецификой, а во-вторых, они легко трансформируются в средства глобальной организации Мира. Только слово и мысль хранят обращение к Миру как целому (это касается любого языка при условии, что он не подвергнут редукции *Machenschaft*). А то, что пока молчит и скрыто, то должно обрести возможность быть сказанным.

В. В. Библихин говорит: слушать умеет не каждый народ. Для этого важна именно внутренняя установка на целостное бытие. Такая внутренняя установка была у греков. Полнота бытия открывалась им непосредственно. Эллины стояли лицом к лицу с бытием. И это бытие грекам раскрывалось в каждой вещи как единство Неба и Земли. В дальнейшем среди европейских народов в наибольшей степени немцы выступили как наследники и хранители античной культуры. Такова общая установка всех немецких философов от Гегеля до Хайдеггера [3, с. 72–73; 7, с. 381–390; 8, с. 220–221]. Именно немецкий язык в силу своей синтаксической и семантической особенности в наибольшей степени позволяет выразить бытие, правда, теперь – после стольких лет забвения бытия – только как идею. В этом смысле Хайдеггер и говорит о Небе как о немецкой родине [13, S. 31]. Поэтому основной установкой германского духа является неизбывный символизм и романтизм как стремление к идеальному. Однако аб-

⁷ Как показывает СВО, пробуждение этого давно, казалось бы, утерянного русскими людьми исторического чувства. Они вновь начинают ощущать себя не отдельными индивидами, а единым народом с единой исторической судьбой.

солютизация формы и *Machenschaft* приводят к коррозии немецкого духа [8, с. 125]. Русское существование направлено на мир как целостное и всеобщее бытие, которое, однако, должно быть реализовано на земле. То, что это невозможно, не отменяет того, что мы принуждены это делать раз за разом, ибо только в этом событии-сбывании открывается полнота бытия и небесное существует не как идеальное (грезы романтизма), но как действенный фактор земного существования человека. Можно сказать, что единство немецкого Неба и русской Земли хранят (*aufbewahren*) и открывают (*erschließen*) целостное бытие греков, поскольку “*die Geschichte selbst ist hier je einig die des Seyns, und zwar die Wesung seiner Wahrheit, in der Erde und Welt in den Streit als ihren Ursprung sich finden*” [15, S. 108]⁸.

«Мыслитель и поэт чувствуют слово: слово на этом просторе звучит; пространство такое, что слово в нем слышно. То, что такое пространство есть, – событие мировой истории, событие истории мира» [1, с. 370]. Поэтому мы всегда стоим перед историческим шансом, ибо нет никакой гарантии, что все будет длиться дальше, как оно длилось до сих пор. Каждый момент времени есть условие нового возрождения.

Мир говорит языком поэзии и философии. «Мир не такая вещь, чтобы его можно было устроить [хотя бы помощи слов – символически, логически или образно. – С. К.]. Миру надо уступить. Надо дать ему слово. ...Слово звучит по-настоящему только тогда, когда мы его не берем, а отпускаем» [1, с. 371]. Мы всегда в мире, но не всегда ему открыты. Пока человек говорит, мир молчит; он начинает говорить только в нашем молчании. Но всякий раз человеческая речь обусловлена Миром; в этом смысле – он есть начало нашей мысли. Но только когда мы по-настоящему открываемся (*werden sich*) к Миру, слово начинает в полном смысле звучать, потому что в этом случае оно выражает не нас, а сам Мир. И оно вдвойне начинает наполняться смыслом, когда мы обращаемся (*ansprechen*) к Миру. Первое и последнее слово всегда будет за Миром, поскольку, говорит философ, «мы ведь остаемся в нем и тогда, когда его не видим, и когда его в нас нет, и когда мы от него отвернулись» [1, с. 371–372].

Это значит, что в действительности мы всегда в самом начале. Ренессанс – это другое начало (*der andere Anfang*) человеческой жизни вообще. И это начало русского бытия и русской истории. Но мы говорим и мыслим на русском языке. Поэтому задача – вслушаться в нашу философию и в нашу поэзию, чтобы раскрыть в ней не национальную особенность, а всеобщее: подлинную событийность и историчность человеческого существования вообще. Вслушиваясь в язык и вглядываясь в бытие, мы открываем не только особенность русской метафизики, но метафизики вообще, хотя и высказанной по-русски. «Нашей мысли пора быть настолько нашей, чтобы быть мыслью просто. Нашему языку пора уже давно быть языком не русской философии, не философии в России, а философии просто» [1, с. 373].

Такая задача – говорить своим голосом и мыслить от первого лица по-русски – по-прежнему стоит перед нами, хотя со времен этого обращения прошло более тридцати лет. Это обретение собственной формы слова и мысли нам необходимо, чтобы прервать дурную традицию противопоставления себя Европе и подчеркивания своей особенности. *Наша особенность и есть по-русски высказанное европейское дело: ренессансное начало Мира.*

Список литературы

1. Биbihин В. В. Язык философии. СПб. : Наука, 2007. 389 с.
2. Гайм Р. Гегель и его время. СПб. : Наука, 2006. 392 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М. : Мысль, 1977. 471 с.
4. Калитин П. В. Уравнение русской идеи (по-святоотечески новая и оригинальная система «мысли-поступка-социума» русских ученых монахов второй половины XVIII – начала XIX веков). М. : Едиториал УРСС, 2002. 278 с.
5. Комаров С. В. Странные объекты Art & Science // Технологос. 2019. № 4. С. 114–127.
6. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М. : Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
7. Хайдеггер М. Гегель и греки // Хайдеггер М. Гегель и греки. М. : Республика, 1993. С. 381–390.
8. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А. Б. Григорьева ; науч. ред. перевода М. Маяцкий. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
9. Хоружий С. С. Феноменология аскезы. М. : Изд-во гуманит. лит., 1998. 352 с.
10. Чаадаев П. Я. Философические письма (1829–1830) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М. : Наука, 1991. 800 с.

⁸ «Здесь сама История раскрывается как Бытие, и, поскольку сущность его истины заключается в Земле и Небе, в их споре находится ее Исток» (перевод автора).

11. Г. П. Щедровицкий. Заметки об общественно-политических настроениях 60-х и 80-х годов // Табачникова С. В. Московский методологический кружок (1954–1989): мышление и деятельность / авториз. пер. с фр. А. В. Русакова]. М. : Политическая энциклопедия : Институт развития им. Г. П. Щедровицкого, 2023. С. 334–337.
12. Эснозито К. Современный нигилизм. М. : РИПОЛ классик, 2022. 237 с.
13. Heidegger M. Der Ursprung der Kunstwerkes (1935/36) // Heidegger M. Holzwege. Gesantausgabe, Bd. 5. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2003. S. 380.
14. Heidegger M. Wegmarken. 3. durchges. Aufl. Frankfurt am Main, 1996. S. 346.
15. Heidegger M. Die Geschichte des Syens. Gesantausgabe, Bd. 69. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2012. S. 229.

Another Renaissance (comments on one fragment by V. V. Bibikhin)

Komarov Sergey Vladimirovich

Doctor of Philosophy, associate professor, professor of the Department of Philosophy,
dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-7358-6151. E-mail: philos.perm@gmail.com

Abstract. The article analyzes a small fragment from the book by V. V. Bibikhin "The Language of Philosophy" (1989). The main idea of this fragment is the assertion about the Renaissance character of Russia as a historical entity. The Renaissance character of Russian existence is revealed through three concepts – Russian negativity, the metaphysics of the Russian people, the essence of Russian existence. Firstly, the phenomenon of Russian negativity is considered, which is expressed in the negative attitude of a Russian person to his own finitude as an expression of his original sinfulness. However, the difference in attitudes towards his finitude and the integral World of a Russian person and a European mean the differentiation of the negative. It is shown that, unlike a European, this attitude is realized in the desire to master the external World, but in the desire for internal self-transformation. This is expressed, in contrast to the Europeans, in the ambivalent attitude of Russians to the social institutions of the state and power. Secondly, the fundamental metaphysics of the Russian people, which is hidden behind this negativity, is considered. It lies in the deification of the World. The negative attitude of man to his finitude has the reverse side of a positive acceptance of the world as a holistic being. Therefore, in contrast to the Machenschaft of the European, which is expressed in the exploitation of all nature and man himself as their total negation, the positive acceptance of the World as a holistic being turns out to be his (other) Renaissance. The metaphysics of Russian existence is connected with the realization of the ideal of infinite and integral existence, in the embodiment of heavenly existence in earthly existence. This, thirdly, determines the very essence of Russian existence (Russentum). The Renaissance nature of Russian existence consists in the eternal beginning of presence in the World through the transformation of man. This is expressed paradoxically in Russian history: it is a continuing attempt to begin historical existence anew. Renaissance is always an attempt to be realized in historical reality. The most adequate cultural form of the Russian Renaissance is not social institutions, but poetry and philosophy.

Keywords: Renaissance, Russia, negativity, finitude, Machenschaft, transfiguration, Russentum, history.

References

1. Bibihin V. V. *Yazyk filosofii* [The language of philosophy]. SPb., Nauka (Science), 2007. 389 p.
2. Gajm R. *Gegel' i ego vremya* [Hegel and his time] / transl. from German by P. L. Solyannikov. SPb., Nauka (Science), 2006. 392 p.
3. *Gegel' G. W. F. Enciklopediya filosofskih nauk. T. 3. Filosofija duha* [Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 3: Philosophy of spirit]. M., Mysl' (Thought), 1977. 471 p.
4. Kalitin P. V. *Uravnenie russkoj idei (po-svjatootecheski novaya i original'naya sistema "mysli-postupka-sociuma" russkih uchenyh monahov vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX vekov)* [The equation of the Russian idea (according to the Holy Fathers: a new and original system of "thought-action-society" of Russian monk scholars of the second half of the 18th – early 19th centuries)]. M., Editorial URSS, 2002. 278 p.
5. Komarov S. V. *Strannje ob'ekty Art & Science* [The "strange" objects of Art&Science] // *Tehnologos – Technologos*. 2019. No. 4. Pp. 114–127. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.4.09.
6. Mamardashvili M. K. *Estetika myshleniya* [Aesthetics of thinking]. M., Moscow School of Political Research, 2000. 416 p.
7. Heidegger M. *Gegel' i greki* [Hegel and the Greeks]. M., Respublika (Res Publica), 1993. Pp. 381–390.
8. Heidegger M. *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (The Black Notebooks 1938–1939)] / transl. from German by A. B. Grigoriev; scient. ed. of transl. M. Mayatsky. M., Gaidar Institute Publishing House, 2018. 528 p.

9. Horuzhiy S. S. *Fenomenologiya askezy* [Phenomenology of asceticism]. M., Humanitarian Literature Publishing House, 1998. 352 p.

10. Chaadaev P. Ya. *Filosoficheskie pis'ma (1829–1830)* [Philosophical letters (1829–1830)] // *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma. T. 1* – Complete works and selected letters. Vol. 1. M., Nauka (Science), 1991. 800 p.

11. Shchedrovitskiy G. P. *Zametki ob obshchestvenno-politicheskikh nastroyeniyyakh 60-h i 80-h godov* [Notes on socio-political sentiments of the 1960s and 1980s] // *Tabachnikova S. V. Moskovskiy metodologicheskoy kruzhok (1954–1989): Myshlenie i deyatel'nost'* – Tabachnikova, S. V. The Moscow methodological circle (1954–1989): Thinking and activity / transl. from French by A. V. Rusakov. M., Political Encyclopedia, NSF G. P. Shchedrovitsky Development Institute, 2023. Pp. 334–337.

12. Esposito K. *Sovremennyy nihilizm* [Contemporary nihilism]. M., RIPOL Classic, 2022. 237 p.

13. Heidegger M. *Der Ursprung der Kunstwerkes (1935/36)* // Heidegger M. *Holzwege. Gesantausgabe*, Bd. 5. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2003. S. 380.

14. Heidegger M. *Wegmarken*. 3, durchges. Aufl. Frankfurt am Main, 1996. S. 346.

15. Heidegger M. *Die Geschichte des Syens. Gesantausgabe*, Bd. 69. Frankfurt am Main : Vittorio Klosterman, 2012. S. 229.

Поступила в редакцию: 07.10.2025

Принята к публикации: 18.11.2025

«По тихим обителям» Василия Розанова: монастырь и мир – как совместить?

Быкова Екатерина Васильевна¹, Городилова Татьяна Сергеевна²

¹кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-6024-5398. E-mail: ev2_74@mail.ru

²кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-1837-1515. E-mail: gtspost@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – показать значимость для современной России идей В. Розанова, изложенных в работе «По тихим обителям» (1904). Для обоснования актуальности проводятся параллели между процессами рубежа XIX–XX вв. и сегодняшней действительностью. Подчеркивается, что опыт русской религиозной философии, представителем которой является В. Розанов, может служить источником для построения современных концептуальных подходов к решению вопросов развития духовной культуры и укрепления традиционных ценностей.

Особое внимание уделяется анализу того, как В. Розанов, известный своим критичным отношением к христианской церкви, пытается «примирить монастырь и мир». Центральным объектом изучения становится описание паломнической поездки философа в Сарово-Дивеевские обители, которая стала для него этапом личного «откровения». Герменевтический анализ текста позволил не только раскрыть смысл названия очерка, но и вписать его в контекст авторских метафор и бинарных оппозиций, свойственных философскому мышлению В. Розанова. Подчеркивается способность философа видеть прекрасное в повседневном, когда бытовые детали помогают осознать специфику религиозного переживания. Особое значение придается фигуре Серафима Саровского, его деятельности и живописным образам как источнику примирения философа с официальной доктриной церкви.

Отмечается, что эстетическое восприятие помогает ощутить метафизическое переживание веры, но основой бытия является этика. Размышления о церкви и монашестве связаны с поиском философом направлений духовного обновления человека, осмыслением роли религии и семьи в формировании системы традиционных ценностей.

Ключевые слова: В. В. Розанов, «По тихим обителям», эстетика религиозного искусства, монастырь, Саровская пустынь, религия семьи, традиционные ценности.

На рубеже XIX–XX вв. в условиях секулярной культуры одни представители интеллигенции вступили в полемику с религией, другие обратились к церкви. В философии этот период назвали «религиозно-философским возрождением», поскольку все больше мыслителей уходят от материализма и обращаются к религиозной метафизике, мистике, эстетике. Философы В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков, П. Флоренский, С. Франк осмысливают различные аспекты человеческого существования: культуру, политику, экономику – сквозь призму христианской терминологии и миропонимания. Как отмечают исследователи, философия этого периода «пыталась вывести страну из ситуации духовной растерянности, заняв место утраченной религиозной традиции» [3, с. 12]. Для преодоления «духовной растерянности» в XXI в. имеет смысл обратиться к опыту прошлого, используя его для философского обоснования ценностных ориентиров современного российского государства.

Работы Василия Розанова помогают понять современные религиозные и культурные процессы. Будучи верующим человеком, в своем творчестве он много внимания уделял теме религии в целом и христианской церкви в частности. Философ ратовал за церковное обновление, в результате едва не стал «ересиархом»: от отлучения его спасла бюрократическая волокита и кардинальные социально-политические, религиозные изменения в стране 1917 г. [10]

В розановедении неоднозначное отношение философа к христианской церкви исследовано в различных аспектах, некоторым из них даны критичные оценки. Сложные отношения с православием в контексте личных обстоятельств философа анализируют авторы его биографий: Э. Голлербах [5], А. Николюкин [12], В. Фатеев [22], В. Сукач [19], А. Варламов [4]. Об эволюции религиозных взглядов писали и современники В. Розанова, и авторы научных исследований конца XX – начала XXI в.¹

В фокус внимания попадали известные работы философа: статьи из сборников «Религия и культура», «Около церковных стен», а также сочинения «Темный лик. Метафизика христианства», «Люди лунного света». Но Розанов анализирует христианство, его историю, догматику и культ в работах на другие темы, например в путевых эссе. Их материалы позволяют провести реконструкцию ключевых положений религиозно-философских идей В. Розанова.

Выбор в качестве источника анализа очерка «По тихим обителям» подчеркивает не только актуальность, но и новизну исследования, поскольку он редко становится предметом специального рассмотрения. В контексте жанра путевых очерков он описывается в статьях Н. Нартыева [11], В. Захаровой [6], при изучении «регионального текста» – у Л. Оляндэр [14].

Работа И. Фиялковской-Яняк «Монастырь, монашество в философской системе Василия Розанова» подчеркивает, что, о чем бы ни писал философ, это всегда будет одна книга: «о Боге и Христе, о Ветхом и Новом Завете, о семье и безбрачии, о плоти и аскезе, об Оптиной Пустыни и Саровской обители, о белом и черном» [23, с. 304]. Автор, описывая работы В. Розанова, посвященные двум упомянутым духовным центрам, говорит, что философ противопоставляет «светлую» Оптину Пустынь «темной Саровской», считая это суждение В. Розанова проявлением его «субъективного мироощущения», «симпатий-антипатий» [23, с. 313], включая «антипатию к Преподобному Серафиму» из-за его аскетизма [23, с. 311]. Автор статьи признается, что прямых негативных оценок преп. Серафима у В. Розанова нет, но они существуют «где-то в глубине, в контексте других его работ» [23, с. 311]. Но и упомянутые работы («Смысл аскезы», «Семья и жизнь», «Психология русского раскола» и др.) подобных оценок деятельности святого не содержат. Поэтому выводы И. Фиялковской-Яняк по поводу оценки В. Розановым личности старца Серафима кажутся излишне категоричными и субъективными. Более того, текст очерка этого не только не подтверждает, но и говорит о совершенно ином отношении философа к саровскому подвижнику.

Еще одна работа, где описываются биографические обстоятельства путешествия В. Розанова и анализируется сам очерк, – это раздел «У раки преподобного Серафима» в монографии В. Фатеева «Жизнеописание Василия Розанова» [22]. Название данного текста содержит косвенный ответ на критическое замечание, высказанное предыдущим автором. В. Фатеев подчеркивает, что В. Розанов воспринимает Серафима как отшельника и подвижника. Биограф отмечает ценность данного текста для понимания розановской религиозной концепции: в нем «концентрированно выражены его взгляды на иночество и соотношение монашества и мира» [22, с. 487].

Обращение к материалу путевого очерка позволяет реконструировать идеи философа, показав центральную роль розановской «религии семьи» в объединении «монастыря и мира». Герменевтическая интерпретация текста В. Розанова помогает раскрыть значение авторских метафор и приблизиться к пониманию исходных интенций философа, преодолевая их кажущуюся неоднозначность. Данный подход позволяет продемонстрировать место диалога эстетики и этики в воссоздании целостного взгляда философа.

Очерк В. Розанова «По тихим обителям» был написан после паломнической поездки в 1904 г. в монастыри Нижегородской губернии. Автор с семьей посетил их через год после канонизации святого Серафима, «угодника всех трех обителей, Саровской, Дивеевской и Понетаевской». Впервые очерк был опубликован в 1904 г. в газете «Новое время», а затем включен в книгу «Темный лик. Метафизика христианства» (1911). Саровская пустынь не только привлекла внимание философа как место общероссийского паломничества к Серафиму Саровскому, но и стала местом личного «откровения».

Философ рассматривает православный монастырь, вписывая его в повседневную жизнь российской провинции. Активная деятельность обители и повседневная жизнь внутри и за ее пределами осмысливаются на страницах очерка. Путешествие он описывает с присущим ему вниманием к бытовым и прозаическим деталям: качество дорог и стоимость жилья, обстановка в кельях, количество паломников, погодные особенности. Из этих «мелочей жизни» вырастает своеобразное переживание личного религиозного опыта, которое приводит к метафизическому откровению о смысле веры вообще и о тайне рождения религиозного чувства. Паломничество вернуло В. Розанова к его традиционным рассуждениям о семье, церкви и монашестве. Поездка стала для него, «почти враждующего», по собственному признанию, с монастырями, тем опытом, который если и не заставил кардинально изменить свой взгляд, то помог отчасти «примирить» его с монашеством.

Во многих работах он упрекает христианскую церковь за то, что при высокой роли в ней практик отшельничества, аскезы она в то же время взяла на себя попечительство о деторож-

дени, семье и браке: ввела своеобразную «цензуру семьи», правила семейной жизни. В. Розанов восклицает: «Отшельники и монахи, “оставив пустынное житие”, пришли к нам!», и получила «убийственная вещь – гроб, в который теперь заколочена семья» [17, с. 183]. Однако именно брак мыслитель определяет, в духе своей «религии семьи», как явление «Божие», а монашеское безбрачие как «человеческое». Он задается вопросом: разве не именно семья важна для сохранения нации, ее здоровья, ее здоровых нравов, быта, духа?

Парадокс «тихих обителей» заключается в том, что в этих монастырях Розанов получает ответы на свои вопросы, а в монашеской жизни и поклонению Серафиму Саровскому видит ценность и полноту бытия (не аскетизм, о котором говорит И. Фиялковска-Яняк). Жизненный путь Угодника, как его называют паломники, его подвижническая деятельность стали для философа источником примирения с официальной доктриной церкви, поскольку святой своим примером учил человека смирению и труду, тем самым сближая монастырь и мир.

Подтверждение этой мысли находится в другом путевом очерке – «Киев и киевляне». В. Розанов называет Серафима в числе других православных святых «великим трудовиком». Он характеризует его как «великое “служилое лицо” русской истории» [16, с. 555], подчеркивая, что тот несет свою службу как обычный человек, его цель – помощь людям в повседневных заботах в виде совета «от разума и по молитве». Но именно в этой обыденности решаемых Серафимом задач и заключается, по мнению философа, его величие: «святой “строит душу” человека», подобно тому как мужик строит избу [16, с. 556]. В. Розанов с огромным уважением относится к личности преподобного Серафима и считает факт его канонизации настоящим чудом. Об антипатии к нему, а значит, и об отношении к его обители как «темной» речи не идет. Напротив, Саровская пустынь дарит В. Розанову ощущение полноты и красоты жизни, сорадования природе, мирским и семейным заботам.

Вопрос о взаимоотношениях церкви и семьи для В. Розанова не предмет абстрактных размышлений. Это источник личных переживаний, связанный с непризнанием церковью его второго брака как законного, а значит, и детей, рожденных в нем. Поэтому он критично оценивает официальную церковь и монашество с его точки зрения, сама идея христианской святости строилась на нарушении изначальной заповеди «плодитесь и размножайтесь», а монашеский аскетизм в целом враждебен жизни.

Как отмечает М. Маслин, вопрос о семье ставился философом в широком общественном контексте: «Он вёл неустанную борьбу против церковного регулирования брака, имея в виду защиту ценностей любви и семьи, которые он считал важнейшими в жизни человека» [9, с. 119]. Поэтому В. Розанов нередко сравнивает Ветхий Завет как религию плоти и чадородия с Новым Заветом как религией аскетизма и монашества. Философ считал, что христианская церковь со временем все больше «ущемляет» пол, семью, чего не было в древности.

Тем интереснее его комментарий по поводу Сарово-Дивеевских обителей: как бы ни был «чужд идей монастыря и всего монашеского духа, я был очарован виденным; очарован, восхищен – и воображение мое закружилось идеями, совершенно противоположными тем, к каким я привык» [18, с. 243]. Посетив монастырь, он сформулировал важную мысль: «Все познается через противоположности... не побывав в отрицании жизни, – не вкусил бы так остро самой жизни» [18, с. 277]. Сравнительный анализ бинарных оппозиций – это ключ к пониманию текстов В. Розанова. К чтению и осмыслению его работ, пишет А. Николюкин, можно приступить, «только принимая во внимание подобное “своеобразие” антиномического мышления... его экзистенциалистский протезизм» [13, с. 175].

Зарубежные исследователи также подчеркивают эту специфику розановского дискурса: «Ему свойственна парадигма, <...> состоящая из парных оппозиций: дом – внешний мир, я – другой, жизнь – литература, конкретное – абстрактное» [24, с. 168]. Отмечается, что обыденное не противостоит универсальному, а наоборот, включает его, в том числе благодаря диалогу этического и эстетического сознаний.

В. Розанов скептически относится к рациональной форме философствования, полагая, что постичь человека можно и через образы искусства и своего рода «бессистемную» философию, пример которой демонстрирует в очерке. Как отмечает О. Акимов, философ при осмыслении истории скорее «создает образ *исторического*, не связанный с интерпретацией истории как таковой» [1, с. 354]. Это его способ метафизического истолкования на основе исторических примеров и с помощью особой манеры описания. Важную роль в символическом понимании истории христианства В. Розановым играют такие бинарные понятия, как «светлый – темный», «смерть – жизнь», «день – ночь», «черное – белое».

В «Тихих обителях» добавляются оппозиции «монотонность – разнообразие», «устойчивость – подвижность». Название очерка отсылает к метафорам «шума и тишины». О противопоставлении этих понятий пишет О. Акимов, когда сравнивает внешний и внутренний «пределы» интерпретации философом истории. К внешнему им относится история человечества, счастье народов, которое «интересует Розанова как история “шумов, событий”, что составляет внешнюю сторону описаний. <...> Другой предел – история “молчания”, того, о чем “было промолчено” <...> Область абсолютного существует для Розанова как объединение внешнего и внутреннего предела» [1, с. 363]. Тишина и молчание – это важные образы, отсылающие к пониманию духовных процессов.

А. Налепин приводит интересный факт из жизни философа, который описывают как «молчаливый диспут». Речь идет о встрече В. Розанова со святителем Феофаном, ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Они прогуливались по саду Академии, и философ начал «очень возбужденно и громко обличать монашество. Владыка в ответ молчал, не отвлекаясь от молитвы» [10, с. 25]. В. Розанов продолжил свою критику, но, не услышав возражений, призадумался: «Стал терять нить своих размышлений, повторяться. Владыка Феофан по-прежнему молился молча. <...> гость остановился, посмотрел долгим взглядом на Владыку и тихо-тихо, как бы самому себе, неожиданно сказал: “А может быть, Вы и правы!”» [10, с. 25]. А. Налепин делает вывод о том, что в этом диспуте победил догмат «священного безмолвия», а В. Розанов, который тяготел к нему в своей художественной стилистике, «почувствовал и прочувствовал неожиданные неисчерпаемые стилистические возможности феномена молчания» [10, с. 24–25]. Поэтому характеристика им обителей как «тихий» объясняет тот факт, что именно в них В. Розанов отчасти примирился с монашеством, как и в диспуте, «признал правоту» христианского учения, пусть и не во всех его догматических проявлениях.

Церковный историк Е. Поселянин, лично знакомый с В. Розановым, пишет, что тот был только «с виду – враг монашества», а на самом деле «глубоко религиозная душа», которая после посещения раки старца «растекается в нежном умилении», поскольку «чувствует там не меч, а ласку, направленную на всю широту жизни, греющую и эту семью, и падает, и благоговевает, и целует народные слезы... проливаемые у этой раки Серафима Саровского» [15, с. 169–170]. Обители дали В. Розанову переживания, которые, по его мнению, можно было получить лишь при соприкосновении с древними религиями. Ему гораздо ближе по духу Ветхий Завет, который он называет книгой радостной и светлой, многообразной, а Новый Завет – холодной и темной, монотонной.

Христианский культ он рассматривает в категориях дня и ночи, описывая астрономические явления как этико-эстетические концепты: «Ночь более одушевлена, чем день: но не рациональным оживлением, а полетом скорее мистических сторон души...» [18, с. 275] Он подчеркивает, что говорит не столько о службах в прямом смысле, сколько о психологии веры. Затем, размышляя о символике «черного» и «белого» в монашеской одежде, задается вопросом: как возникло «их устройство»? Он подмечает цветовое отличие в церковной иерархии: «Все монашество – в черных мантиях и клобуках (ночь), без единой в одежде белой, или серой, или цветной полоски» [18, с. 276]. Однако у митрополита, тех, в ком «венчается монашество», черные одежды венчаются «чистым белым клобуком», подобно тому как «черные посты увенчиваются торжеством Пасхи [18, с. 277]. Эта закономерность прослеживается В. Розановым повсюду: от живописи до одежд, в делении духовенства на черное и белое, наличии дневных и ночных служб в монастыре.

Из эстетических наблюдений философ делает вывод о сути христианского учения: «Вся жизнь есть грех, антибожественное... а вот после смерти – белое сияние, вечная жизнь, зрение Бога», то есть «весь клинок христианства – черный; но лезвие – белое» [18, с. 276]. Такая символика одежды и обрядов нигде не прописана, говорит В. Розанов, поэтому это не догматика. Но – важнее догмата, «ибо пронизывает всю ткань христианства, от основания до вершины, и составляет самую душу его» [18, с. 277]. Поэтому монастырь как эталонное воплощение сути христианства оказывается со светлой и жизнерадостной живописью, и это чувствуют верующие, устремляясь в паломничества к обителям.

В. Розанов считает, что христианство живет не теми тезисами, какие вслух произносит (официальная доктрина, догматика, таинства), а теми, «каких никогда не выговаривает». На уровне сознания и рефлексии верующие даже не знают о них, но сердца «бьются с ними в такт».

Искусство «тихий обителей» стало для В. Розанова объяснением того, почему в городских храмах верующие, и он в том числе, чувствуют скуку и усталость: в них преобладает чер-

ная краска, а «в монастырских она совсем почти не видна». Архитектура, живопись, убранство обителей глубже влияют на веру и психологию людей: «Сияют куполами и крестами великолепные храмы: позолота, книги, живопись, пение, самый нрав, обычай, весь внешний облик являют чрезвычайную тонкость, самый изощренный вкус» [18, с. 242–243].

Церковная служба становится для философа религиозным и важным эстетическим переживанием: наблюдая за богослужением и стройными рядами сотен «черных дев», он отмечает их светлые, приветливые лица и приходит к выводу, что это всё – «большая сила и красота!» [18, с. 244–245]. Этот опыт позволяет понять более глубокие смыслы веры, чем дает знание догматов и всем известных «семи таинств». В. Розанов пишет, что в религии есть еще «таинства», которые невозможно «посчитать по пальцам», как-то сформулировать их, но их присутствие не почувствовать невозможно.

Философу импонирует, что в живописи Сарово-Дивеевских обителей есть сюжеты семейные, семейно-трудоу, общественные, которые выступают для верующих связующим звеном между монастырем и миром. Он задается вопросом: как сочетается с монашескими идеями «тления и кончины всех вещей» эта семейная живопись монастыря [18, с. 274]? В ней он не находит ничего «собственно монашеского», наоборот, видит «одушевление, жизнь, полет», а все молящиеся как будто получают крылья и летят.

Посещая Понетаевскую обитель, В. Розанов отмечает, что здесь организована живописная мастерская, в которой игуменья была художницей, «получила крест в Петербурге за рисованье». Философ не называет художественные практики монастыря иконописанием, а предсудително использует светские понятия «художник», «за рисованье», «рисовальная школа», не забыв упомянуть, что тамбовский епископ Иннокентий сделал заказ монастырю на почти 50 икон преподобного Серафима. Для философа как ценителя «паутинок быта» эта деталь очень важна: он отмечает, что «монастырь богатеет», на «старое богатство льется новое богатство». Однако имеется в виду благополучие не столько материальное, сколько духовное, которое произрастает из готовности к диалогу между церковью и миром.

Живописный образ Серафима, представленный в обителях, и по форме, и по содержанию работает на идею встречи монастыря и мира. В храме Дивеевской обители В. Розанов обращает внимание на росписи над дверями, на которых изображен преподобный. Исследователь иконописного ремесла О. Тарасов отмечает, что «знаковая структура моленного образа чутко отражала перемены в религиозной психологии и общие направления того или иного типа культуры» [21, с. 15].

Преподобный Серафим показан с подходящим к нему медведем. Согласно преданию, к святому в его лесную избушку приходил за сухариками медведь и Серафим кормил его с руки. В. Розанов хочет купить «икону Преподобного Серафима с медведем», но выясняется, что этот сюжет может быть только картиной, а «не образом».

Однако предложенные иконографические изображения старца не отражают важную для В. Розанова идею – связанности с природой, с жизнью, трудом и повседневными заботами. По его мнению, верующие, «прочитав» живописные жития святых в храмах, перекрестятся и пойдут «не в пустыню, не для экстазов и видений: а – “домой», для труда, для работы, около семьи, дома, села, города» [16, с. 555–556]. Поэтому ему и не понятно, почему Серафим Саровский, который молится на камне, кормит медведя, просто идет в лесу с посохом и топором за поясом, – всё это может быть объектом поклонения, но это не может быть изображено на иконе? [18, с. 260] Получается противоречие: жизнь Серафима признана святою, ее нужно почитать, но изобразить ее на иконе «как есть» нельзя, а значит, перед ней нельзя поставить свечи, прочитать молитву. По мнению В. Розанова, если бы в изображении присутствовал сюжет не просто понятный, но и важный обычному человеку, пришедшему помолиться угоднику, то «монастырь и мир» вновь бы метафизически встретились.

Недостаток христианства и монастыря как его бесспорной вершины В. Розанов видит в том, что они оказались чужды многообразию жизни: «Семья ли, общество ли, государство и его учреждения – все это просто явления языческого порядка, к которым Евангелие никак не пристало и они никак не пристали, не подошли к Евангелию» [18, с. 248]. Духовная ценность обителей для В. Розанова заключается в наличии в них неканонических изображений Серафима, сохранении его «тропинки», святого источника – всё это примеры сближения монастыря и мира.

В. Биbihин отмечает, что «в том, как Розанов берет и повертывает простые наблюдаемые вещи, есть феноменологическая хватка, ловкость мастера» [2, с. 10]. Подобная «хватка» фило-

софа не позволяет ему пройти мимо не только великолепных монастырских ансамблей, уникальной храмовой живописи, но и скромной «землянки Серафима», его огородика и тропинки к источнику. Не любя монашества, он поражается тому великому преобразованию, какое производит в человеке, даже таком скептическом, как он, обстановка и дух монастыря [18, с. 244].

Сарово-Дивеевские обитатели были построены и расписаны в XVIII–XIX вв. Для философа они могли стать примером современных монастырей, которые воспринимаются им как символ ухода от мира, отречения от полифонии жизни. Это пусть и прекрасное, но «монотонное явление»: «В монастыре все выдержано. Нет противоречий. Нет несовместимых разных культур на одном вершке пространства. Поэтому-то он давит на душу, очаровывает просто потому, что это цельно и едино, а следовательно – убежденно и последовательно!» [18, с. 248]. Христианским отшельникам, по мнению В. Розанова, также присущ особый «стиль душ – монотонно-сильных», поскольку в монахи «не годится человек с разнообразием и неустойчивостью в душе» [18, с. 248]. Человечество не только не могло, но оно и не должно жить таким «монотонным явлением», пусть и прекрасным.

Покидая монастырь, философ признается, что, будучи поражен его «великой эстетикой», выехав из него, увидев леса и поля, сказал ямщику: «Здесь лучше, с этими... *веселее*. И “веселее” – не дурным весельем, а просто в смысле “легче стало”» [18, с. 279].

Таким образом, В. Розанов, исследуя эстетику религиозной живописи, акцентирует внимание на ее символической и эмоциональной составляющих. Как отмечают исследователи, говоря о розановском понимании живописи, тот показывает ее как религиозно-онтологический феномен, который «воссоздает энергию и силу мира», носит метафизический характер [7]. Философ задается онтологическим вопросом: кто выживет, победит в судьбах истории и мира – эстетика или этика? Лик Иисуса Христа «с Его испепеляющей красотой, <...> покорившей языческий мир»? Или это будет «столп земли с его тяготами, с механикой и геометрией»? [18, с. 279] Созерцая красоту местных храмов, В. Розанов приходит к выводу, что «эстетические нити» все-таки белые и холодные. «Теплота мира» (курсив В. Розанова) содержится в любви семейной, в заботах о доме и пропитании детей («мои черноглазые дети»), в привязанностях к миру: «Моя лошадь! моя жена! мои дети!» [18, с. 279]

Философ пишет, что все «это – этика. Это – уже не эстетика» [18, с. 280]. Так он объясняет себе евангельское предсказание о том, что «к концу мира – охладет любовь». Для В. Розанова последние дни мироздания начнутся с того, что «разожмутся объятия, в которых держит человек прекрасную землю-родину и земные твари» [18, с. 280]. Эсхатологические переживания преодолеваются им сразу, как только он выезжает из монастыря и погружается во «всю реальность бытия»: звуки, шлепанье грязи, запах дегтя от колес, овраги и плохие дороги. Все они ведут «окончательно домой!», «ближе ко щам» и вкусу самой жизни.

Это и есть для философа космологический «пуп земли», столп мира – универсальный образ, который для него важнее догмата и таинств. Он восклицает: «Ну ее, всю эту мистику, и белые и черные сияния, и музыку дня и ночи» [18, с. 277]. В этом контексте становится понятен комментарий А. Лосева про поездку философа к мощам Серафима о том, что ему свойственно воспринимательское отношение ко всему, а есть ощущаемый факт на самом деле или нет, его не интересует, как и его истинность. Философа интересует только личное переживание этого факта. А. Лосев заключает, что В. Розанов «все знал до глубины и ни во что не верил» [7]. Однако последнее утверждение все-таки противоречит тому, что пишет сам философ в путевом очерке.

Он верит в незыблемые основания бытия: «земля-родина», теплота семьи, полнота и единство жизни (от продолжения себя в детях до наслаждения «запахами и вкусами» дома и природы). Это те ценности, которые, по его мнению, преодолевают христианское учение о разделении «уз между людьми и с землей» [18, с. 278]. Как отмечает А. Юр, сущность розановской идеи преобразования православной церкви состоит в отказе от ее «зачарованности эсхатологией», возвращении к миру и готовности благословить русский народ на «телесное и духовное возрастание и творчество», осуществимое только в лоне семьи, понятой как абсолютная ценность [25].

В. Розанов в данном очерке утверждает, что «эстетика – это миг, а вечность – именно не эстетика, и даже что-то отрицательное в отношении ее. <...> Эстетически можно умереть, прожить – никак нельзя эстетически, и здесь – права жизни, реализма» [18, с. 279]. Ценность эстетического восприятия заключается в возможности каждому ощутить то метафизическое переживание веры, которое не всегда возможно рационально обосновать и описать словами.

В. Розанов формулирует важную мысль: в онтологическом споре об основаниях бытия побеждает все-таки этика, а не эстетика. Эта идея обретает особо актуальное звучание для современного мира, утратившего веру в прежние идеалы, ищущего новые ценностные осно-

вания жизни. Текст очерка «По тихим обителям» – яркий пример того, как искусство способно вызывать экзистенциальные переживания о смысле жизни и веры.

В. Розанов наметил целый ряд тем, ставших предметным полем современных гуманитарных исследований, во многом предвосхитив эти направления. Мыслитель предвидел те беды, которые могут привести к коллапсу семьи, если она будет лишена социальной и духовной опоры, поэтому в его концепции она выступает как высшая ценность. Изучение наследия В. Розанова позволяет использовать его идеи для обоснования важности сохранения таких традиционных ценностей, как семья, дети, труд и подвижничество, любовь к отчужденному дому и отчужденности, тем самым указав возможные выходы из «антропологического и аксиологического кризисов» нынешних дней.

Список литературы

1. Акимов О. Ю. Творчество В. В. Розанова: техника описания и теория изменения вещей как образ исторического осмысления действительности // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 3. Ч. 2. С. 353–368. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2.
2. Бибихин В. Время читать Розанова // Розанов В. В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1996. С. 9–25.
3. Бродский А. И., Рыбас А. Е. Проекты Серебряного века: философские идеи русского модерна. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 324 с.
4. Варламов А. Н. Имя Розанова. М.: Молодая гвардия, 2022. 512 с.
5. Голлербах Э. Ф. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. Paris: YMCA-Press, 1976. 111 p.
6. Захарова В. Т. Жанр путевого очерка в творчестве В. В. Розанова («Русский Нил») // Типология художественного сознания в русской литературе XVIII–XX вв. Н. Новгород, 2010. С. 36–41.
7. Калякин Ю. И. Тема искусства в творчестве В. В. Розанова // Манускрипт. 2016. № 11-2 (73). С. 113–115.
8. Лосев А. Ф. О Розанове // А. Ф. Лосев. Из бесед и воспоминаний. Студенческий меридиан. № 8. 1988. С. 20–27.
9. Маслин М. А. Русская мысль в письмах В. В. Розанова и П. П. Перцова. Новые материалы (1896–1918) // Отечественная философия. 2024. Т. 2, № 1. С. 116–128. DOI: 10.21146/2949-3102-2024-2-1-116-129.
10. Налепин А. Л. Василий Васильевич Розанов как несостоявшийся ересиарх (к истории дела о предании автора брошюры «Русская церковь» церковному отлучению (анафеме)) // Энтелехия. 2003. № 7. С. 22–25.
11. Нартыев Н. Н. Религиозно-философская проблематика путевых очерков В. В. Розанова // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. Вып. 11. 2012. С. 36–43.
12. Николукин А. Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. 512 с.
13. Николукин А. Н. Как мыслил Розанов и почему современники не поняли его // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 171–175.
14. Оляндэр Л. К. Нижегородский текст в ракурсах М. Горького и В. В. Розанова // Нижегородский текст русской словесности: сб. ст. по материалам V Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2015. С. 78–88.
15. Поселянин Е. Н. Религиозная эволюция г. Розанова (по поводу книги «Уединенное») // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. II. СПб., 1995. С. 169–173.
16. Розанов В. В. Киев и киевляне // Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. М., 1994. С. 537–563.
17. Розанов В. В. Монашество и семья, церковь и нация // Розанов В. В. Собр. соч.: Русская государственность и общество (статьи 1906–1907 гг.). М., 2003. С. 177–184.
18. Розанов В. В. По тихим обителям // Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. М., 1994. С. 237–280.
19. Сукач В. Г. Василий Васильевич Розанов: биографический очерк. Библиография. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. 224 с.
20. Сукач В. Г. Розанов // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 448–452.
21. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. 496 с.
22. Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 1056 с.
23. Фиалковска-Яняк И. Монастырь, монашество в философской системе Василия Розанова // Оптина Пустынь: монастырь и русская культура: материалы междунар. симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19–23 апр. 1990 г. М., 1993. Вып. 1. С. 300–318.
24. Hutchings S. C. Breaking the circle of the self: Vasili Rozanov's discourse of pure intimacy // Russian Modernism. The transfiguration of the everyday. Cambridge, 2004. Pp. 168–193.
25. Ure A. Vasili Rozanov and the Creation: Edenic Vision and the Rejection of Eschatology. N. Y.: Continuum, 2011. 272 p.

"The Quiet Abodes" by Vasily Rozanov: How to Reconcile Monastery Life with the Secular World

Bykova Ekaterina Vasilievna¹, Gorodilova Tatyana Sergeevna²

¹PhD in Arts, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology, and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-6024-5398. E-mail: ev2_74@mail.ru

²PhD in Philosophy, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-1837-1515. E-mail: gtspost@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to show the significance of V. Rozanov's ideas, presented in his work "In the Quiet Abodes" (1904), for modern Russia. To justify the relevance, parallels are drawn between the processes of the late 19th and early 20th centuries and today's reality. It is emphasized that the experience of Russian religious philosophy, to which the philosopher belongs, can serve as a source for building modern conceptual approaches to addressing the issues of developing spiritual culture and strengthening traditional values.

Special attention is paid to the analysis of how V. Rozanov, known for his critical attitude towards the Christian Church, attempts to "reconcile the monastery and the world." The central focus of the study is the description of the philosopher's pilgrimage to the Sarovo-Diveevsky monasteries, which became a stage of personal "revelation" for him. The hermeneutical analysis of the text allowed us to reveal not only the meaning of the essay's title, but also to place it within the context of the author's metaphors and binary oppositions that are characteristic of V. Rozanov's philosophical thinking. The article emphasizes the philosopher's ability to see beauty in the everyday, where everyday details help to understand the specifics of religious experience. Special attention is given to the figure of Seraphim of Sarov, his activities, and his vivid images as a source of reconciliation between the philosopher and the official doctrine of the church.

While aesthetic perception facilitates metaphysical religious experience, ethical principles constitute ontological grounding. Ecclesiastical and monastic contemplations reflect the philosopher's inquiry into paradigms of spiritual revival, examining how religion and family structure traditional value systems

Keywords: V. V. Rozanov, "The Quiet Abodes", Aesthetics of Religious Art, Monastery, Sarov Desert, Family Religion, Traditional Values.

References

1. Akimov O. Ju. *Tvorchestvo V. V. Rozanova: tehnika opisaniya i teoriya izmeneniya veshnej kak obraz istoricheskogo osmysleniya dejstvitel'nosti* [Creativity of V. V. Rozanov: the Technique of Description and the Theory of Change of Things as an Image of Historical Understanding of Reality] // *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 2023. Vol. 15, No. 3. Ch. 2. Pp. 353–368.
2. Bibihin V. *Vremya chitat' Rozanova* [Time to Read Rozanov] // *Rozanov V. V. Sochineniya: O ponimani. Opyt issledovaniya prirody, granic i vnutrennego stroeniya nauki kak cel'nogo znaniya – Rozanov V. V. Works: On Understanding. An Experiment in Researching the Nature, Boundaries, and Internal Structure of Science as Integral Knowledge*. M., 1996. Pp. 9–25.
3. Brodskij A. I., Rybas A. E. *Proekty Serebrjanogo veka: Filosofskie idei russkogo moderna* [Projects of the Silver Age: Philosophical Ideas of Russian Modernism] SPb., Publishing house of St. Petersburg University, 2013. 324 p.
4. Varlamov A. N. *Imya Rozanova* [Rozanov's Name] M., Molodaja gvardija (Young Guard), 2022. 512 p.
5. Gollerbah Je. F. *V. V. Rozanov. Zhizn' i tvorchestvo*. [V. V. Rozanov. Life and Work]. Paris, YMCA-Press, 1976. 111 p.
6. Zaharova V. T. *Zhanr putevogo ocherka v tvorchestve V. V. Rozanova ("Russkij Nil")* [The Genre of Travel Essay in the Works of V. V. Rozanov ("Russian Nil")] // *Tipologija hudozhestvennogo soznaniya v russkoj literature XVIII–XX vv. – Typology of artistic consciousness in Russian literature of the 18th–20th centuries*. N. Novgorod, 2010. Pp. 36–41.
7. Kaljakin Ju. I. *Tema iskusstva v tvorchestve V. V. Rozanova* [The Theme of Art in the Works of V. V. Rozanov] // *Manuskript – Manuscript*. 2016. No. 11-2 (73). Pp. 113–115.
8. Losev A. F. *O Rozanove* [About Rozanov] // *A. F. Losev. Iz besed i vospominanij. Studentcheskij meridian-Student Meridian – A. F. Losev. From Conversations and Memories. Student Meridian*. No. 8. 1988. Pp. 20–27.
9. Maslin M. A. *Russkaja mysl' v pis'mah V. V. Rozanova i P. P. Percova. Novye materialy (1896–1918)* [Russian Thought in the Letters of V. V. Rozanov and P. P. Pertsov. New Materials (1896–1918)] // *Otechestvennaja filosofija – Russian Philosophy*. 2024. Vol. 2. No. 1. Pp. 116–129.
10. Nalepin A. L. *Vasilij Vasil'evich Rozanov kak nesostojavshijsja eresiarch (K istorii istorii dela o predanii avtora broshjury "Russkaja cerkov'" cerkovnomu otlučeniju (anafeme)* [Vasily Vasilyevich Rozanov as a Failed Heresiarch (On the History of the Case of the Church Excommunication (Anathema) of the Author of the Pamphlet "The Russian Church")] // *Jentelehija – Entelechia*. 2003. No. 7. Pp. 22–25.
11. Nartyev N. N. *Religiozno-filosofskaja problematika putevyh ocherkov V. V. Rozanova* [Religious and Philosophical Problems of V. V. Rozanov's Travel Sketches] // *Vestnik VolGU. Serija 8: Literaturovedenie. Zhurnalistska – VolSU Bulletin. Series 8: Literary Studies. Journalism*. No. 11. 2012. Pp. 36–43.
12. Nikoljukin A. N. *Rozanov*. M., 2001. 512 p.

13. Nikoljukin A. N. *Kak myslil Rozanov i pochemu sovremenniki ne ponjali ego* [How Rozanov Thought and Why His Contemporaries Did Not Understand Him] // *Rossija i sovremennij mir – Russia and the Modern World*. 2007. No. 1. Pp. 171–175.
14. Oljandjer L. K. *Nizhegorodskij tekst v rakursah M. Gor'kogo i V. V. Rozanova* [The Nizhny Novgorod Text in the Perspectives of Maxim Gorky and Valentin Rozanov] // *Nizhegorodskij tekst russkoj slovesnosti : Sb. st. po materialam V Mezhdunar. nauchnoj konferencii – Nizhny Novgorod text of Russian literature: collection of articles based on the materials of the V International scientific conference*. N. Novgorod, 2015. Pp. 78–88.
15. Poseljanin E. N. *Religioznaja jevoljucija g. Rozanova (po povodu knigi "Uedinennoe")* [The Religious Evolution of Mr. Rozanov (on the book "The Secluded One")] // V. V. Rozanov: pro et contra. Vol. II. SPb., 1995. Pp. 169–173.
16. Rozanov V. V. *Kiev i kievljane* [Kiev and the People of Kiev] // *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo... Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899–1913 gg.* – Rozanov V. V. Works: Another land, another sky... Complete collection of travel essays, 1899–1913. M., 1994. Pp. 537–563.
17. Rozanov V. V. *Monashestvo i sem'ja, cerkov' i nacija* [Monasticism and the Family, Church and Nation] // *Sobr. soch.: Russkaja gosudarstvennost' i obshhestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* – Rozanov V. V. Collected Works: Russian Statehood and Society (articles from 1906–1907). M., 2003. Pp. 177–184.
18. Rozanov V. V. *Po tihim obiteljam* [The Quiet Abodes] // *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo... Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899–1913 gg.* – Rozanov V. V. Works: Another land, another sky... Complete collection of travel essays, 1899–1913. M., 1994. Pp. 237–280.
19. Sukach V. G. *Vasilij Vasil'evich Rozanov: Biograficheskij ocherk. Bibliografija*. [Vasily Vasilyevich Rozanov: A Biographical Sketch. Bibliography] M., Progress-Plejada, 2008. 224 p.
20. Sukach V. G. *Rozanov* // *Russkaja filosofija. Malyj jenciklopedicheskij slovar'* – Russian Philosophy. A Small Encyclopedic Dictionary. M., 1995. Pp. 448–452.
21. Tarasov O. Ju. *Ikona i blagochestie. Ocherki ikonnogo dela v imperatorskoj Rossii* [Icon and piety. Essays on icon painting in Imperial Russia]. M, 1995. 496 p.
22. Fateev V. A. *Zhizneopisanie Vasilija Rozanova* [The Life of Vasily Rozanov] SPb., Pushkinskij Dom (Pushkin House), 2013. 1056 p.
23. Fijalkovska-Janjak I. *Monastyr', monashestvo v filosofskoj sisteme Vasilija Rozanova* [Monastery, Monasticism in the Philosophical System of Vasily Rozanov] // *Optina Pustyn': monastyr' i russkaja kul'tura: materialy mezhdunar. simpoz. v g. Bergamo (Italija), 19–23 apr. 1990 g.* – Optina Pustyn: Monastery and Russian Culture: Proceedings of the International Symposium in Bergamo (Italy), April 19–23, 1990. M., 1993. Is. 1. Pp. 300–318.
24. Hutchings S. C. *Breaking the circle of the self: Vasilii Rozanov's discourse of pure intimacy* // *Russian Modernism. The transfiguration of the everyday*. Cambridge, 2004. Pp. 168–193.
25. Ure A. *Vasilii Rozanov and the Creation: Edenic Vision and the Rejection of Eschatology*. N. Y. : Continuum, 2011. 272 p.

Поступила в редакцию: 24.03.2025

Принята к публикации: 22.05.2025

Анализ спиритизма в философском творчестве Николая Страхова

Снетова Нина Васильевна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Пермский государственный медицинский университет им. Е. А. Вагнера.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-5935-7168. E-mail: snetova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам философии науки и критике мировоззренческих и методологических оснований спиритизма в творчестве русского мыслителя второй половины XIX века Н. Н. Страхова. Несмотря на то что в последние годы появилось довольно много статей и три монографии, посвященных творчеству русского философа, тем не менее, продолжают существовать различные оценки его философских воззрений.

С 90-х годов превалирует оценка мыслителя как религиозного философа. Однако его философские взгляды непоследовательны, и их невозможно определить однозначно. В частности, философия науки занимает важное место в творчестве Страхова. Эти идеи разрабатывались мыслителем с научных, философских, а не религиозных позиций, что показано в данной статье на примере его анализа и критики спиритизма. Увлечения мистицизмом, спиритуализмом характерны и для нашего времени, поэтому тема критики спиритизма является весьма актуальной.

Н. Н. Страхов рассматривает обоснование спиритизма в статьях таких известных ученых, как А. М. Бутлеров и Н. П. Вагнер. Их авторитет в науке способствовал укреплению спиритизма в России. В статье показывается, что Страхов верно выделил основания медиумизма у Бутлерова и Вагнера и убедительно продемонстрировал их несостоятельность с научной точки зрения. Оба естествоиспытателя ставили цель показать, что медиумические явления есть научный факт, а это, по их мнению, означает, что духовная сила действует самостоятельно, независимо от материальных тел, следовательно, объективно существует особый духовный мир. Страхов показал, что эти явления невозможны с научной точки зрения, ибо противоречат законам науки. В статье подчеркивается, что русский философ поднял критику спиритизма на научный уровень и определил его как псевдонаучное учение.

Ключевые слова: история русской философии, философия науки, методология, Н. Н. Страхов, критика спиритизма.

За последние 35 лет в историко-философской науке сделано довольно много для полноты представлений о развитии отечественной философии. Изданы сочинения русских мыслителей, не публиковавшиеся с 20-х годов XX века, исследовано и исследуется творчество забытых в советское время философов. Однако в то же время произошел крен в противоположную сторону – все вышеописанное относится к религиозной отечественной философской мысли в ущерб исследованию ее материалистической линии развития. Если исходить из научного принципа объективности, то более полную и всестороннюю картину может обеспечить *интегральный* подход, предполагающий включение в отечественную философию всей многообразной палитры учений и концепций, бытовавших в России. Ныне часто можно прочесть и услышать мнение, что русская философия – это религиозная философия; материалистической мысли либо отказывается в философском статусе, либо заявляется, что она абсолютно не оригинальна и есть чистый повтор западной философии. Такой довольно односторонний, упрощенный подход в результате закрывает путь к адекватным оценкам отечественных мыслителей, особенно тех, чье творчество внутренне противоречиво, не может быть оценено однозначно. К таким философам относится Николай Николаевич Страхов (1828–1896). Поэтому ныне среди историков отечественной философской мысли можно встретить противоположные точки зрения по поводу его творчества, но по большей части Страхов, особенно в публицистике, рассматривается все-таки как религиозный философ [см.: 2, 3].

Однако при исследовании всего корпуса трудов невозможно однозначно определить его таким образом хотя бы потому, что мыслитель обращался почти ко всем областям философского знания. Большое место в страховском творчестве занимает философия науки, в которой проблемы рассматриваются не с религиозных, а с чисто философских позиций с привлечением естественно-научного материала. Если идентифицировать его философию как религиозную, то, по крайней мере, эту часть взглядов будет трудно объяснить.

Среди негативных оценок наследия мыслителя называются эклектизм и множество влияний. В то же время при внимательном изучении его работ в них можно найти оригинальные, но концептуально не оформленные идеи. Такой оригинальной, самостоятельной работой является книга «О вечных истинах. Мой спор о спиритизме».

Люди, не обремененные научными знаниями, руководствующиеся в жизни обыденным мировоззрением, обычно испытывают интерес к таинственному и мистическому. В общественном сознании при определенных социальных условиях оно вырастает в модное увлечение, отражается в возникающих на его почве учениях. В настоящее время мы являемся свидетелями возрождения такого интереса, в частности, к спиритизму. Поэтому работа отечественного философа, посвященная его научному анализу, несомненно, не потеряла своей актуальности.

Убеждение, что можно вызвать духов и с ними общаться, исторически пришло в Россию, конечно, с Запада. Спиритизм возникает в США и Франции в середине XIX века, в России получил распространение среди образованных слоев общества во второй половине 70-х годов. В это время благодаря энтузиазму А. Н. Аксакова, публициста, переводчика, интересовавшегося медиумизмом с 1855 года, возник немногочисленный кружок увлеченных спиритизмом. Деятельность кружка способствовала массовому распространению интереса к нему. Вера в спиритические явления среди интеллигенции поддерживалась авторитетом крупных *ученых-естествоиспытателей*. Основания данного феномена были представлены в статьях 1875 года зоологом Н. П. Вагнером и химиком А. М. Бутлеровым, входившими в данный кружок. Страхов, понимая серьезность предложенных ими аргументов, отвечая на доводы известных научных авторитетов, дал всесторонний критический анализ учения. Критика велась с научных позиций, причем его контраргументы весьма поучительны и актуальны для нашего времени, когда, например, не прекращаются экспериментальные попытки взвесить душу.

Возник интересный парадокс. Ученые предложили, с их точки зрения, *научные* доводы в пользу реальности медиумических явлений и попытались ввести спиритизм в сферу *научного* знания, а Страховым доказывается, что учение есть явный *враг научных начал*. Обратим внимание: мыслитель, выступая как методолог, настаивал, что наука не только средство опровержения лжеучений и объяснения заблуждений, но одновременно *она должна утверждать* найденные ею истины и принципы. Он требует от сторонников спиритизма точно определить понятия и точно сформулировать принципы, философские начала, из которых они исходят, на которые они опираются.

Прежде всего, Страхов обозначает основания спиритизма, которые выдвигались защитниками. При этом он прямо опирался на статьи этих ученых, опубликованных в «Русском вестнике» (1875). Примечательно, что методолог верно выделяет как вненаучные предпосылки, из которых приверженцы исходили, так и выдвигаемые ими методологические принципы исследования. В 1-м письме о спиритизме под названием «Идолы» среди «главнейших начал» выделяются: 1) наука, 2) авторитет ученых, 3) прогресс человеческого знания, 4) эмпирический метод, 5) свобода исследования, 6) позитивизм [см.: 4, с. 5-6].

В качестве исходных посылок совершенно справедливо отмечается, что мировоззренческую установку апологетов медиумизма можно охарактеризовать как сциентистскую. При этом им дается краткая, но точная характеристика сциентизма: «За наукой признается верховный и всеобщий авторитет абсолютно во всех вопросах». Страхов оценивает науку следующим образом: «Наука есть дело великое, хотя и не наилучшее, и не наивысшее из человеческих дел» [4, с. 9]. Таким образом, согласно Страхову, существует и наивысшее из человеческих дел. Что же это за дело? Обратим внимание на этот момент, так как философ часто оценивается как сугубо религиозный мыслитель. В данном случае у него имелась возможность сопоставить науку и религию, тем более что медиумизм обращался к вопросам, относящимся к религиозной сфере. Однако у мыслителя таким наилучшим и наивысшим из человеческих дел является философия. Несостоятельность претензий представителей конкретных наук на решение всех естественно-научных и социальных проблем показал А. И. Герцен («Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы»). Не без влияния Гегеля и Герцена Страхов уже в ранних работах демонстрировал эту несостоятельность. По его мнению, наукой стремилась стать и могла стать только философия, причем более высокое положение философии объясняется прежде всего ее методологической ролью: именно она решает вопрос о границах и свойствах познания, указывает пути научного исследования.

Первое названное автором книги основание предполагает второй идол – авторитет ученых. Анализ данного основания медиумизма, как ни странно, представляет интерес и ныне. Страхов

утверждает, что жрецы науки не имеют права на какой-то особенный, высокий авторитет. Ученые являются авторитетами в своей конкретной области научного знания, а как люди они могут ошибаться, иметь предрассудки. «Притязания ученых обыкновенно выше их сил, а предрассудки тем упорнее, чем выше их притязания. Каждая специальность ограничивает кругозор человека и внушает ему особые предубеждения, так что едва ли не легче представить себе простого человека без предрассудков, чем ученого» [4, с. 9–10]. О цеховой узости взглядов, подходов писал А. И. Герцен в работе «Дилетантизм в науке». В нашем социуме и ныне в общественном мнении представляется нормальным, что поэт в России больше, чем поэт, что крупный физик или известный артист претендуют на то, чтобы быть высшей инстанцией в решении социально-политических проблем. В действительности социальная жизнь и человек представляют собой одни из самых сложных феноменов, которые трудно понять и объяснить, для этого недостаточно быть гением в физике, гениально играть на сцене или быть олимпийским чемпионом.

Логично отмечается обращение к позитивизму с его концептом положительного знания. Страхов приводит цитату из статьи Н. П. Вагнера, в которой выделяются такие черты позитивистской философии, как отрицание метафизики, опора только на эмпирические факты. Эмпиризм вычленяется как важнейшее методологическое основание, которым руководствовались ученые – сторонники спиритизма. Такой идол, как «чистые факты», также существует и поныне. Критикуя «голый эмпиризм», философ обращается к идеям, которые обосновывались им в ранних работах по методологии научного познания [5, 6]. Он утверждает невозможность «голых фактов» в науке.

Критик медиумизма также справедливо фиксирует ссылку адептов на прогресс человеческого знания. Они апеллируют к тому, что науки, развиваясь, открывают и осваивают новые области, и спиритизм оказался в их числе. Ученых, отказывающихся признавать научными «факты» наблюдения медиумических явлений, защитники спиритизма называют догматиками. Бутлеров повторяет свою аргументацию ученого-экспериментатора; для него вопрос, что возможно и что невозможно в мире явлений, выясняется только путем фактов. А Страхов, по его мнению, считает правильным игнорировать явления, не согласующиеся с его умозрением; эта позиция есть «бунт против науки» [см.: 1, с. 109–239]. При свойственном ему диалектическом понимании процесса познания отечественный методолог видит существенную ошибку в аргументации защитников, это *релятивистская* трактовка научного прогресса. Люди, отмечает он, «перестают признавать постоянство и неизменность чего бы то ни было». «Беспрестанно являются новаторы, которые пытаются радикально изменить самую природу тех или других вещей; так и спириты уже предлагают нам отказаться от нашей физики и механики, и скоро дело, кажется, дойдет до отрицания логики и до реформы таблицы умножения» [4, с. 10].

Называется еще один «идол» – принцип свободы исследования, кажущийся верным. Согласно ему, ученые вольны изучать любые явления. Натуралистам ничто не препятствует ни в их изысканиях, ни в выражении мыслей. Если им не препятствуют люди, то, значит, их ограничивают какие-то принципы, логика или здравый смысл. Если так, «то их взывания к идолу свободы – напрасные мольбы» [4, с. 11].

Вспоминая Френсиса Бэкона, философ называет исходные гносеологические принципы медиумизма идолами, мифическими созданиями XIX века. И сейчас верят в них так же слепо, как верили в другие века в свои мифы и свои предрассудки. Критик демонстрирует несостоятельность этих идолов массового сознания и ученого сообщества, шаткость оснований спиритизма. Книга Страхова представляет собой попытку научно осмыслить феномен спиритизма, поэтому он, прежде всего, ставит вопрос: что такое спиритические явления:

1. Это естественные явления, образующие только новую область подобно тому, как некогда новой областью были явления электрические и т. д.?

2. Или это сверхъестественные явления, чудеса, и поэтому не подчиняющиеся законам природы?

Иными словами, главный пункт спора сторонников и противников медиумизма лежал в гносеологии, поскольку авторитетные в своей конкретной науке ученые пытались доказать, что медиумизм есть научный факт.

Чтобы ответить на вопрос, к каким явлениям относится демонстрируемое на спиритических сеансах, по мнению автора книги «О вечных истинах», следует знать законы, свойства природных объектов, и тогда, исходя из них, можно будет решить, принадлежит данное явление к естественным явлениям или нет. Но ученые-спириты почему-то уклоняются даже от

постановки данного вопроса, твердя: «Это новые факты». Они говорят: «Мы не знаем, что возможно, а что – нет». Это заявление, по справедливому замечанию критика, означает: «Возможно все». По сути, релятивистскую интерпретацию процесса познания ясно выразил зоолог Н. П. Вагнер, утверждая, что в науке нет ни одного закона, никакой истины, никакого общего положения, которое не могло бы быть изменено и опровергнуто дальнейшими исследованиями. Провозглашая себя сторонниками научного прогресса, поклонники медиумизма, видимо, полагали, что это и есть истинное проявление свободы мнений. Н. Н. Страхов, обладая высокой философской культурой, понимая диалектику познавательного процесса, отчетливо осознавал, что ученые – апологеты спиритизма релятивизируют этот процесс, что приведет к скептицизму и разрушению науки, ибо ее цель – достижение объективной истины. В противоположность эпистемологическому релятивизму в работе «О вечных истинах» доказывается, что «в науках существуют неизменные истины, такие общие положения, такие законы, теоремы, которые никогда и ни в каком случае не могут оказаться ложными, которые остались неприкосновенными, несмотря ни на какие дальнейшие наблюдения и следования» [4, с. 37]. Это точка, с которой, считает методолог, могло начаться действительное исследование предмета. В качестве непреложных истин приводятся примеры: утверждение «Всякое изменение имеет причину» и закон сохранения вещества. Основываясь на непреложных истинах, естествоиспытатели и не признают «фактов спиритов». В ответ сторонники спиритизма и в XIX, и в XXI веках обвиняют этих исследователей в догматизме, в «чрезмерных притязаниях» на обладание истиной. А. М. Бутлеров называл их «жрецами науки», учеными, претендующими на ту же роль, что и жрецы в далеком прошлом.

Адептам спиритизма очень хотелось доказать, что явления медиумизма – это научные факты, вписать его в рамки науки, что позволило бы, по мысли А. М. Бутлерова, ликвидировать противоречия между наукой и религией. Показывая несостоятельность этих претензий, Страхов вскрывает ошибку ученых-спиритов – их понимание фактов. Н. П. Вагнер весьма отчетливо выражает это понимание, у него истины науки – «это какие-то факты, какие-то эмпирические данные». Но тогда, настаивал критик, необходимо «объявить себя в науке чистыми эмпириками» и отвергать какие бы то ни было непреложные истины, что подорвет науку. В одной из своих многочисленных статей по медиумизму Бутлеров писал: «В науке бесспорны факты, а выводы всегда подлежат обсуждению и критике; между тем научный догматизм эти-то выводы и делает предметом слепой веры [1, с. 292]. Примечательно, что известный ученый не понимает, что для него самого характерна слепая вера, но в факты, в непосредственно чувственно данное.

Согласно Бутлерову, медиумические явления реальны и доказывают самостоятельное, независимое от вещества существование духовной силы. Страхов же указывает, что духовные силы на то и духовные, что не материальны, не могут осуществлять какие-то физические усилия. Философией и естествознанием установлено, что душа – явление духовное, она не имеет физических свойств, которые приписывают ей адепты этого увлечения. Духовные явления не могут говорить, двигать столы, блюда и т. д. На сеансах эти являющиеся силы приводят в движение мебель, разговаривают и т. д. Страховым доказывается, что факты, приводимые приверженцами медиумизма, в существование которых они верят, противоречат законам физики; с точки зрения принципов, на которые опирается наука, они невозможны. Сила неотделима от вещества. Нет физических причин, производящих медиумические звуки, физические явления медиумического характера необъяснимы из законов физического мира и «происходят» вопреки этим законам. Критик убеждает своих противников, что они находятся на неверном пути в поисках духовного самостоятельного мира, что им необходимо искать другой выход, вне науки. Бутлеров возражает, оставаясь на почве эмпиризма: «Я утверждаю далее, что путь наш ведет не к отрицанию физики и умозрения, а к расширению науки и к *здравому* умозрению, чуждому узкой самодовольной уверенности в несуществовании того, с чем оно еще не знакомо» [цит. по: 4, с. 92–93]. Он идет от фактов, которые считает несомненными, научными, к «заключениям» о шаткости некоторых современных «основ», о недостаточности известных законов. Ученый-химик, перефразируя Страхова, заявляет, что именно отрицающие медиумические явления должны оставить дорогу, на которую вышли, т. е. должны отказаться от априористического отрицания фактов, и что им необходимо искать другой выход – терпеливо и добросовестно познакомиться с фактами.

Выдающийся химик в мире ищет духовное начало. И ищет он его, в сущности, в физическом мире. По утверждению зоолога Вагнера, в спиритических фактах ни много ни мало «открываются высшие регулирующие начала», с них разворачиваются иные горизонты и начина-

ется новая наука, к которой все наши земные, «перегородочные науки служат только вступлением или преддверием». Мы видим, что ученый, адепт спиритизма, желает полной свободы от земных наук, ибо жаждет другой науки – с другими высшими законами и началами. Страхов верно отмечает, что за этим скрывается стремление естествоиспытателей с помощью такого средства, как наука, удовлетворить иные душевные стремления, нежели чистое служение науке. Автор книги «О вечных истинах» подчеркивает, что, ища духовное начало, удовлетворяющее человеческие «душевные требования» натуралистов, не надо опровергать физику, отрицать умозрение. Истинный ученый тот, кто полностью подчиняется научному методу и научным принципам. Критик делает следующее важное замечание: спиритам захотелось от науки большего, чем она дает, они вышли за ее границы, преувеличили ее значение. Перейдя границы науки, пытаясь расширить ее область, они в результате стали, сами того не желая, ее разрушать и пришли к скептицизму, к отрицанию истинного знания. Критик медиумизма, владея диалектикой, демонстрирует понимание, что отрицание абсолютной истины означает отрицание истины вообще, т. е. объективной истины. Понимание истинных возможностей науки связано с пониманием ее истинных границ [см.: 4, с. 45]. Мыслитель справедливо констатирует, что наука не ищет свободы в вагнеровском смысле, она, наоборот, ищет точности, строгости и последовательности.

Если мы во имя неизвестных будущих наук будем считать неверными и шаткими все фундаментальные положения существующих наук, то прямым следствием такого подхода, предупреждает отечественный методолог, окажется полный скептицизм, который, по его мнению, противоречит самой идее науки. «Наука предполагает возможность познания; истины ею добытые, могут быть дополнены, расширены, обобщены, но не выкинуты за борт, как негодные. <...> Одним словом, хотя и много нового может быть на свете, но оно никогда не будет противоречить тому, что мы знаем несомненно» [4, с. 50]. Он настаивает, что признание непреложных истин не противоречит «свободному движению науки», не обрекает ее на застой.

Уверенные в безграничных возможностях «новой» науки спириты и все, кто исповедует подобные взгляды, пишет мыслитель, не понимают, что наука не объемлет того, что «для нас всего важнее, всего существеннее, не объемлет *жизни*. Вне науки находится главная сторона нашего бытия, то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем Богом, совестью, нашим счастьем, нашим достоинством» [4, с. 54]. И в этой сфере жизни человека действуют истины другого рода, нежели истины научного познания. Таким образом, философ отмечает, что существует не только научное, но и вненаучное знание, удовлетворяющее другие потребности людей.

В целом можно констатировать, что именно Н. Н. Страхов поднял изучение спиритизма на научный уровень. Анализируя этот сохраняющий свою живучесть и в начале XXI века феномен массового сознания, мыслитель затрагивает множество важных философских проблем, прежде всего методологических. К его заслугам нужно отнести то, что он первым в философии начал разработку проблемы соотношения научного, вненаучного и псевдонаучного знания. Отечественный философ впервые развернуто, всесторонне проанализировав мировоззренческие, методологические основания спиритизма, верно определил его фактически как пример псевдонаучного знания, показал его негативную роль по отношению к науке, ее основаниям. В его философии науки продолжается осмысление соотношения эмпирического знания и умозрения. Заслугой Страхова в рамках его критики спиритизма является критика эмпиризма, при которой показывается сущностная связь эмпиризма со скептицизмом, разрушающим науку. В связи с этим им поставлена эпистемологическая проблема научного факта. Отечественный мыслитель ярко показал несостоятельность «чистого эмпиризма» в научном познании, его следствия. В новых условиях распространения релятивистской интерпретации научного познания заслуживает наивысшей оценки его анализ проблемы соотношения абсолютной и относительной истины. Мыслитель обращает внимание на роль абсолютной истины. Он диалектически связывает истину и абсолютную истину, демонстрируя понимание того, что отрицание абсолютной истины означает и отрицание истины вообще.

Страхов, обладая высоким уровнем философской культуры и естественно-научным биологическим образованием, дал всесторонний научный анализ спиритизма. Этот анализ сохраняет свою актуальность. В настоящее время было бы полезно широкое знакомство с данной книгой русского философа. Однако в публикациях по истории спиритизма в России его имя, к сожалению, не упоминается. Жаль, что книга остается известной весьма небольшому числу историков русской философии, вплотную изучающих философское творчество Страхова.

Список литературы

1. Бутлеров А. М. Эмпиризм и догматизм в области медиумизма // Статьи по медиумизму. СПб. : Тип. В. Демакова, 1889. 473 с.
2. Н. Н. Страхов: *pro et contra* : антология / сост., вступ. ст., коммент. С. М. Климовой. СПб. : РХГА, 2021. 852 с.
3. Пружинин Б. И., Гачева А. Г., Грякалов А. А. и др. Актуальные проблемы исследования философии Н. Н. Страхова (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 92–122.
4. Страхов Н. Н. О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб. : Типография бр. Пантелеевых, 1887. 130 с.
5. Страхов Н. Н. Вещество по учению материалистов // Время. 1863. № 3. С. 191–234.
6. Страхов Н. Н. О простых телах. Статья первая // Отечественные записки. 1865. Август. Кн. 2. С. 605–625; О простых телах. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. 1865. Декабрь. Кн. 2. С. 666–678.

Analysis of Spiritualism in the philosophical work of Nikolai Strakhov

Snetova Nina Vasilyevna

PhD in Philosophy, associate professor of the Department of History and Philosophy, Perm State Medical University n. a. E. A. Wagner. Russia, Perm, ORCID: 0000-0001-5935-7168. E-mail: snetova@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of the philosophy of science and the criticism of the philosophical and methodological foundations of spiritualism in the works of the Russian thinker N. N. Strakhov in the second half of the 19th century. Fascinations with mysticism and spiritualism are characteristic of our time, so the topic of the article is very relevant.

Despite the fact that there have been quite a few articles and three monographs published on the work of this Russian philosopher in recent years, various assessments of his philosophical views still exist. Since the 90s, there has been a predominance of an assessment of the thinker as a religious philosopher.

However, his philosophical views are inconsistent, and theirs it is impossible to determine unambiguously. In particular, the philosophy of science occupies an important place in Strakhov's work. These ideas were developed from a scientific, philosophical, and not religious standpoint. The critic of spiritualism analyzes the justification of spiritualism in the articles of famous scientists, A. M. Butlerov and N. P. Wagner. Their authority in science contributed to the strengthening of spiritualism in Russia. The author highlights that Strakhov accurately identified the foundations of spiritualism, which were put forward by the naturalists, and convincingly showed their inconsistency from a scientific point of view. Both famous scientists sought to prove that mediumistic phenomena are a scientific fact. In their opinion, this indicated that the spiritual force can act independently of material bodies and, therefore, there is a special spiritual world. However, Strakhov convincingly demonstrated that these phenomena contradict the laws of science. The article emphasizes that the Russian philosopher raised criticism of spiritualism to a scientific level and precisely defined it as a pseudoscientific teaching.

Keywords: history of Russian philosophy, philosophy of science, methodology, N. N. Strakhov, criticism of spiritualism.

References

1. Butlerov A. M. *Empirizm i dogmatizm v oblasti mediumizma* [Empiricism and dogmatism in the field of mediumship] // *Stat'i po mediumizmu* – Articles on mediumship. SPb., Type. V. Demakova, 1889, 473 p.
2. N. N. Strakhov: *pro et contra*, *antologiya* [N. N. Strakhov: pro et contra : anthology] / compiled, introduction, commentary by S. M. Klimova. SPb: RHGA, 2021. 852 p.
3. Pruzhinin B. I., Gacheva A. G., Gryakalov A. A., et al. *Aktual'nye problemy issledovaniya filosofii N. N. Strakhova (materialy "kruglogo stola")* [Actual problems of the study of N. N. Strakhov's philosophy (materials of the round table)] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2024. No. 8. Pp. 92–122.
4. Strakhov N. N. *O vechnykh istinakh. Moj spor o spiritizme* [On Eternal Truths. My Debate on Spiritualism]. SPb., Panteleev Brothers Printing House. 1887. 130 p.
5. Strakhov N. N. *Veshchestvo po ucheniyu materialistov* [Substance according to the teachings of materialists] // *Vremya* – Time. 1863. No. 3. Pp. 191–234.
6. Strakhov N. N. *O prostykh telakh. Stat'ya pervaya* [On Simple Bodies. Article One] // *Otechestvennye zapiski*. 1865. Avgust. Kn. 2. S. 605–625; *O prostykh telakh. Stat'ya vtoraya i poslednyaya* – *Otechestvennye zapiski*. 1865. Avgust. Kn. 2. S. 605–625; *O prostykh telakh. Stat'ya vtoraya i poslednyaya* – *Otechestvennye zapiski*. 1865. Avgust. Kn. 2. S. 605–625; *O prostykh telakh. Stat'ya vtoraya i poslednyaya* // *Otechestvennye zapiski* – *Otechestvennye zapiski*. 1865. December. Book. 2. Pp. 666–678.

Поступила в редакцию: 06.11.2025

Принята к публикации: 05.12.2025

Особенности хронотопологической структуры экзистирования в «Улитке на склоне» Стругацких

Политов Андрей Викторович

доктор философских наук, доцент, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4175-9040. E-mail: avpolitov@pstu.ru

Аннотация. *Проблемность и актуальность работы обусловлены обращением к развивающемуся по сей день понятию хронотопа (пространственно-временной целокупности), получившему распространение благодаря работам русских мыслителей XX в. А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина. В учении А. А. Ухтомского хронотопологичность как взаимосвязанность всего существующего характеризует бытие сущего (и вещи, и человека). Согласно учению М. М. Бахтина, хронотоп выступает в качестве и материального, и семантического пространственно-временного целого, характеризующего не только художественный образ и автономный микрокосм произведения искусства, но и бытие автора и героя – и в жизни, и в творчестве. Цель: опираясь в концептуально-мировоззренческом плане на этико-экзистенциальный посыл теории хронотопа и русской философской традиции в целом, проследить особенности хронотопологической структуры экзистирования человека в его соотношении с окружающим миром, природой, обществом и самим собой. Материалом послужит известное произведение отечественной литературы XX в. «Улитка на склоне» Стругацких, поскольку именно оно раскрывает в особом, собственно экзистенциальном разрезе специфику человеческого бытия XX в. Методологией выступило единство хронотопологического подхода и философско-герменевтического анализа. В результате работы установлено, что единичное сущее (индивид, герой) образует микрохронотоп, представленный мировой линией, вписанной в мировой макрохронотоп (мировой феномен – Лес). Человеческое бытие предстает в качестве хронотопологического целого, образованного жизненным путем-временем и жизненным миром-пространством. Бытие в хронотопе характеризуется и морально-нравственной компонентой, доминантой которой выступает Лицо другого человека (экзистенциальные метания и попытка прорыва к коммуникации героя). Обращение читателя, исследователя к художественному творению приобретает форму экзистенциального диалога (автор – герой, читатель – герой, мир – личность). Таким способом в событии встречи с автором и героем произведения (жизненного и художественного) открывается онтологическая коммуникация хронотопов.*

Ключевые слова: Ухтомский, Бахтин, Стругацкие, хронотопология, экзистирование

Введение и обзор концептуального поля. Хронотоп является одним из известных и востребованных в современной науке понятий, которое получило широкое распространение благодаря работам российских мыслителей А. А. Ухтомского [16, с. 81–88] и М. М. Бахтина [2, с. 51–68; 4]. Под хронотопом принято понимать единство времени и пространства, определенную пространственно-временную *целокупность*. Концепция хронотопа входит в отечественную философскую традицию в качестве неотъемлемой части, являясь созвучной представлениям о соотношении пространства-времени российских философов конца XIX – первой половины XX в. А. Ф. Лосева, Л. П. Карсавина, П. А. Флоренского, Н. В. Бугаева, Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского. Включенность теории хронотопа в историческое течение философской мысли проявилась после того, как европейский философ Ю. Кристева [8, с. 427–457] и другие исследователи ввели идеи М. М. Бахтина в контекст современной мысли.

Нам же более всего интересно практически использовать хронотоп в качестве максимально широко понятой общефилософской, онтологической категории, описывающей и раскрывающей сущее в целом, все этические, эстетические и экзистенциальные стороны его бытия, ведь именно онто-метафизическое содержание, проявляющееся прежде всего в экзистенциально-этическом, а также эстетико-аксиологическом аспектах, и должно определять универсальность и теоретическую ценность концепции хронотопа А. А. Ухтомского, М. М. Бахтина.

В этом свете *начальной задачей* настоящего исследования является погружение концептуального материала учения о хронотопе А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина в широкую мировоззренческую и историческую перспективу русской философии и культуры, что поможет наглядно раскрыть и описать прежде всего онтолого-метафизическое (и вместе с ним – этико-экзистенциальное) значение теории хронотопа, содержащееся в идеях ее отцов-основате-

лей. *Основная цель* – применить хронотопологическую концепцию в *практических задачах* философской рефлексии и герменевтической аналитики феноменов отечественной философии, культуры и общества.

Теоретико-методологические основы, ч. 1: исходные установки и предпосылки хронотопологической теории у А. А. Ухтомского. Первый теоретико-методологический отдел будет посвящен теории хронотопа А. А. Ухтомского, в которой все существующее характеризуется как живое конкретно-индивидуальное хронотопологическое единство [14; 15, с. 267–275; 16]. Это представление А. А. Ухтомского о хронотопологичности бытия сущего включается в отечественную философскую традицию, оказываясь созвучным представлению об органичной целостности сущего А. Ф. Лосева [9, с. 321–331], идее пространственно-временного единства Л. П. Карсавина (всевременность – всепространственность – всеединство Бытия, Личности, Церкви) [7, с. 359–402], хронотопологическому по своей сути истолкованию образов Троицы и Креста в ритмологической концепции Н. В. Бугаева и П. А. Флоренского [13, с. 309–310].

Понимание времени как неотъемлемой, четвертой части пространственного целого было особенно характерно для ритмологии П. А. Флоренского. Подобное представление о хронотопологичности бытия сущего микшируется у П. А. Флоренского с религиозными мотивами, среди которых можно выделить представление о параллелизме Софии как четвертого ипостасного элемента и времени, добавочного к трем пространственным измерениям. Сюда же можно отнести определение времени как толщины и глубины действительности, понимаемой в качестве временно-пространственного целого, континуума. Особое, хронотопологическое значение у П. А. Флоренского несет образ Креста как соединения духа и плоти, неба и земли, времени и пространства. Крест представляет собой образно-графическое раскрытие четырехмерного мирового пространственно-временного континуума, тогда как Троица символизирует собой трехмерность.

Нам следует возвратиться к представлению А. А. Ухтомского о пространственно-временной целокупности и взаимообусловленности всего существующего («*бытии в хронотопе*»). Хронотопологичность являет собой не просто единство пространства и времени, но прежде всего *взаимосвязанность* сущего в бытии. В этом, пожалуй, состоит ключевое значение теории А. А. Ухтомского, благодаря которому у мыслителя понятие хронотопа может служить выражением общего принципа бытия сущего в целом и фактически перерастает до ранга онтологической категории.

Правда, в силу несистемности философского наследия мыслителя (в основном заметки, дневниковые записи, письма...) стороннему взгляду это не всегда очевидно. Согласно А. А. Ухтомскому, единичное сущее предстает в качестве индивидуального *микрохронотопа*, «*мировой линии*», включенной в общемировую *макрохронотоп*. Мировая линия репрезентирует собой бытие сущего в виде определенной траектории его жизненного пути. Бытие, таким способом понятое, оказывается исторично и событийно, сущее обладает собственной индивидуальной судьбой и характеризуется конечным, а потому уникальным и экзистенциально значимым существованием.

Все отмеченное означает, что в свете теории хронотопа А. А. Ухтомского раскрывается и обосновывается целая *онтология события*, нечуждая философским линиям XX в., в которой мир обнаруживается как взаимосвязанность и целокупность событий, являющихся хронотопологическим целым. Действующее, актуальное событие представляет собой становящийся хронотоп, характеризующийся незавершенностью. Ставшее, прошедшее событие есть, так сказать, «замкнутый» хронотоп (что не следует понимать буквально), обладающий единством пространственного (образованного местом действия) и временного (образованного длительностью) измерений. Хронотоп события несет экзистенциальное значение, поскольку включается в хронотоп пережившего и участвовавшего в нем человека. Макрохронотоп события объединяет собой микрохронотопы его участников, соединяет вместе разные жизненные пути индивидов.

Экзистенциально-онтологического значения теория хронотопа А. А. Ухтомского достигает во взглядах ученого на сущность человеческого бытия. С этой сферой у мыслителя сопряжена выраженная *этика* (у М. М. Бахтина, скорее, это будет *эстетика* человеческого бытия). Индивидуальная жизнь является вписанной в окружающий мировой макрохронотоп и взаимосвязанной с судьбами других. Хронотопологичность бытия сущего проявляется не только в совместном существовании, но и во взаимном определении, взаимовлиянии человеческих судеб друг на друга.

Согласно концепции А. А. Ухтомского, хронотопологичность человека – проявление не просто физиологической структуры восприятия живым организмом внешнего мира, но прежде всего человеческого бытия как такового, жизни индивида как целостного уникального единства, что достаточно типично для русского философского мирозерцания вообще и антропокосмизма в частности. Таким образом, хронотоп человека, по А. А. Ухтомскому, можно определить как единство жизненного пути (временное измерение человеческого бытия) и «жизненного мира» (который выступает пространственным измерением).

В представлении А. А. Ухтомского о межличностной коммуникации было очень хорошо показано, что человек должен избрать своей доминантой, иными словами, своим жизненным вектором Лицо другого человека [15]. Индивид обязан выбрать морально-нравственное поведение, чтобы необдуманными действиями не навредить людям, как близким, так и отчужденным, внешней социальной функциональностью. Но взаимосвязанность сущего в хронотопе не исключает того, что будущее закрыто от человека и неизвестно ему. Так как о собственном будущем человек может только гадать, то он должен опираться в своем бытии и оправдывать его собственным тщательно продуманным поведением, высоконравственной и чуткой к другим судьбам жизнью в хронотопе [16, с. 71]. Если у М. М. Бахтина онтология будет смыкаться с эстетикой и философской антропологией, то у А. А. Ухтомского этика синонимична онтологии.

Теоретико-методологические основы, ч. 2: особенности хронотопологического подхода раннего и зрелого периода философии М. М. Бахтина. Второй теоретико-методологический отдел посвящен воззрениям на хронотоп М. М. Бахтина именно как *последователя* А. А. Ухтомского. Поверхностное различие между двумя теориями хронотопа состоит в том, что А. А. Ухтомский распространял понятие хронотопа на все сущее в целом, в то время как М. М. Бахтин сводил область применения данного понятия к особой реальности художественного произведения, которая в силу уникальности своего способа бытия требует к себе иного подхода, чем наличная окружающая действительность...

Но, по сути, хронотопология М. М. Бахтина не менее имплицитно онтологична, чем учение о хронотопе А. А. Ухтомского, и реально складывается:

1) из *философии поступка и онтологии события* [1–3] (хронотопологическая структура бытия героя, который может быть и не вымышленным в художественном произведении, а настоящим, «из плоти и крови»);

2) чрезвычайно онтологически глубокой *диалектики автора и героя* (и в «К философии поступка» [2], и в «Авторе и герое эстетической деятельности» [3]).

Именно из этих двух позиций раннего М. М. Бахтина вполне уже можно извлечь *четверичность* хронотопа как единства не только времени и пространства, но и эйдоса и материи (анализ М. М. Бахтиным стихотворения А. С. Пушкина «Для берегов отчизны дальней» [2]). *Четверица хронотопа* – это его онтологическая матрица, которая «спрятана» в ранней философской антропологии М. М. Бахтина. В этическом плане сюда добавляется понятие *не-алиби в бытии*, онтологически синонимичное идее ответственности А. А. Ухтомского и в целом всем его взглядам, приведенным выше. Все вместе можно назвать *хронотопо-онтологией*, или *хронотопологией* (концепцией хронотопа в развернутом виде).

И *только после* этой первичной онто-эстетической (или онто-антропологической) позиции хронотоп у М. М. Бахтина выступает в качестве особого смыслового пространственно-временного целого, характеризующего художественный образ и образующего автономный художественный мир произведения искусства (в «Формах времени и хронотопа в романе» [4]). Это философская позиция, ставшая, так или иначе, наиболее известной в трактовке хронотопа вообще и отодвинувшая на второй план и этико-онтологические штудии А. А. Ухтомского, и хронотопологическую онто-эстетику и антропологию М. М. Бахтина. Тем не менее и в третьем, «филолого-эстетическом», понимании хронотопа можно найти глубоко онто-экзистенциальные мотивы. Обратимся же к ним.

Из античной философии известно, что сущность искусства состоит в подражании бытию (*мимесисе*). Художественный образ, являясь, по существу, одной из центральных категорий искусства, понимается в качестве формы и способа отображения, изображения, воспроизведения бытия художественным произведением. Как указывает М. М. Бахтин в черновиках к «Проблемам поэтики Достоевского», художественный образ развивается по собственным закономерностям и логике искусства, но в своей основе имеет модель реального, изображаемого им мира, которая с течением времени постоянно перестраивается, обуславливая соответствующие метаморфозы в искусстве и культуре [6, с. 340].

Говоря о понимании художественного образа М. М. Бахтиным, следует указать на онтологическую (и антропологическую) взаимосвязь *автора* произведения с создаваемым им художественным образом [5, с. 323]. В понимании художественного образа М. М. Бахтиным прослеживается существенное влияние его *онтологии поступка, диалектики автора и героя* [5, с. 291], а также *философии диалога* [6, с. 319]. Обращаясь к понятию *диалога* у М. М. Бахтина, можно отметить, что коммуникация человека и художественного творения (либо – автора и героя) приобретает *экзистенциальный характер совместного бытия хронотопов* (ср. с «бытием в хронотопе» и «мировыми линиями» у А. А. Ухтомского).

В событии встречи с автором и героями произведения искусства человек переживает доподлинную реальность заключенного в нем уникального художественного образа, испытывает катарсисно-экстатическое и лично значимое воздействие особой реальности художественного мира, обладающего *антиповседневным* (поскольку происходит смена модусов – с наличного бытия на экзистирование) значением. Именно последнее является проводником экзистенциальной свободы, открывающим для человека путь к трансцендентной полноте бытия.

Таким образом, подлинное в экзистенциальном смысле произведение искусства представляет собой *автономный микрокосм-микрохронотоп*, а неподлинное искусство является элементом массовой культуры, не создает собственной обособленной реальности и растворяется в окружающей повседневности, не оставляя следа в бытии. Хронотопологичность, имманентно присущая художественному образу, определяется хронотопологичностью окружающего мира как его онтологической характеристикой, выражаемой и изображаемой произведением искусства.

Посему и последуем к философско-герменевтическому анализу хронотопологической структуры человеческого экзистирования, особенности которого столь удачно – не только с художественно-эстетической, но и фактически с философской точки зрения – были отрефлексированы и выявлены в «Улитке на склоне» Стругацких.

Хронотопологическая структура человеческого экзистирования. По воспоминаниям Б. Н. Стругацкого, в повести «Улитка на склоне» в намеренно экспрессивной и гротескной, но чрезвычайно точной форме было отражено отечественное общество шестидесятых годов и соответствующая ему бюрократическая система («Управление по делам леса», отображающее собой *социальный хронотоп и наличное бытие*). Реализм и достоверность описаний повести подчеркнуты самими авторами. В тексте указывается год рождения Переца, 1930-й, из чего можно вывести, что на момент действия ему около или чуть больше тридцати пяти лет, что позволяет говорить о нем как о уже зрелом, с достаточным жизненным опытом, практически современнике авторов.

Согласно разъяснениям Б. Н. Стругацкого, в образе леса изображалось *будущее* [12, с. 615–618]. Отсюда – такая диалектическая напряженность, очерченная повествованием: человек не управляет собственным временем, идущим от него самого в будущее, т. е. попадает в ситуацию *отчуждения*. Впоследствии, в «Гадких лебедях» [10], Стругацкими будут изображены ученики, выбравшие изгоев-мокрецов (будущее время для самих себя) вместо системно-ориентированных родителей (настоящее время в социальном хронотопе).

Первичная экспозиция экзистенциальной ситуации. В первой главе авторы обрисовывают *наличную ситуацию* – *круг социального хронотопа*, на который фактически замкнут (поглощен) весь окружающий мир:

«Лес отсюда не был виден, но лес был. Он был всегда, хотя увидеть его можно было только с обрыва. В любом другом месте Управления его всегда что-нибудь заслоняло <:> кремные здания механических мастерских и четырехэтажный гараж для личных автомобилей сотрудников <...>, скотные дворы подсобного хозяйства и белье, развешанное возле прачечной, где постоянно была сломана сушильная центрифуга, <...> парк с <...> гипсовыми купальщицами, покрытыми карандашными надписями, <...> коттеджи <...> с крестами телевизионных антенн» [11, с. 395–396].

Прежде всего, здесь имеет место ставший привычным замкнутый круг окружающей наличной бытийности (выражаемый перечислением обычной социально-материальной обстановки). Это материальная причинность и необходимость наличного бытия, равная его обыденности, утилитарности, поверхностности, эстетической и аксиологической бедности. Изображен ставший привычным замкнутый круг наличного бытия (слово «отсюда» заякоривает созерцание прямо на него), представленный прежде всего общественной топологией и

обобществленным временем работы, навсегда вошедшими в личностную и когнитивную хронотопологию (т. е. жизненный, или личностный мир и сознание соответственно) индивида, разделившего собой такой способ существования (или согласившегося на него).

Одновременно с этим соприсутствует и неостановимость будущего, означающая *временность самого наличного бытия* – как временность и конечность сущего в целом. Заметим, насколько плотно и обдуманно авторами сразу вводится антитеза *экзистенциально подлинной и открытой природной топологии (лес, обрыв, небо, горизонт...)* и *экзистенциально неподлинной отчужденной общественной топологии (Управление – общество)*. А индивиду (главному герою, читателю, да и самим авторам) предлагается выбор (проявление свободы воли) между ними. Третьего здесь особо не дано. Вспомним августиновы град земной и град небесный.

«Отсюда, из окна второго этажа, лес не был виден из-за высокой кирпичной ограды, пока еще недостроенной, но уже очень высокой, которая возводилась вокруг плоского одноэтажного здания. <...> Лес можно было видеть только с обрыва, но и испражняться на лес можно было только с обрыва» [11, с. 395–396].

Отметим некоторые художественные способы, которыми авторы усиливают экзистенциальную напряженность описаний и повествования:

– *привлечение материального низа*: инфратопология казенных зданий и учреждений, равная закрытому горизонту возможностей и будущего. Интересно, что отчужденная общественная топология равна задавленному всем окружающим, скудному личностному миру человека. Налицо диалектика публичной и личностной топологий;

– *гипербола*: «высокая кирпичная ограда...» символизирует собой предельное обобществление и закрытие окружающего мира, т. е. *полное ничтожение горизонта* и стремление тотального контроля будущего, уничтожения всякой возможности выхода за пределы наличного бытия (по типу «и никуда ты не денешься...»);

– *акцентирование редуцирующих жестов наличного бытия*, соответствующих его приземленной материальной логике: сведение всего окружающего к ровной поверхности, ограждениям, запретам, расписанию, режиму и т. п. В другом месте повести неизбывные плоскость и прагматичность наличного бытия и социального хронотопа выражены не менее емко:

« – Когда выйдет приказ, – провозгласил Домарощинер, – мы двинем <в лес> не ваши паршивые бульдозеры и вездеходы, а кое-что настоящее, и за два месяца превратим там все в <...> бетонированную площадку, сухую и ровную.

– Ты превратишь, – сказал Тузик. – Тебе если по морде вовремя не дать, ты родного отца в бетонную площадку превратишь» [11, с. 393].

Впрочем, сам индивид несет ответственность за то, что *чистая возможность свободного экзистирования*, номинально присутствующая в мире, практически никогда не сбывается в реальной жизни:

«Но даже человек, который никогда в жизни не видел леса, ничего не слышал о лесе, не думал о нем, не боялся леса и не мечтал о лесе, <...> мог легко догадаться о существовании его <...> потому, что существовало Управление. <...> И я уверился в <...> существовании <леса> не тогда, когда впервые вышел на обрыв, а когда прочел надпись на вывеске возле подъезда <...>, и это огромное мрачноватое здание занимается его судьбой» [11, с. 395–396].

Заметим, насколько тонко авторы «играют» с героем и читателем, искусно оперируя всеми привязками социально-материальной реальности – как последняя оперирует индивидом:

– подчеркивается неизбывность наличного бытия и соответствующего ему ареала социального хронотопа как основного способа человеческого существования;

– демонстрируется полноценное вхождение окружающей общественной топологии в личностную и когнитивную хронотопологию индивида – до их полного замещения собой.

Это означает, что происходит полное замещение порывов *самости (т. е. внутренней сущности)* индивида наличным бытием. Налицо полная растворенность человека в окружающей социальной топологии. Такова предварительная экспозиция экзистенциальной ситуации героя, обрисованная авторами.

Финальный очерк экзистенциальной ситуации. После неудавшегося побега Переца из управления на материк (а это именно попытка *экзистирования самости* – т. е. отчаянного прорыва из обыденности к горизонту освобождения) и, соответственно, пережитого экзистенциального *краха* (мы используем понятие К. Ясперса [19; 20]) герой возвращается в наличное бытие – с тщетным поиском его самостью малейших оснований для хотя бы трещин (даже не раскола) в монолите повседневности.

В последней главе авторами сначала дается красивое поэтическое описание спрятанного туманом леса – образа, как мы помним, не только навсегда закрывшегося и закрытого горизонта будущего, но и, добавим от себя, *фюзиса*, природы, или отсылки к бытию самому по себе (*основанию* [18]). Разумеется, природа – это не буквально бытие само по себе (*das Sein*), но, строго говоря, его инобытие. Тем не менее именно природа – это, пожалуй, то первое в мире, что отсылает именно к *первоисходному*, т. е. единому одному, к бытию как таковому. Поэтому созерцание природы и ее феноменология есть, несомненно, проброс к *das Sein*. В XX в. это отлично понималось и объяснялось в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера [17]. Природа – это непосредственное «есть» макрохронотопа (мирового феномена) и первый феномен (почти непосредственная явленность) бытия как такового.

«Вместо леса <...> и до самого горизонта лежали плотные облака <...>, таящие бездонную глубину» [11, с. 586].

В начале финальной главы герой видит перед собой то, что *никогда не будет ему дано*, – свободную безбрежную открытость и полноту бытия, т. е. он *видит присутствие отсутствия, небытие*: открытость и подлинность – они не просто где-то, но есть, и прямо перед моими глазами... Но мне, в моей жизни это никогда не будет дано. Будет дана только социально-материальная обыденность. Следовательно, в моем бытии есть существенная *отчужденная часть*. Практически же вопрос о несмирении человека с расколами и трещинами в своем времени может быть решен *только* путем *борьбы* с наличным бытием: *абстрактно-теоретически* – путем появления расколов и трещин в самом наличном бытии, *практически* – путем индивидуального действия, но оно *неизбежно* будет входить в противоречие с социальным хронотопом. Неэтичные способы (приспособление, соержанство и т. п.) не рассматриваем.

Образы облаков, леса, горизонта и других поистине благородных (что не всегда скажешь о человеке...) природных явлений только подчеркивают состояние *падшести* и экзистенциальный *крах* героя. Здесь человек один с отчужденным и закрывшимся миром – в том числе (и особенно) в (будущей) смерти и до самой смерти. В финальной главе авторами раскрывается ситуация *примирения* человека, претерпевшего экзистенциальный крах, с вновь воцарившейся наличной бытийностью как свидетельство наступившей *паллиативности* его существования: вне экзистирования, во внутренней несогласии с обыденностью – и покорном примирении с ней. *Герой идет на компромисс с повседневностью, чтобы определить границы своей оставшейся самости* и сохранить, насколько это возможно, не только остаток самостоятельности, но и *некоторую возможность* самобытия:

«Какое это все-таки хорошее местечко над обрывом <...> только не надо смотреть направо, где нахально сверкает <...> свежей краской <...> роскошная латрина на четыре очка, <...> при желании можно заставить себя вообразить, что это <...> какой-нибудь научный павильон, но все-таки лучше бы ее не было вовсе. Может быть, именно из-за <этого> лес закрылся облаками. <...> Впрочем, вряд ли, <...> он и не такое видел от людей» [11, с. 586–587].

Отметим наиболее характерные онто-этические моменты хронотопологической структуры подобного экзистирования после краха:

– примирение индивида с падшестью и попытка отыскать хотя бы что-нибудь близкое своей самости в окружающей отчужденности макрохронотопа;

– капитуляция самости индивида перед всем внешним и ею обретенная – т. е. назначенная ей социальным хронотопом – компромиссная позиция;

– в итоге – бессильный протест проигравшей и ослабевшей после краха самости.

После «примирения» с действительностью, которое всегда заканчивается только *полным поглощением индивида равнодушным к нему наличным бытием*, наступает выработка оставшейся *компромиссной программы жизни*. Так начинается собственно *практическое действие паллиативного времени*, не меняющего реальность, а *приспосабливающегося* к ней – и в этой мимикрии сохраняющего возможность изменения окружающего – т. е. самого себя. Примечательно, что в двухстраничном описании слово *«подумал»* будет использовано авторами *трижды*, что свидетельствует о том, что после экзистенциального краха и выработки новой, возможно и паллиативной, жизненной программы человек остается только один на один с самим собой. *Мысли словно движутся по кругу*, тщетно пытаюсь найти выход из замкнутой социальной материальности к открытой подлинности:

«Во всяком случае, <...> каждое утро смогу приходить сюда. Буду делать, что мне прикажут, буду считать на испорченном <калькуляторе>, буду преодолевать штурмовую полосу, буду играть в шахматы, <...> если большинству <...> это удалось <...>. В этом даже что-то есть. Два раза в месяц я буду ездить <...> получать жалованье и премии, не в лес, <...> и даже не на

биостанцию, <...> не на свидание с лесом и не на войну с лесом, а за жалованьем и премией. А утром, рано утром, я буду приходить сюда и смотреть на лес издали <...>, и когда-нибудь как-нибудь что-нибудь произойдет» [11, с. 587].

Финальная картина хронотопологической структуры паллиативного экзистирования после краха выглядит соответственно:

– *паллиативное существование*: вместо реального слома сложившихся обстоятельств и победы индивида – высвобождения, принципиального улучшения жизненных условий – победа наличного бытия: приспособительное пребывание в круге оставшихся прежними обстоятельств. А поскольку «время не стоит на месте», окружающие обстоятельства становятся постепенно все хуже и хуже, т. е. *сползают вниз*;

– *тщетный перебор (бег по кругу)* бессмысленных и обесмысливающих дел и дум как фактически наступившее существование овнешненной и отчужденной временностью. Это жизнь, которая никогда не станет полноценной – которая никогда не станет *жизнью* в полном смысле, а будет *существованием*;

– *попытка* самости индивида установить собственные оставшиеся *границы* и найти собственную осмысленность в окружающей падшести – и *полное осознание человеком абсолютной неполноты своего бытия* – при наглядном видении полноты бытия природы и других окружающих лиц, у которых «все хорошо» и «все есть»;

– *практическое выражение паллиатива*: компромиссное составление расписания будущего существования в соответствии с навязанным распорядком общего, гасящего самость. Это чистая паллиативность и падшесть компромиссного существования оставшимся временем и потаенной возможностью без надежды, что, впрочем, вовсе не означает выход к идее пассивного бездеятельностного существования и тем более чисто потребительской жизни;

– должно отметить упорство и обращение самости к последнему приюту подлинности – *фюзису и бытию как таковому* вне надежды на ответ и собственную подлинность в сложившейся социально-материальной реальности.

Заключение. Подытожим наиболее существенные аспекты исследования:

1) *Хронотоп* – это *единство времени и пространства как акциденций (атрибутов и модальностей) сущего*. Бытие сущего хронотопологично, поскольку и материальные тела, и общности (эпоха, событие) характеризуются пространственно-временной целокупностью (*образ Леса*). Окружающий мир представляет собой четырехмерный пространственно-временной континуум (А. Эйнштейн). Предметом человеческого восприятия являются только места и времена, вместе взятые. Никто еще не наблюдал какого-либо места иначе, чем в некоторый момент времени и какое-нибудь время иначе, чем в некотором месте (Г. Минковский).

2) Чтобы обратиться к сущему с помощью понятия хронотопа (иными словами, раскрыть хронотопологичность сущего), необходимо определить онтологическое значение данного понятия, представить хронотоп в качестве *категории онтологии*. В противном случае хронотоп будет восприниматься в качестве прикладного понятия – «сетки координат», внешне налагаемой на разного рода «объекты». В онтологическом смысле хронотоп переводится в *хронотопологию* – многоплановую эволюционирующую *структуру*, акцидентальную сущему, в основе которой лежит *четверичность* времени-пространства-эйдоса-материи (*экзистенциальное соотношение Лес – Перец*).

3) Хронотоп репрезентирует бытийно-смысловое единство сущего. Сущее характеризуется целостностью своего бытийного сущностного смысла и присущих ему пространственных (телесность, расположение в пространстве, образ, локус) и временных (бытие, включенность в целое исторической эпохи, изменчивость) атрибутов. Хронотоп, понятый как хронотопологическая структура, есть результат и выражение бытия сущего, его имманентная естественная характеристика. В этом пункте наиболее сильно влияние антропокосмизма и органицизма, свойственных русскому философскому мирозерцанию (*Лес как положительная, естественная структура, Управление – как отрицательное, искусственное новообразование*).

4) В аналогичной степени существенно значение *этических, эстетических и экзистенциальных мотивов*, особенно в контексте взаимосвязи феноменов жизненного мира и жизненного пути с катарсисно-экстатической структурой поступка, события, созерцания, коммуникации... Вообще, экзистенциальная линия представляется нам одной из наиболее значимых – поскольку она всегда будет родственна и онтологии, и этике, и эстетике, и аксиологии, и даже метафизике. Мы твердо убеждены, что любую теорию и можно, и нужно раскрывать в свете *экзистенциалистски переосмысленных понятий, таких как судьба, забота, событие, дом, быт, ближний*

круг, различного рода экзистенциалов (совести, решимости, ответственности).

5) Экзистенциальное значение переплетается с философией культуры, поскольку человеческое бытие осуществляется в пространстве культуры, а последняя, в свою очередь, есть выражение человеческого бытия в его конкретно-исторической стадиальности. Посему интересно и важно исследование культурологического значения хронотопологических и всех онтологических структур, осмысленных в широком ключе – и не с позиции общего, а с позиции индивидуального. Хронотопологичность как структура человека дает взаимосвязанность культурно-исторического пространства, явленную в индивидуально-данном бытии человеческой личности. Одновременно эти хронотопы монадического толка (поскольку они индивидуально положены в бытии сущего) представляют собой, по сути, целую перекрестную сеть семантических отсылок, ведущих, в свою очередь, к хронотопологическим общностям культурно-исторических эпох (в «Улитке на склоне» это 1960-е гг.).

6) Помимо чисто экзистенциальных мотивов, в «Улитке на склоне» рассматривалось соотношение техники и технологий, с одной стороны, и человека, природы, мира в целом, с другой стороны. Этико-экзистенциальный смысл здесь заключен в разумном ограничении технологий и техники человеком согласно нижеследующему критерию. Любые технологии и технику следует ограничить (в т. ч. полностью остановить ее развитие на конкретно достигнутом этапе) тогда, когда они выходят даже на возможность причинения потенциально любого вида вреда индивиду, обществу, не абстрактным человеку или человечеству, а именно конкретному индивиду – ведь только определенный человек, а не обезличенные «популяция», «общество» и т. п. выходит на реальную диалектическую коммуникацию с природой и миром. Только в этом случае возможно сохранение жизни на ее онтологических и метафизических основах – т. е. сохранение планеты, живой природы, диких животных, живого человека в полноценном смысле. Потенциал к этому всегда присутствует в мироздании. В настоящее же время наблюдается торжество явно противоположных тенденций.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 5–6.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. С. 340–511.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1997. 732 с.
6. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
7. Карсавин Л. П. Сочинения. М. : Раритет, 1993. 496 с.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М. : Прогресс, 2000. С. 427–457.
9. Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. М. : Мысль, 1994. С. 299–526.
10. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Гадкие лебеди // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Отягощенные злом. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди. М. : АСТ-ЛТД ; СПб. : Terra Fantastica, 1997. С. 365–596.
11. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Улитка на склоне // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пикник на обочине. Отель «У погибшего альпиниста». Улитка на склоне. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 1999. С. 379–613.
12. Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений. Т. 4: 1964–1966 гг. Донецк : Сталкер ; СПб. : Terra Fantastica, 2001. С. 596–619.
13. Флоренский П. А. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М. : Мысль, 2004. 685 с.
14. Ухтомский А. А. Избранные труды. Л. : Наука, 1978. 371 с.
15. Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб. : Петербургский писатель, 1996. 528 с.
16. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 461 с.
18. Хайдеггер М. Положение об основании. СПб. : Алетейя, 2000. 290 с.
19. Ясперс К. Разум и экзистенция. М. : Канон ; Реабилитация, 2013. 336 с.
20. Ясперс К. Философия. Кн. 3. Метафизика. М. : Канон ; Реабилитация, 2012. 296 с.

Features of the chronotopological structure of existence in the "Snail on the Slope" by the Strugatsky brothers

Politov Andrei Viktorovich

Doctor of Philosophy, docent, professor, Perm National Research Polytechnic University.
ORCID: 0000-0003-4175-9040. E-mail: avpolitov@pstu.ru

Abstract. Russian thinkers Ukhtomsky and Bakhtin have popularized the chronotope as one of the concepts in philosophy. In the teachings of Ukhtomsky, chronotope as the interconnectedness of being characterizes the existence of a thing and a person. A single entity forms a microchronotope, represented by a world line, organically inscribed in the world macrochronotope. Human existence appears as a chronotopological whole formed by the path-time and the world-space. Being in the chronotope is characterized by a moral component, the dominant of which is the Face of another person. According to Bakhtin's teaching, the chronotope acts as both a material and a semantic spatiotemporal whole, characterizing not only the autonomous microcosm of art, but also the existence of the author and the hero. A person's appeal to an artistic creation takes the form of an existential dialogue. The ontological communication of chronotopes opens in the event of a meeting with the author and the hero. The purpose of the issue is to trace the features of the chronotopological structure of human existence in its relation to the surrounding world, nature, society and oneself. The famous work of Russian literature of the twentieth century, "The Snail on the Slope" by the Strugatsky brothers, which reveals the specifics of human existence of the past century, will serve as a material for analysis.

Keywords: Ukhtomsky, Bakhtin, Strugatsky, chronotopology, Russian philosophy.

References

1. Bakhtin M. M. *Iskusstvo i otvetstvennost'* [Art and reflection] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-h godov* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2003. Pp. 5–6.
2. Bakhtin M. M. *K filosofii postupka* [Towards a philosophical point of view] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-h godov* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2003. Pp. 7–68.
3. Bakhtin M. M. *Avtor i geroj v esteticheskoj deyatelnosti* [Author and hero in aesthetic reality] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-h godov* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2003. Pp. 69–263.
4. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel] // *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* – Bakhtin M. M. Works. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961). M., Languages of Slavic cultures, 2012. Pp. 340–511.
5. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov* [Works. Vol. 5. Works of the 1940s and early 1960s]. M., Russian Dictionaries, 1997. 732 p.
6. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo, 1963. Raboty 1960-h – 1970-h gg.* [Works. Vol. 6. "Problems of Dostoevsky's poetics", 1963. Works of the 1960s–1970s]. M., Russian words; Languages of Slavic culture, 2002. 800 p.
7. Karsavin L. P. *Sochineniya* [Essay]. M., Rarity, 1993. 496 p.
8. Kristeva J. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, the word, dialogue and the novel] // *Francuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* – French semiotics: from structuralism to poststructuralism. M., Progress, 2000. Pp. 427–457.
9. Losev A. F. *Samoe samo* [Itself] // *Losev A. F. Mif – Chislo – Sushchnost'* – Losev A. F. Myth-Number-Essence. M., Mysl, 1994. Pp. 299–526.
10. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. *Gadkie lebedi* [Ugly swans] // *Strugackij A. N., Strugackij B. N. Otyagoshchennye zlom. Za milliard let do konca sveta. Gadkie lebedi* – Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Burdened with evil. A billion years before the end of the world. Ugly Swans. M., AST; SPb., Terra Fantastica, 1997. Pp. 365–596.
11. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. *Ulitka na sklone* [Snail on the slope] // *Strugackij A. N., Strugackij B. N. Piknik na obochine. Otel' "U pogibshogo al'pinista". Ulitka na sklone* – Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Picnic on the edge. The Dead Climber's Hotel. Snail on the slope. M., AST; SPb., Terra Fantastica, 1999. Pp. 379–613.
12. Strugatsky B. N. *Komentarii k proydennomu* [Comments on the previous] // *Strugackij A. N., Strugackij B. N. Sobranie sochinenij. T. 4: 1964–1966 gg.* – Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Works. Vol. 4: 1964–1966. Donetsk, Stalker; SPb., Terra Fantastica, 2001. Pp. 596–619.
13. Florensky P. A. *Sobranie sochinenij. Filosofiya kul'ta (opyt pravoslavnoj antropodicei)* [Collected works. The Philosophy of cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy)]. M., Mysl, 2004. 685 p.
14. Ukhtomsky A. A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. L., Nauka (Science), 1978. 371 p.
15. Ukhtomsky A. A. *Intuiciya sovesti* [Intuition of conscience]. SPb., Petersburg's Writer, 1996. 528 p.
16. Ukhtomsky A. A. *Dominanta* [Dominant]. SPb., Peter, 2002. 448 p.

17. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. M., Ad Marginem, 1997. 461 p.
18. Heidegger M. *Polozhenie ob osnovanii* [The basic]. SPb., Aleteya, 2000. 290 p.
19. Jaspers K. *Razum i ekzistenciya* [Reason and existence]. M., Canon ; Rehabilitation, 2013. 336 p.
20. Jaspers K. *Filosofiya. Kn. 3. Metafizika* [Philosophy. Ch. 3. Metaphysics]. M., Canon ; Rehabilitation, 2012. 296 p.

Поступила в редакцию: 07.10.2025

Принята к публикации: 11.11.2025

Сверхчеловек: Фр. Ницше vs А. А. Богданов

Коротышева Наталья Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ResercherID: V-2261-2018. ORCID: 0000-0002-8646-5794. E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

Аннотация. Тема человека, а значит, и «сверхчеловека» представляется ключевой в философском исследовании, особенно актуальна она сегодня, когда человечество все настойчивее вовлекается в «будущее без человека», в постгуманизм. В статье проводится сравнительный анализ взглядов на человека и его будущее немецкого мыслителя Фр. Ницше и русского философа и ученого А. А. Богданова (Малиновского) по двум направлениям: критика «неполноценности» современного человека и необходимость преодоления его ущербного состояния через переход к «сверхчеловеку» и перспективы построения будущего человеческого общества. Если в пределах первого направления убеждения обоих авторов следует признать во многом тождественными: современный человек – это человек больной, духовно раздробленный, а значит, «сверхчеловек» – это человек «цельный», здоровый; приоритет практической, «живой» мысли и презрение к «кабинетной», академической философии; выраженный интерес к проблеме человеческой телесности через тему жертвенности, крови, борьбы за жизнь; своего рода антииммортиализм в рамках проблемы смысла человеческого бытия, то в вопросах конструирования дальнейшего развития человеческой культуры два мыслителя выступают уже как антагонисты. Это обусловлено, с одной стороны, неопределенностью и образностью изложения мыслей Фр. Ницше, что повлекло за собой множество различных толкований, и ясностью и конкретностью языка ученого А. А. Богданова, а с другой стороны, и это главное, разницей между русской и европейской философскими традициями: русская, национальная философия не отдает предпочтения страданиям и злу, настаивая на возможности оправдания и спасения человека, а также увязывает будущее человека с коллективным, соборным, братским началом. Обе эти тенденции нашли свое воплощение в категориях «сораздания» и «товарищества» в философской антропологии А. А. Богданова.

Ключевые слова: сверхчеловек, Фр. Ницше, А. А. Богданов (Малиновский), антропология, русский марксизм.

В разное время и в разных культурах сверхчеловек выступает в качестве некоего символа ограниченности и несамостоятельности человека, его постоянной «недостаточности». В этом же значении он будет присутствовать как в философии Фр. Ницше (1844–1900), так и в антропологии русского мыслителя и ученого А. А. Богданова (Малиновского) (1873–1928).

Необходимо отметить, что на возможную связь между двумя этими представителями разных культурных традиций нас натолкнуло предисловие к одной из работ самого А. А. Богданова, где он в качестве эпиграфа использует цитату из «Заратустры» Фр. Ницше: «Человек – мост к сверхчеловеку» [5, с. 28], а также статья В. Д. Жукоцкого, посвященная анализу взаимоотношений между философией Фр. Ницше и русским марксизмом, в котором, по утверждению автора, «ницшеанский дискурс проявил себя со всей определенностью» [8]. При этом, уделяя внимание таким представителям русского марксизма, как Л. Троцкий, П. Струве, а также ближайшим соратникам А. А. Богданова – М. Горькому и А. Луначарскому, называя последнего «самым явным ницшеанцем из числа русских марксистов», В. Д. Жукоцкий не упоминает об Александре Богданове. Однако тот вывод, который автор формулирует в отношении прочих русских марксистов, – что они, «как и многие в русском духовном ренессансе начала XX века, были захвачены ницшеанским порывом отвержения старых и созидания новых ценностей, раскрепощающих человека в аспекте свободного художественного и философского творчества, но еще более – в аспекте творчества социального и политического» [Там же], вполне справедлив и для взглядов на человека и общество А. А. Богданова, который, равно как и другие представители русской философской мысли, тем не менее, никогда не был «ницшеанцем» в полном и строгом смысле этого слова.

Итак, известно, что Фр. Ницше рассматривает человека как эволюционный этап в становлении сверхчеловека, как «канат над пропастью, натянутый между животным и сверхчеловеком» [9, с. 9], утверждая человека не целью, а «мостом», в котором важно лишь свойство

перехода и то, что обречено в итоге на гибель. Отношение же А. А. Богданова к современному человеку следует признать еще более радикальным, потому что он отказывает в праве ему называться человеком в принципе. Время подлинного человека еще не пришло, человек только должен возникнуть в процессе его «собираания» и преодоления состояний раздробленности и специализации «авторитарно-индивидуалистического» мещанского мира. А. А. Богданов пишет: «...если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: *Человек еще не пришел* (курсив А. Б.)» [5, с. 46]. Из этого с очевидностью следует, что оба автора крайне негативно относятся к современному состоянию человека и человеческого общества. Критика доходит до степени отказа признать за человеком права называться и считаться таковым – «червь», «обезьяна», «зверь», «мучительный позор» или некое «существо» – но не человек.

Объяснением и иллюстрацией своего рода ведущего лозунга Фр. Ницше о том, что «человек есть нечто, что должно превзойти», может служить глава «О прохождении мимо», где состоялся разговор между Заратустрой и шутком – «обезьяной Заратустры» возле ворот при входе в большой город. Характеристика городского бытия, в котором сосредоточена жизнь подавляющего большинства современных людей, в качестве «ада», «бойни» и «харчевни» для духа как нельзя более образно передает существование человека в сегодняшнем мегаполисе. Совершенно не случайно Н. А. Бердяев, рассуждая о связи философии Фр. Ницше с реальной ситуацией в милитаристской Германии в годы Первой мировой войны, констатирует: «С отворачиванием отворачивался Заратустра от современной культуры больших городов и уходил в горы. Все, что любит современная Германия – государство, промышленное преуспевание, механическую цивилизацию, нивелировку, организации масс, дисциплину масс, – все ненавистно Заратустре» [2]. Эти «города-спруты» (по Э. Верхарну) во многом и делают из человека трусливое и посредственное «домашнее животное». Удивительно, насколько мысли Фр. Ницше определяют направленность интеллектуальных поисков на Западе и согласуются с выводами уже XX и даже XXI века. Стоит вспомнить хотя бы фантазии и антиутопии О. Хаксли – «Через много лет» (1939) или «Обезьяна и сущность» (1948), а также вышедшее недавно в русском переводе исследование британского антрополога Р. Рэнгема, где он описывает процесс «одомашнивания» человека (См. Рэнгем Р. Парадокс добродетели. М., 2023).

Столь же однозначной и последовательной, хотя и гораздо менее образной и эмоциональной, выступает критика «раздробленного» и «специализированного» «человека» в рамках обывательского и метафизического опыта у А. А. Богданова. Утверждая главной целью преодоление общей предпосылки как наивной, так и философской «обывательщины», которая заключается в том, что «всякой твари предел положен есть, и его не преjdeши...» [5, с. 30], автор предполагает возможность создания не столько научной, сколько интегральной концепции человека, способного к развитию, «не ограниченному никакими *безусловными* пределами» [Там же]. Проследивая историю становления человеческого общества, А. А. Богданов выделяет две главные фазы «дробления человека»: это авторитарная стадия и стадия специализации, вследствие которых «всякий *строит мир* по образу и подобию своего специального *опыта*» [5, с. 35], утрачивается возможность взаимного понимания и снижается качество общения между людьми. И когда «молот общественного антагонизма выковывает индивидуалистическое сознание» [Там же, с. 36], тогда это оборачивается состоянием конкуренции и борьбы, «войны всех против всех». Итак, формула, следующая: если современный человек – это больной человек, значит, сверхчеловек – это есть человек здоровый. При этом нездоровье, болезненность, слабость современного человека принимают у Фр. Ницше гротескные, уродливые формы. Так Заратустра рассуждает о «калеках наизнанку» – о людях, «которым недостает всего, кроме избытка их, – о людях, которые не что иное, как один большой глаз, или один большой рот, или одно большое брюхо, или вообще одно что-нибудь большое». И далее: ««Это – ухо! Ухо величиною с человека!» [9, с. 100] Таким образом, «болезнь» современного человека, его неполноценность заключается в отсутствии целостности, потому что современные люди – это «люди-обломки». А значит, будущее человека возможно лишь на пути интеграции разрозненных частей в единое целое – в человека как целое, или в сверхчеловека. «Я хожу среди людей, как среди обломков будущего, – того будущего, что вижу я» [Там же].

Об этом же пишет и А. А. Богданов, называя современного человека человеком «раздробленным». Более того, для иллюстрации этого состояния раздробленности, а значит, ущербности он использует ту же самую органическую метафору, сравнивая человека с отдельными частями единого организма: «Что я такое? – разве это не самый естественный вопрос для какого-нибудь пальца руки, оторванного от тела? Зачем я? откуда? – как не спраши-

вать об этом живой части, потерявшей связи со своим жизненным целым? там где происходит разрыв живой ткани, отделяющий орган от тела, там чувствуется мучительная непонятная боль; – и вот вопросы о зле жизни» [5, с. 38]. И, равно как и Фр. Ницше, А. А. Богданов видит будущее через необходимую реализацию потребности человека стать «полноценным» в ходе процесса «собираения человека».

В связи с вышесказанным еще одним важным аспектом представлений о сверхчеловеке у обоих авторов выступает выраженный интерес к человеческой телесности, к проблеме не только ментального здоровья и сознательной целостности бытия, но и важности здоровья физического. Для А. А. Богданова, который получил высшее медицинское образование и долгие годы практиковал в качестве действующего врача, это вполне предсказуемое и естественное поле деятельности, где он достиг невероятных успехов, проводя успешные эксперименты в области гемотрансфузиологии (обменные переливания крови). И в этой деятельности, в невероятной трудоспособности А. А. Богданова (более 200 томов трудов) последовательно воплощается главный принцип русской философии – это синтез мысли и практики, когда «сама жизнь становится философией» [5, с. 40].

Однако в этом же ключе многие исследователи рассматривают и творчество Фр. Ницше, определяя его как «философа-бунтаря». Действительно, невозможно рассматривать последнего как продолжателя европейской академической философии, представителей которой он обличает как «читающих бездельников», а в качестве преамбулы к одной из своих работ использует слова Гёте: «Мне, во всяком случае, ненавистно все, что только поучает меня, не расширяя и непосредственно не оживляя моей деятельности» [10, с. 158]. Этой увлеченностью практической стороной мысли можно объяснить невероятный интерес немецкого философа к проблеме телесности, физического здоровья, а также борьбы и смерти, в том числе и на войне. В одной из глав Заратустра обращается к «презирающим тело»: «Тело – это большой разум, множество с одним сознанием, война и мир, стадо и пастырь... Орудием и игрушкой являются чувство и ум: за ними лежит еще Само... Оно господствует и является даже господином над Я» [9, с. 24].

Насколько презирает Фр. Ницше «кабинетных» ученых и философов, читателей, настолько же воспеваает мужество и отдает дань уважения воинам: «Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью – и ты узнаешь, что кровь есть дух» [Там же, с. 28], потому что только «благо войны освящает всякую цель» [Там же, с. 34]. Говоря о нравственном оправдании и величии войны, Фр. Ницше во многом вторит рассуждениям Ф. М. Достоевского в очерке «Парадоксалист» («Дневник писателя» за 1976 год) о «пользе» войны как возможности реализовать высший смысл человеческой жизни.

Тема войны, крови, жертвенности всегда сопряжена с темами смерти и смысла человеческого существования. И в этом отношении представляется необходимым обратить внимание на совпадение взглядов Фр. Ницше и А. А. Богданова в отношении к проблеме человеческого бессмертия. Их позицию можно обозначить как своего рода антииммортиализм. В одной небольшой главе «Книги для всех и ни для кого» Заратустра обличает «проповедников смерти», которые делают свое дело, формируя «отвращение» к жизни: «Сладострастие есть грех – так говорят проповедующие смерть, – дайте нам идти стороною и не рожать детей!» «Трудно рожать, – говорят другие, – к чему еще рожать? Рождаются лишь несчастные!» И они также проповедники смерти. «Нам нужна жалость, – так говорят третьи. – Возьмите, что есть у меня! Возьмите меня самого! Тем меньше я буду связан с жизнью!» [Там же, с. 33]. В качестве последствий подобного рода рассуждений выступает «усталость от жизни», меланхолия или тоска, которой страдали многие интеллектуалы ХХ века, люди искусства, а в ХХI веке уже «новая меланхолия» или усталость быть человеком [7]. В целом Фр. Ницше устанавливает тождество между проповедью смерти и проповедью вечной жизни: «Если бы вы больше верили в жизнь, вы бы меньше отдавались мгновению... Всюду раздается голос тех, кто проповедует смерть; или “вечную жизнь” – мне все равно» [9, с. 33]. Другими словами, обещания бессмертия или вечной жизни, по сути, совершенно ничем не отличаются от проповеди смерти, ибо и там и там отсутствует момент смысла человеческого бытия. А если жизнь бессмысленна, то к чему ей длиться вечно, ибо она есть «вечное возвращение», повтор.

В этом же ключе выстраивает свои рассуждения и А. А. Богданов. Своего рода литературным памятником антииммортиализма может служить его небольшой рассказ «Праздник бессмертия» (1914), где главный герой, химик Фриде, изобрел лекарство для вечной жизни, и люди на Земле перестали умирать. Казалось бы, для человека наступило долгожданное светлое будущее без страданий и смерти, однако для гениального ученого это состояние бесконечной длительности оборачивается невыносимой мукой и ужасом перед страшным одиночеством, о котором понятия не имели раньше, ибо, обретя бессмертие, человек «превратился

в автомат, который с точностью часового механизма повторяет самого себя» [4, с. 366]. В итоге Фриде пишет завещание и принимает смерть на костре, ибо «только смерть может положить конец страданиям духа!..» [Там же, с. 367]. Таким образом, А. А. Богданов со всей силой своего таланта утверждает антропологический парадокс, который заключается в том, что смысл и значение человеческой жизни придается ее ограниченностью, то есть смертью.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в «негативном» моменте, предполагающем острую критику существующего человека и современной цивилизации за их ущербность, фальшивость, отчужденность от истинной жизни, взгляды Фр. Ницше как немецкого «философа борьбы» и А. А. Богданова как русского философа-марксиста предельно сходятся; с той разницей, как замечает В. В. Библихин, «что у Ницше было интеллектуальной провокацией – нигилизмом, волей к власти, – то стало знаменем революционного активизма» [3, с. 74] здесь у нас, в России.

Что касается «позитивного» момента, заключающегося в попытках конструирования определенного образа сверхчеловека, а значит, и будущего человеческой культуры, то здесь уже проявляются предельные расхождения между Фр. Ницше и А. А. Богдановым, которые определяются как в целом разницей между культурными традициями, так и противоречиями в области европейской и русской философии.

Прежде всего, у Фр. Ницше, в отличие от А. А. Богданова, представления о сверхчеловеке и будущем выступают совершенно противоречивыми и неопределенными. «Ницше обнаруживает совершенную ясность и уверенность, как только речь заходит о том, что должно быть сокрушено и что переоценено; напротив, он теряется в туманных общих местах, как только приходится говорить о “для чего”, о цели. Его критика декаданса неопровержима, его учение о сверхчеловеке – сплошной мираж», пишет О. Шпенглер [14, с. 552]. Действительно, количество толкований и интерпретаций сверхчеловека Фр. Ницше чрезвычайно велико: от предельно вульгарных, вырождающихся довольно быстро в упрощенные стереотипы «ницшеанства» и социального дарвинизма с призывами «подтолкнуть падающего», культом наживы и силы и т. д. до серьезного метафизического анализа «сверхчеловека» у М. Хайдеггера: «Сверхчеловек, в буквальном смысле слова, есть скорее тот, кто превосходит прежнего человека единственно для того, чтобы прежде всего привести донине существующего человека к его еще не осуществленной сущности и прочно установить его в ней» [13].

Однако за внешней неопределенностью и стилевыми различиями скрываются и принципиальные противоречия в области этики и философской антропологии между двумя культурными традициями – русской и европейской. Дело в том, что если провести анализ отношения к Фр. Ницше со стороны ведущих представителей русской философии, то оно будет двояким: с одной стороны, это восхищение русских марксистов в рамках бунтарства и требований пересмотра прошлых ценностей, как об этом было сказано выше. Однако, не только они, но и, например, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен в свое время во многом предвосхитили как раз антропологические и этические искания немецкого мыслителя. С другой же стороны, это очевидный акцент на выявление отрицательного содержания в философии Фр. Ницше. Например, В. Соловьев пишет об этом так: «Дурная сторона ницшеанства бросается в глаза. Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе заранее какого-то исключительного сверхчеловеческого значения – во-первых, себе единолично, а потом, себе коллективно, как избранному меньшинству “лучших”, т. е. более сильных, более одаренных, властительных, или “господских”, натур, которым всем позволено, так как их воля есть верховный закон для остальных, – вот очевидное заблуждение ницшеанства» [11, с. 628]. Однозначно негативное отношение к Фр. Ницше выражает и Н. Ф. Федоров, называя немецкого бунтаря «философом Черного царства» и фиксируя при этом противоречивость его воззрений даже через название своей статьи «Сверхчеловечество как порок и как добродетель», где среди прочего говорится о том, что «философы – законодатели и повелители; в лице их Ницше возводит произвол из злоупотреблений в принцип, в правомочие, и ставит произвол индивидуума на место эволюции... Но это не коллективный генезис, а субъективный, индивидуалистический» [12, с. 555]. И далее: «Сверхчеловечество может быть и величайшим пороком, и величайшею добродетелью. Оно безусловный порок сатанинского происхождения, когда состоит в превозношении одного или нескольких лиц над себе подобными, то есть над отцами и братьями... Но сверхчеловечество есть и величайшая добродетель, когда оно состоит в исполнении естественного долга разумных существ в их совокупности, в обращении слепой, неразумной силы природы, стихийно рождающей и умерщвляющей, в управляемую разумом» [Там же, с. 557].

Таким образом, в русской философской традиции проявляются, по крайней мере, две важные тенденции, которые формируют антитезу и альтернативу развития как философии Фр. Ницше, так и всей западной мысли в принципе: в области этики – русские мыслители (в отличие от Фр. Ницше, который совершенно ясно и определенно заявляет о том, что, смотря в зеркало, он видит в нем не свое отражение, а «рожу дьявола» [9, с. 58]) не отдадут предпочтения страданиям и злу, а в области антропологии – связывают будущее человека не с индивидуальным моральным творчеством и эгоистичными волевыми стремлениями, а с коллективным, народным, братским началом (в то время как на Западе народ превращается в массы и «молчаливое большинство»). Эти коренные отличия Н. А. Бердяев выразил через отсутствие у русских людей «пафоса горного восхождения», ибо они «боятся одиночества, покинутости, холода, ищут тепла коллективной народной жизни» [1, с. 174].

Обе эти тенденции в полной мере находят свое воплощение и у А. А. Богданова через категории «сорадования» и «товарищества». Следуя диалектической логике, Богданов считает, что «дробление человека» и процессы специализации порождают не только «неполноту жизни» и «разорванность мира», но и реальные жизненные противоречия, через разрешение которых осуществляется развитие на пути «собираания» человека [5, с. 39]. Одновременно А. А. Богданов постулирует человеческую потребность «быть целым» в качестве абсолютной, что соответствует стремлению к жизненной гармонии как в самом человеке, так и в окружающей действительности. На этом пути, посредством общности опыта и расширения круга общения, возникают те или иные «формы собираяния человека» – экономические (трудовые коллективы), политические идейные союзы, товарищеские кружки и т. д. В рамках этих форм сотрудничества главным моментом выступает тот, что частные цели отдельных лиц определяются общим делом. А. А. Богданов пишет: «Сущность товарищеской организации заключается в единстве цели, свободно, без всякого принуждения поставленной себе людьми и выходящей за пределы личных интересов каждого из них» [6, с. 68]. Преодоление возможных конфликтов, господства личных связей и индивидуалистической психологии внутри кружка возможно, по А. А. Богданову, только через сознательное развитие в себе свободного чувства товарищества, а также симпатии, «основанной на сотрудничестве», на достижении общей цели. Эта симпатия выходит далеко за рамки отношений дружеских и половых. Автор поясняет это так: «...по своему типу она (товарищеская симпатия) более совершенна в том смысле, что гораздо менее чувствительна к случайностям жизни, гораздо менее болезненна при неизбежных жизненных крушениях». «В ней преобладает не сострадание, а *сорадование*» [Там же, с. 69]. Итак, по существу, собираяние человека происходит в процессе безграничного расширения и совершенствования товарищеских форм сознательного сотрудничества.

В итоге, как полагает А. А. Богданов, в будущем может быть достигнуто полное взаимопонимание между людьми, когда исчезнут не только конкуренция и прямая борьба, но и самое простое соревнование, так как изживание индивидуалистических чувств, противопоставляющих одного человека другому, ведет к гармоничному обществу «цельных» личностей, объединенных общим делом – преобразованием природы. В целом, несмотря на идеологическую подоплеку и своего рода «наивность» философских рассуждений А. А. Богданова, его взгляд на человека и его будущее вполне укладывается в традицию как русской философской мысли, так и жанра отечественной фантастической литературы, где доминантой выступает антропологический оптимизм и возможность «спасения» человека, и равно противоречит центральному лозунгу философии Фр. Ницше: «Опять я один и хочу им быть» [9, с. 114], индивидуализм которого обернулся не только личной трагедией немецкого философа, но и так называемым «пустодушием» (по А. Платонову) всей западной культуры.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923.
2. Бердяев Н. А. Ницше и современная Германия // Биржевые ведомости. 1915. № 14650. 4 февр.
3. Бибахин В. В. Толкование сновидений // Юность. 1992. № 3.
4. Богданов А. А. Праздник бессмертия: избранные произведения. СПб., 2014.
5. Богданов А. А. Собираение человека // Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990.
6. Богданов А. А. Цели и нормы жизни // Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990.
7. Варава В. В. Новая меланхолия (экзистенциальные трансформации современной культуры) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 5 (103). С. 23–34.
8. Жукоцкий В. Д. Ницшеанство и марксизм: русский синтез. URL: <https://nietzsche.ru/arond/russia/zykonsky/>.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2. М., 1996.
10. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. М., 1996.

11. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1988.
12. Федоров Н. Ф. Сочинения / общ. ред. А. В. Гулыга. М. : Мысль, 1982.
13. Хайдеггер М. Кто такой Заратустра у Ницше? // Топос. М., 2000. № 1. С. 50–65.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. Т. 1. М., 1998.

The Superhuman: Friedrich Nietzsche vs. Alexander Bogdanov

Korotysheva Natalia Nikolaevna

PhD in Philosophy, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ResearcherID: V-2261-2018. ORCID: 0000-0002-8646-5794.

E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

Abstract. The theme of the human, and consequently of the "superhuman," appears to be key in philosophical research, and it is especially relevant today, as humanity is being increasingly drawn into a "future without the human," into posthumanism. This article provides a comparative analysis of the views on the human and its future by the German thinker Friedrich Nietzsche and the Russian philosopher and scientist A. A. Bogdanov (Malinovsky) along two lines: the critique of the "inferiority" of modern humans and the necessity of overcoming their flawed condition through a transition to the "superhuman," and the prospects for building a future human society. While within the first line of inquiry the beliefs of both authors can be considered largely identical: the modern human is sick, spiritually fragmented, and therefore the "superhuman" is a "whole," healthy human; the priority of practical, "living" thought and contempt for "armchair," academic philosophy; a pronounced interest in the problem of human corporeality through the themes of sacrifice, blood, and the struggle for life; a kind of anti-immortalism within the problem of the meaning of human existence then in matters of constructing the further development of human culture, the two thinkers act as antagonists. This is due, on the one hand, to the uncertainty and imagery of Friedrich Nietzsche's exposition, which led to numerous varied interpretations, versus the clarity and specificity of the language of the scientist A. A. Bogdanov, and on the other hand, and this is the main point, the difference between the Russian and European philosophical traditions: Russian, national philosophy does not favor suffering and evil, insisting on the possibility of human justification and salvation, and also links the future of the human with a collective, conciliar, fraternal principle. Both these tendencies found their embodiment in the categories of "co-joy" and "comradship" in the philosophical anthropology of the socialist A. A. Bogdanov.

Keywords: superhuman, Friedrich Nietzsche, A. A. Bogdanov (Malinovsky), anthropology, Russian Marxism.

References

1. Berdyayev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The Worldview of Dostoevsky]. Prague, 1923.
2. Berdyayev N. A. *Nitsche i sovremennaya Germaniya* [Nietzsche and Modern Germany]. *Birzhevyye Vedomosti* – Stock exchange statements. 1915, No. 14650. Feb. 4.
3. Bibikhin V. V. *Tolkovanie snovidanii* [The Interpretation of Dreams]. *Yunost'* – Youth, 1992. No. 3.
4. Bogdanov A. A. *Prazdnik bessmertiya: Izbrannyye proizvedeniya* [The Festival of Immortality: Selected Works]. SPb., 2014.
5. Bogdanov A. A. *Sobiranie cheloveka* [The Gathering of Man] // *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* – Questions of Socialism: Works of Different Years. M., 1990.
6. Bogdanov A. A. *Tseli i normy zhizni* [The Goals and Norms of Life] // *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* – Questions of Socialism: Works of Different Years. M., 1990.
7. Varava V. V. *Novaya melanholiya (ekzistentsial'nye transformatsii sovremennoi kul'tury)* [The New Melancholy (Existential Transformations of Modern Culture)] // *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv* – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2021. No. 5 (103). Pp. 23–34.
8. Zhukotsky V. D. *Nitssheanstvo i marksizm: russkii sintez* [Nietzscheanism and Marxism: A Russian Synthesis]. Available at: <https://nietzsche.ru/around/russia/zykonosky/>.
9. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra] // *Collected works* : in 2 vols. Vol. 2. M., 1996.
10. Nietzsche F. *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni* [On the Use and Abuse of History for Life] // *Collected works* : in 2 vols. Vol. 1. M., 1996.
11. Solovyov V. S. *Sochineniya : v 2-kh tomakh. T. 2* [Works : in 2 vols. Vol. 2]. M., 1988.
12. Fedorov N. F. *Sochineniya* [Works] / ed. by A. V. Gulyga. Mysl (Thought), 1982.
13. Heidegger M. *Kto takoi Zaratustra u Nitsche?* [Who is Nietzsche's Zarathustra?] // *Topos*. M., 2000. No. 1. Pp. 50–65.
14. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [The Decline of the West. Outlines of a Morphology of World History]. In 2 vols. Vol. 1. M., 1998.

Поступила в редакцию: 07.10.2025

Принята к публикации: 18.11.2025

EDN: OZTUIY

УДК 1(091)

Вл. Соловьёв в контексте феноменологической традиции

Счастливецва Елена Анатольевна

доктор философских наук, профессор кафедры права и общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Кировский филиал.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-2832-7748. E-mail: abcr@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ работы «Теоретическая философия» Вл. Соловьёва. Применяя системный подход к описанию деятельности сознания, Вл. Соловьёв проблематизирует само понятие сознания. Отталкиваясь от Декарта, он, как и Гуссерль, но не используя при этом феноменологическую редукцию, раскладывает Я на составляющие его элементы, в которых явственно проглядывает его философия синтеза. Одним из таких элементов становится нравственная мотивация. В «Логических исследованиях» Гуссерль проводит демаркацию логического и психического, но у Соловьёва мы видим синтез этих функций, который он разрабатывает в разные периоды своей философской деятельности. Соловьёв также приближается к исходной реальности через область логического и психического, для этого он занимает критическую позицию по отношению к «Я» Декарта – то есть позицию сомнения в самом сомнении, невозможности получения достоверного знания из субъективного переживания Я. И всё же проблематизация субъективного мышления схожа с гуссерлевской редукцией.

В статье формулируется и обосновывается тезис о формировании феноменологической традиции в России до феноменологии Г. Г. Шпета. В контексте феноменологической традиции автор исследует также имманентистский компонент, заметный у В. Соловьёва и оказавший существенное влияние на философию Н. О. Лосского.

Целью работы является исследование теоретического метода Вл. Соловьёва в области познания, феноменологических истоков этого метода. Актуальность данного исследования видится в полученных результатах, заключающихся в том, что выявлены истоки «положительной» онтологии Вл. Соловьёва, связь философии В. Соловьёва как с зарубежной, так и отечественной феноменологической традицией, что дополняет, расширяет понимание идейного наследия русской философии и значимо для исследования такого фундаментального философского феномена, как сознание.

При работе над темой в статье использовались следующие научные методы: историко-философский и системный анализ, феноменологический, герменевтический и компаративистский методы.

Ключевые слова: Вл. Соловьёв, феноменологическая традиция, внутренний опыт, субъективное сознание, Декарт, Н. О. Лосский, имманентная философия, В. Шуппе, Гуссерль, феноменологический метод и методология.

Введение. Приступая к раскрытию данной темы, обозначим степень разработанности проблематики в отечественной феноменологической традиции. Еще в свое время Густав Шпет в «Очерке развития русской философии» очертил круг философов, которые могли бы быть причислены к ведущим свои идеи от Платона. Известно идейное родство Гуссерля с Платоном [31, S. 18]. Таких философов Шпет отнес к области «положительной философии». В их число он включает П. Д. Юркевича, В. С. Соловьёва, Л. М. Лопатина, С. Н. Трубецкого [8, с. 31] и даже Г. Сквороду. Работая в рамках феноменологической традиции, обозначенной Шпетом, мы видели цель своего исследования в том, чтобы выявить определенные черты, присущие этой традиции как особенные, и это были онтологические черты, как подчеркивал И. И. Евлампиев [6], и не только он, но и сам Густав Шпет [8]. Именно направленность на предмет и явилась критерием, по которому можно было отбирать философов на причастность феноменологии.

Русская философия идет путем отмежевания от чистой идеи рационализма в трудах прежде всего Вл. С. Соловьёва, чья идея всеединства становится ключевой для всей последующей русской философии. Так, еще в начале своего творческого пути Вл. Соловьёв пишет диссертацию «Кризис западной философии. Против позитивистов», в которой подвергает критике философию Огюста Конта. До 1877 года о Соловьёве и будут говорить прежде всего как об авторе работы «Кризис западной философии» [11]. Уже в этой работе он признаёт односторонность как западного рационализма, так и эмпиризма [16, с. 121].

Кризис западной философии становится центральной темой конца XIX – начала XX века [25, с. 176]. Его можно описать через кризис сознания, который показал Рикёр [13] и который

Гуссерль описал через критику рефлексивного сознания [13, с. 163]. То, что заметил Гуссерль в качестве критики сознания, что сознание вообще можно подвергать сомнению, а не только чувственный опыт, как это делает Декарт, по сути, заметил и наш Вл. Соловьёв [17; 19]. В этом смысле интерес представляет начало идей, сама тенденция к критике психологизма и субъективизма еще в изначальном периоде творчества Соловьёва. Он выделяет три источника познания: 1) внутренний опыт; 2) внешний опыт как внешнее бытие в его реальности; 3) условия и законы бытия в виде рассуждений или высказываний [16, с. 44]. Здесь уже начинается критика Канта, поскольку если наше сознание априорно, то оно ничего не может знать за своими собственными пределами, исключение, правда, составляют явления [16, с. 57]. Тем не менее Соловьёв понимает Канта довольно узко, в смысле Декартова субъективного «я», впоследствии упрекая французского философа, по сути, в конструктивизме [5, с. 32]. Ему хочется снять проблему субъективного мышления и объективного бытия, и это снятие он находит в философии Гегеля в безусловном их тождестве в абсолютной идее [14, с. 8]. Главный вопрос, которым задаётся русский философ, – вопрос об истинности, достоверности нашего познания. «...Самодостаточность наличного сознания, как внутреннего факта, не ручается за достоверность создаваемых предметов как внешних реальностей; но нельзя ли из этого сознания прямо заключать о подлинной реальности сознающего субъекта, как особо самостоятельного существа или мыслящей субстанции?» [18, с. 776] Декарт так и поступал, и в этом ему следовали многие, например спиритуалист Л. Лопатин.

Но может ли быть выражена такая уверенность по поводу «реальности сознающего субъекта» в нашем сознании в логически обязательной форме? Декарт, говорит Вл. Соловьёв, нашел довольно остроумную форму для выражения своей мысли, а именно: состояние сомневающегося сознания, но сделал это весьма поспешно [18, с. 777]. Что же предложил Соловьёв философствующему сознанию эпохи? Прежде всего, он предложил начатое дело познания доводить до конца, и в этом уже видит нравственный элемент. «Итак, в мере истинности заключается понятие *добросовестности*: настоящее философское мышление должно быть *добросовестным исканием достоверной истины до конца*... Поскольку нравственный элемент требуется самими логическими условиями мышления, он не только может, но и должен быть положен в основу теоретической философии» [18, с. 766]. Здесь нравственный интерес совпадает с теоретическим: философия есть философия; $A = A$ [18, с. 766–767]. Нравственный мотив отчетливо звучит и в «Критике западной философии», в характеристике симпатии, или сочувствия, а также в противопоставлении альтруизма эгоизму [16, с. 66–67].

Так в чем же новаторство Вл. Соловьёва, в чем он созвучен современности? В настоящее время активно обсуждается вопрос о сближении философии и науки, религии и философии, науки и религии.

Но еще в последней четверти XIX века Соловьёвым был намечен синтез всех трех областей: науки, философии и веры. Так, его критика Канта исходила из невозможности разделения общественного сознания на мифологию, метафизику и науку, когда речь заходила о стадийном развитии социальной физики. Соловьёв видит в философии систему цельного знания, где каждая мировоззренческая область стремится к истине: наука – через логическое доказательство, религия – через веру. В целом же философия соединяет в себе как рациональные, так и иррациональные черты (например, красоту в природе, хотя материальное в ней может быть уравновешено идеальной формой [15, с. 359]), как было показано уже Гартманом и Шопенгауэром, но в самом неудовлетворительном виде [16, с. 112, 115]. Не найдя систему доказательств в западной философии, он обращается к Востоку, где вера и духовное созерцание должны восполнить недостаток западного мышления, слишком рационального и утилитарного, то есть одностороннего [16, с. 121–122]. Поэтому Т. А. Полетаева полагает, что «пред-феноменологическую» теоретическую философию В. С. Соловьёва можно было вполне дополнить восточным мистическим опытом [12, с. 71].

Теоретическая философия Вл. Соловьёва в контексте феноменологии. Считается, что поздняя работа Соловьёва «Теоретическая философия» посвящена феноменологическому методу [4; 5; 12], что это такая своеобразная «пред-феноменология» [12, с. 71]. Работа состоит из трех статей. «Чистое» сознание, по Соловьёву, представляет собой психическую деятельность благодаря психическим, а значит, и феноменологическим актам. Вл. Соловьёв употребляет термин «феноменологический» применительно к душевным явлениям задолго до Гуссерля (как и Юркевич) [31, с. 64]. Психические акты сознания называются имманентными, поскольку они связаны с внутренней жизнью (душой) отдельного субъекта [18, с. 887, 895].

Действительно, еще Соловьёв исходил из философии имманентизма, наиболее ярким представителем которого являлся Вильгельм Шуппе [9; 33; 34]. Русский философ также отталкивается от Декарта, философия которого позволяет усомниться в существовании не только своего собственного Я, но и мира за пределами нашего сознания, той реальности, которой Кант отводил место «вещи в себе». Феноменальный мир – мир нашего сознания, мир, явленный нашему сознанию, мир явлений – имманентен ему, то есть внутренне содержит и саму реальность, но вот можно ли из него вывести доподлинное существование этой реальности?

Метод извлечения реальности из чистого Я был уже не нов для феноменологии Гуссерля (у Шуппе мы найдем этот способ). Это, собственно, еще не редукция, а декартовский солипсизм, который Вл. Соловьёв ставит под сомнение. В «Теоретической философии» он говорит, что ни один принцип не доказывает существования души [18, с. 782–781, 793]. Чистый субъект мышления есть феноменологический факт, не менее, но и не более достоверный, чем все другие явления: вещь среди вещей, существование которой нужно еще доказать. Если явление души и безусловно достоверно, то только в составе наличного содержания сознания. Я есть факт *психической наличности*, как и все другие Я. Нейрофизиология того времени описывала психофизиологические процессы, когда в роли физиологического уровня выступали ощущения. Соловьёв не видит существенной связи между познаваемым предметом и сознанием. Эта проблема становится краеугольным камнем преткновения в философии вплоть до сегодняшнего времени, и прежде всего из-за непроясненности самого термина «сознание» [19]. Уже в конце позапрошлого века Соловьёв полагал, что сознание представляет собой синтез, в том числе и как единство разного рода социальных переживаний.

Мы говорили, что Вл. Соловьёв исходил в какой-то мере из философии имманентизма, мы знаем, что философом имманентности был Н. О. Лосский [22; 27]. В данной работе мы не ставили своей целью раскрыть разницу между философией Лосского и Соловьёва, но нам нужно показать пред-феноменологический контекст, который состоял в том числе и в особом понимании души как внутреннего опыта субъекта, но который (опыт) подвергается критике с точки зрения достоверности, как это делает Соловьёв в своей теоретической философии. Именно в этой критике внутреннего состояния субъекта и видится исток его феноменологии. В связи с этим положением имманентности можно выделить и то, что сам имманентизм своим истоком имеет философию ощущений Эрнста Маха [9, с. 302], отсюда, как представляется, происходит идея феноменализма Лопатина как идея о том, что субъективное сознание имманентно единичному предмету в качестве внутреннего опыта или ощущения отдельного индивида в качестве личного опыта, протекающего в индивидуальном сознании.

Чистый субъект мышления есть феноменологический факт, а значит, имманентный, укрытый в явлении в качестве реальности, скрытой реальности. Этот-то постулат и послужил основным методологическим пунктом как в кантианском учении, так и в учении В. Шуппе об имманентизме, из которого, как представляется, и происходят истоки отечественной феноменологии. Здесь предполагается пояснение. Оно заключается в том, что внутренний опыт, душа, «являет» нам сам предмет, реальность как самоочевидный факт (в чем и проявился идеал-реализм Лосского), но откуда проистекала в том числе и критика Соловьёвым внутреннего опыта (в этом и разница между Соловьёвым и Лосским: один полностью доверяет внутреннему опыту, другой не доверяет ему). В подтверждение нашей мысли приведем рассуждения Вл. Соловьёва о сознании. По его мнению, нельзя спросить, к примеру, чье сознание, равно как мы спрашиваем: «Чей кафтан? Чьи калоши?» Философ сомневается в самом феномене сознания как субъективном акте. Оно обладает всеобщностью, как и мышление. Соловьёв испытывает недоверие к интроспективному взгляду на проблему психического, и уж точно сознание не может исчерпываться интроспекцией как внутренним состоянием нашей души. Другой вопрос: что именно дано нашему сознанию? На этот вопрос нет точного ответа.

Вместо ответа на него обратимся к следующей главе работы Вл. Соловьёва из его цикла «Теоретическая философия»: «Достоверность разума». Здесь философ исходит из проблемы заданности истины, к отысканию которой предрасположен разум, предполагающий в себе самом всеобщность нашего мышления. Ближайшая же материя логического мышления закладывается в тех или других фактах непосредственного сознания, однако вытекают ли из этого обстоятельства сами условия логического мышления, как поток из источника? Соловьёв на этот вопрос отвечает отрицательно, но все же находит условия возникновения мышления. Этими условиями четыре: время «как истина всякого психического бытия»; слово, существующее в качестве психического факта; память, связанная со словом и отвечающая за его содержание; логи-

ческое значение слова. Интересно, что истина, согласно Соловьёву, в субъективном акте еще не дана, а только задана [16, с. 797], поэтому в конечном итоге и возникает вопрос об условиях нашего мышления. Во-первых, источником всякого психического бытия он признает *время*, сверхвременное может выступать в воспоминании, но у отдельного субъекта оно проступает во времени. Во-вторых, это *слово*, переносящее нас в логическое мышление, именно слово придает содержанию новое единство. *Слово* вообще есть *символ*, так называемый *знак*, совмещающий в себе наличную единичность со всеобщим значением, тем более что слово есть элемент всякой мысли. Однако откуда же берется слово? По Соловьёву, слово существует как психический факт, получающий свое содержание посредством памяти, и само оно предполагается мышлением. Память играет здесь роль чего-то безвременного, сверхвременного, которое может удержать непрерывно меняющееся наличное состояние сознания в потоке бесконечных переживаний. Без слова само по себе мышление не может иметь логического значения. В кантовской философии мы не увидим *слова* как такового. Мы видим, что одним из условий мышления у русского философа выступает слово как психический факт, и мышление у него скорее выступает как психический процесс, поэтому он всерьез интересуется психологией, к примеру идеями Мен де Бирана («Очерки об основании психологии») [16, с. 794].

Как нам представляется, не оставлена им без внимания и психология Вильгельма Шуппе [34]. В этом смысле нам важен в данный момент не столько сам термин *имманентизм*, означающий непосредственное (безусловное) постижение реальности в акте восприятия, сколько проблема, которую ставит Соловьёв для субъективного восприятия, так как она важна и для современного понимания процесса мышления и восприятия. Включив *слово* и *память* в качестве необходимых условий познания, он предвосхитил современное развитие гносеологии, феноменологии, и поэтому можно, наверное, сказать, что он находился у истоков неклассической парадигмы вместе с Шуппе, Липпсом и Карлом Штумпфом [30]. Соловьёв говорит также и о рефлексии, требующей «философской проверки» [16, с. 792]. Это было новым взглядом в философии. Внутренний опыт помогает нам различать теоретическое – понятие – и субъективное восприятие – рефлексию.

Что же сближает теоретическую философию Вл. Соловьёва с гуссерлианской традицией? И Соловьёв, и Гуссерль решают одну и ту же проблему – проблему субъективного сознания, поэтому они, так или иначе, оба обращаются к Декарту, проблематизируя его видение, но в дальнейшем каждый по-своему приближается к истине: Соловьёв – через логическое мышление и слово, а Гуссерль – путем ряда редукций. К тому же коррелятивная логика Гуссерля, в сущности, означает, что внутренние переживания предмета «схватываются» моим сознанием и преломляются во мне как реальность моего «я». Похоже ли это переживание на имманентное переживание того же Лопатина? Именно «схватывание» становится оригинальным моментом корреляционной логики Гуссерля.

Выше мы говорили о формировании в русской философии феноменологической традиции, к которой можно отнести и Н. О. Лосского. Поэтому имеет смысл кратко остановиться на анализе его имманентизма в интересующем нас аспекте.

Имманентизм Н. О. Лосского в свете учения В. Шуппе. Работа Вл. Соловьёва так и осталась незаконченной. Писал он ее с 1897 по 1899 год [19]. В 1900 году Вл. Соловьёва не стало. Соловьёв никогда не был имманентистом, как, к примеру, Н. О. Лосский, поскольку сам ход его рассуждений был несколько иным, больше напоминал Гуссерлев подход: от заданного к реальности, от чистого сознания (Я) к истине (объективной реальности). У Лосского мы наблюдаем концепцию «идеал-реализма», при которой объект имманентен нашему сознанию, то есть находится внутри субъективного Я. В индивидуальном Я Лосский видит проявление мирового духа, мировой души. Для него всякое восприятие протекает вне времени и пространства, Лосский углубляется в мистику вместо того, чтобы придать интуиции рациональный, как у Гуссерля, статус, об этом говорит и Бердяев [3].

Согласно Шуппе, пишет Лосский в своей работе [10], мышление и бытие неразрывны, поэтому имманентист упускает из виду целый семантический пласт языка и культуры. А ведь проблема видится как раз в том, чтобы представить видение субъекта как нечто отличное от реальности. Шуппе пытается снять проблему с помощью своей имманентной философии; имманентизм – это что-то вроде новой концепции «отражения», но в завуалированном под новомодную теорию виде. Согласно Шуппе, полагать, что есть «представления», значит «удваивать мир», различая представления о вещах и сами эти вещи. Правда, от такого подхода мало что меняется, но, по крайней мере, кантовский агностицизм позволяет выстраивать научную картину

мира. И действительно, наши обыденные представления содержат в себе предметы в том виде, как они есть: чайник, посуда, мебель, стул и т. д., и ничего в них нет, помимо их формы и предназначения, однако как же быть с такими явлениями, как искусство, наука, музыка? Что в них мы непосредственно видим, наблюдаем и слышим: цвета красок или скрытые смыслы, атомы, молекулы, кристаллические решетки или вещи, механизмы и артефакты, звуки рояля или мелодию? И уже не говорим о поэзии или архитектуре. Тем не менее Шуппе задает правильные вопросы, но дает на них неверные ответы: «Глаз, нервы, мозг и т. п. – сами суть уже содержания сознания, содержания восприятия, и поэтому видеть в них причину, объясняющую, каким образом впервые возникают содержания восприятия, нельзя» [10]. Нельзя видеть в них не только причину, но даже считать их с точки зрения современной психологии а также и феноменологии содержанием сознания, ибо все это физиологические процессы. Однако для Шуппе все это пустой звук – для него даже индивидуальное Я вовсе не существует. Я – это лишенное всяких индивидуальных признаков «сознание вообще» (*Bewusstsein überhaupt*). Шуппе пишет: «Чтобы Я было индивидуальным, необходимо присоединение к нему необходимых пространственных и временных содержаний сознания, а именно: чувств, желаний и особенно тела, занимающего определенное пространство и время»; в индивидуальных Я он находит много общего. Лосский утверждает, что Шуппе устранил Кантову проблему вещи в себе, тем не менее явления для него – это не «вещи в себе», а те переживания и чувства, которые существенны для индивида [10], и все же нужно различать сам процесс восприятия от воспринятого. Сам Лосский предполагает, что вещь еще нужно осознать, но этот процесс у него понимается, очевидно, как нечто интуитивное. Положительной же стороной имманентизма является направленность его на понимание единства природы человека и мира в целом (системный подход, можно сказать). Данный подход замечен и у самого Лосского.

Имеет смысл указать на феноменологические идеи и в философии С. Н. Трубецкого, которым посвящен следующий раздел статьи.

Пред-феноменологическая направленность русской философии. На русскую феноменологическую традицию существенное влияние оказали Кант и Гегель. Кантовское понимание явлений Трубецкой, Лопатин, Соловьёв и Лосский интерпретировали как нечто непосредственно данное нашему сознанию, минуя чувственные ощущения: вначале как непосредственный опыт, а затем как понятие. Внутреннему опыту – интроспекции – уделялось большое внимание, поскольку явление дано непосредственно единичному сознанию. Именно так рассуждал и Вильгельм Шуппе, указывая, что психология считает учение о проекции (интроспекции), то есть учение о внутренних состояниях души, пустыми словами, с той разницей, что именно субъектность ощущений делает учение о проекции необходимым [33, S. 15].

Тем не менее мы воспринимаем не ощущения, но сами *вещи*, которые не есть совокупность наших ощущений, считает С. Н. Трубецкой [23, с. 496]. То, что во мне есть некий общий для всех смысл, этот *sensus communis*, доказывает наш язык. Каждое понятие и вещь сама по себе, по мнению Шуппе, является чистым как основоположение для утверждения самостоятельности духовной субстанции [33, S. 14], душа к тому же не имеет пространственного положения [33, S. 16]. Каждое слово доказывает коллективность сознания. «Без слова никогда не мыслит человек, и только в форме слова мысль его объективно обобщается» [23, с. 497]. Но можно ли познать реальность, вещь при помощи понятий, когда из них может быть выведена одна возможность? Если мы выводим реальность а priori из субъективных ощущений, у нас возникает та же проблема, потому что реальность оказывается вне нас, независимой от нас. Понимание С. Н. Трубецким субъективного опыта через возможное сознание всеобщей реальности вполне соответствует онтологическому пониманию М. Хайдеггером философии Канта [26, с. 22]. К тому же Кант признает трансцендентальный принцип в своей трансцендентальной философии как абсолютное идеальное начало, из которого также исходит Трубецкой. А метод, который он применил – гегелевский – субъектно-объектное единство. Так, С. Н. Трубецкой считает, что в корне нашего субъективного восприятия (опыта) лежит возможное сознание всеобщей реальности; без этого сознания мы не могли бы познавать актуально и конкретно как отдельные вещи, так и их общие свойства [23, с. 578]. Философ исходит из кантовского трансцендентального принципа, признавая всеобщее абсолютное идеальное начало. Оно коренится в кантовских априорных категориях познания. Всеобщий разум рассматривается им как «реальное условие логики». Явление и субъект, и объект одновременно. А отсюда своеобразная философия онтологизма С. Трубецкого. Вне абсолютного сознания существующее «другое», иная материя может считаться началом интерсубъективным, поскольку предполагает общение с себе подобными.

У Трубецкого реальность дана как необходимое условие нашего мышления, как предмет веры [24, с. 628]. У Гуссерля вера заменяется интерсубъективностью. В чем же мы отыщем истоки конкретного идеализма Трубецкого? В противопоставлении реальности идеальному началу. Объектно-субъектная дихотомия «конкретного идеализма» Трубецкого ведет к той же проблеме «другого», заключенной в объекте, в общем для всех предметов данного класса или множества. Рассуждение вполне феноменологично, но фактически оно привело к идее *sensus communis*, выражающейся через слово, всеобщую мысль, язык. К примеру, я могу описать через слово-понятие ту реальность, которая дана в восприятии «другого» как ощущаемая им реальность в виде какого-либо события, воспринятого также и мной.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о формировании и развитии феноменологической традиции в России. Становление философских идей, близких по своему содержанию к феноменологии, нашло выражение в теоретической философии Вл. Соловьёва, идеал-реализме Лосского, конкретном идеализме Трубецкого, спиритическом монизме Лопатина, а также в феноменологии Лосева и Франка, которые могут быть рассмотрены в отдельной работе. Исследование внутреннего опыта положило начало феноменологической традиции в России. Метод сомнения Декарта Соловьёв использует для критики сознания и внутреннего опыта. Гуссерлева же феноменология и феноменология его последователя и виднейшего представителя феноменологии в России Густава Шпета идут путем критики психологизма, в этом видится различие между пред-феноменологией Вл. Соловьёва и феноменологией Шпета и Гуссерля. Но главное здесь в том, что Соловьёв находит основания нашего мышления одновременно и в рациональном, и в психическом строе души. Сама по себе интроспекция как состояние нашего внутреннего опыта не ведет к всеобщему знанию и не может быть доказательством достоверности познания. Возможно, что подобные рассуждения и являются предпосылкой синтеза рационального и психического в его философии, но ничего еще не говорят о религиозном знании как третьем элементе синтеза. Религиозное знание в теоретической философии Вл. Соловьёва исходит из нравственного начала, которое связывает научный и религиозный опыт в его учении. Таким образом, мы находим основания философского синтеза в концепции всеединства; именно феноменологическое исследование и редукция истории философского знания, предпринятая Густавом Шпетом, способствовали достижению этого вывода. Более того, своеобразием отечественной феноменологической (предфеноменологической) традиции можно считать ее формирование в философии всеединства. Исследование творчества Соловьёва в контексте феноменологической традиции (пред-феноменологии) может быть использовано в качестве своеобразной методологии для дальнейшего анализа творчества русского философа и феноменологического движения в целом.

Список литературы

1. Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Мораль и субъективный опыт. М. : Институт психологии РАН, 2019. 188 с.
2. Бердяев Н. Ф. А. Ланге и критическая философия // Мир Божий. 1900. № 7. URL: ostkraft.ru.>ru/articles/2087 (дата обращения: 07.10.2025).
3. Бердяев Н. Об онтологической гносеологии // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93. С. 413–440.
4. Воронков В. В. Проблема сознания в философии В. С. Соловьёва, С. Л. Франка и Г. Г. Шпета (сравнительный историко-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 19 с.
5. Воронков В. В. Феноменологическое содержание теоретической философии В. С. Соловьёва // Соловьёвские исследования : период. сб. науч. тр. Вып. 7. Иваново : Ивановский государственный энергетический университет, 2003. С. 22–50.
6. Евлампиев И. И. Феноменологическая философия Шпета // История русской философии. М., 2002. 514 с.
7. Кантор В. Густав Шпет как историк русской философии // Очерк развития русской философии. Ч. I. М. : РОССПЭН, 2008. С. 7–34.
8. Лопатин Л. М. Аксиомы философии. М. : РОССПЭН, 1996. 558 с.
9. Лосский Н. О. Имманентная философия В. Шуппе // Новые идеи в философии. Сб. № 3. Теория познания. 1. СПб., 1913. С. 1–39.
10. Там же.
11. Межуев Б. Кризис западной философии (Владимир Соловьёв). URL: <https://omiliya.org/article/krizis-zapadnoy-filosofii-vladimir-solovev> (дата обращения: 06.10.2025).
12. Полетаева Т. А. Феноменологический проект богопознания в «Теоретической философии» В. С. Соловьёва // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2011. Вып. 2 (34). С. 61–74.

13. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический Проект, 2008. 695 с.
14. Сидорин В. В. Интерпретация гегелевской диалектики в философии В. С. Соловьёва : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013.
15. Соловьёв В. С. Красота в природе // Собрание сочинений: в 2-х томах. Т. 2. М. : Мысль, 1988. 822 с.
16. Соловьёв В. С. Кризис западной философии. Против позитивистов // Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1988. 824 с.
17. Соловьёв Вл. Первое начало теоретической философии // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 5 (40). Ноябрь-декабрь. С. 867–915.
18. Соловьёв В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль. 1988. 894 с.
19. Соловьёв Вл. Теоретическая философия. URL: [predanie.ru>book/76510-teoreticheskaya-filosofiya/](http://predanie.ru/book/76510-teoreticheskaya-filosofiya/) (дата обращения: 01.10.25).
20. Счастлицева Е. А. Анализ феноменологии Густава Шпета. Киров : ВятГУ, 2010. 271 с.
21. Счастлицева Е. А. Очерки развития феноменологической мысли в России. М. : Летний сад, 2012. 475 с.
22. Счастлицева Е. А. Реалистическая феноменология Н. О. Лосского и трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля // Вече. СПб., 2010. № 21. С. 71–82.
23. Трубецкой С. Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С. Н. Сочинения. М. : Мысль, 1994. 816 с.
24. Трубецкой С. Н. Основания идеализма // Трубецкой С. Н. Сочинения. М. : Мысль, 1994. 816 с.
25. Фаритов В. Т. Кризис западной философии: И. В. Киреевский и Т. Альтицер (сравнительный анализ). С. 176–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-zapadnoy-filosofii-i-v-kireevskiy-i-t-altitser-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 06.10.2025).
26. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М. : Гнозис, 2024. 294 с.
27. Шевцов А. В. Имманентная философия Вильгельма Шуппе в контексте неокантианства (к вопросу о ее рецепции в русской философии начала XX века) // Христианские чтения. 2018. № 4. С. 167–180.
28. Шпет Г. Очерк развития русской философии. Ч. I. М. : РОССПЭН, 2008. 592 с.
29. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / пер. с англ. группы авторов под ред. М. Лебедева, О. Никифорова. М. : Логос, 2002. 678 с.
30. Шуппе В., Штумпф К., Липпс Т. и др. Фундаментальная психология у истоков неклассической парадигмы. М. : URSS, 2007. 200 с.
31. Юркевич П. Д. Философские произведения. М. : Правда, 1990. 670 с.
32. Arnold T. Phänomenologie als Platonismus. Zu den Platonischen Wesensmomenten der Philosophie Edmund Husserls. Berlin, 2017. S. 1–123.
33. Schuppe W. Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik. Berlin : R. Gaertners Verlagsbuchhanlung Herman Heyfelder, 1894. 185 S.
34. Schuppe W. Erkenntnisstheoretische Logik. Bonn : Eduard Weber Verlag, 1878. 728 S.

VI. Solovyov in the context of the phenomenological tradition

Schastlvtseva Elena Anatolyevna

Doctor of Philosophy, professor in the Department of Law and Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kirov Branch.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-2832-7748. Email: abcr@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the work "Theoretical Philosophy" by V.I. Solovyov on the subject of its phenomenological orientation. Applying a systematic approach to the description of the subjective activity of consciousness, V.I. Solovyov problematizes the very concept of consciousness. Starting from Descartes, he, like Husserl, but without using phenomenological reduction, decomposes the Ego into its constituent elements, in which his philosophy of synthesis is clearly visible. Moral motivation becomes one of these elements. In Logical Studies, Husserl demarcates the logical and the psychic, but in Solovyov we see a synthesis of these functions, which he develops in different periods of his philosophical activity. In general, in Russian philosophy in the second half of the XIX century, an ontological tendency was very noticeable, which in Husserl's philosophy initially took the formula: "To the things themselves!" and then confidently develops into a subject area. Solovyov also approaches the original reality through the realm of the logical and psychic, for this he takes a critical position in relation to Descartes' "I" – that is, to the position of doubt in doubt itself, the impossibility of obtaining reliable knowledge from the subjective experience of the Self. Nevertheless, the problematization of subjective thinking resembles Husserl's reduction.

At the same time, the article actualizes the possibility of a phenomenological tradition in Russia before the phenomenology of G. G. Shpet. The features that can be used to establish the presence of this trend since the end of the XIX century are revealed. The author also explores the immanentist component, which had a signifi-

cant impact not only on the philosophy of N. O. Lossky, but was noticeable in Vl. Solovyov's systematic approach and, above all, in the formulation of the very problem of the mental – individual, subjective Self.

The purpose of this work is to study Vl. Solovyov's theoretical method in the field of cognition and the phenomenological origins of this method. The relevance of this research lies in the findings that reveal the origins of Vl. Solovyov's "positive" ontology and its connection with the phenomenological tradition both abroad and in Russia. Additionally, the study of the issues of inner experience leads us not only to phenomenology but also to but also to the problem of consciousness criticism through the analysis of inner experience. The article used the following scientific methods: historical-philosophical and system analysis, phenomenological, hermeneutical and comparative methods.

Keywords: Vl. Solovyov, phenomenological tradition, inner experience, subjective consciousness, Descartes, N. O. Lossky, immanent philosophy, V. Shuppe, Husserl, phenomenological method and methodology.

References

1. Arutyunova K. R., Aleksandrov Yu. I. *Moral i subektivnii opit* [Morality and subjective experience]. M., Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2019. 188 p.
2. Berdyaev N. F. A. *Lange i kriticheskaya filosofiya* [Lange and Critical Philosophy] // *Mir Bozhii – God's World*. 1900. No. 7. Available at: ostkraft.ru>ru/articles/2087 (date accessed: 07.10.2025).
3. Berdyaev N. *Ob ontologicheskoi gnoseologii* [On Ontological Epistemology] // *Voprosi filosofii i psikhologii – Voprosy filosofii i psikhologii*. 1908. Book 93. Pp. 413–440.
4. Voronkov V. V. *Problema soznaniya v filosofii V. S. Solovyova, S. L. Franka i G. G. Shpeta (sravnitel'noi istoriko-filosofskii analiz) : avtoref. dis. na soisk. st. kand. filos. nauk* [The Problem of Consciousness in the Philosophy of V. S. Solovyov, S. L. Frank, and G. G. Shpet (A Comparative Historical and Philosophical Analysis)]: abstr. ... dis. PhD in Philosophy]. M., 2003. 19 p.
5. Voronkov V. V. *Fenomenologicheskoe sodержanie teoreticheskoi filosofii V. S. Solovyova* [Phenomenological Content of V. S. Solovyov's Theoretical Philosophy] // *Solovyovskie issledovaniya. Periodicheskiy sbornik nauchnikh trudov. Vip. 7 – Solovyov's Studies: Periodical Collection of Scientific Papers. Is. 7*. Ivanovo, Ivanovo State Power Engineering University, 2003. Pp. 22–50.
6. Evlampiev I. I. *Fenomenologicheskaya filosofiya Shpeta* [Shpet's Phenomenological Philosophy] // *Istoriya russkoj filosofii – History of Russian Philosophy*. M., 2002. 514 p.
7. Kantor V. *Gustav Shpet kak istorik russkoj filosofii* [Gustav Shpet as a Historian of Russian Philosophy] // *Ocherk razvitiya russkoj filosofii. Ch. I – Essay on the Development of Russian Philosophy*. M., ROSSPEN, 2008. 592 p.
8. Lopatin L. M. *Aksiomi filosofii* [Axioms of Philosophy]. M., ROSSPEN, 1996. 558 p.
9. Losskii N. O. *Immanentnaya filosofiya V. Shuppe* [The Immanent Philosophy of W. Schuppe] // *Novie idei v filosofii. Sb. No. 3. Teoriya poznaniya. 1 – New Ideas in Philosophy. Collection No. 3. Theory of Knowledge*. 1. SPb., 1913. Pp. 1–39.
10. Ibid.
11. Mezhuiev B. *Krizis zapadnoi filosofii (Vladimir Solovyov)* [The Crisis of Western Philosophy (Vladimir Solovyov)]. Available at: <https://omiliya.org/article/krizis-zapadnoy-filosofii-vladimir-solovev> (date accessed: 06.10.2025).
12. Poletaeva T. A. *Fenomenologicheskii proekt bogopoznaniya v "Teoreticheskoi filosofii" V. S. Solovyova* [Phenomenological Project of Knowledge of God in V. S. Solovyov's "Theoretical Philosophy"] // *Vestnik PSTGU: Bogoslovie. Filosofiya – Bulletin of PSTGU: Theology. Philosophy*. 2011. Is. 2 (34). Pp. 61–74.
13. Rikyor P. *Konflikt interpretacij. Ocherki o germenевtike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. M., Akademicheskij Proekt, 2008. 695 p.
14. Sidorin V. V. *Interpretatsiya gegelevskoi dialektiki v filosofii V. S. Solovyova : avtoreferat dis. na soisk. st. kand. filos. nauk* [Interpretation of Hegelian Dialectics in the Philosophy of V. S. Solovyov : abstr. ... dis. PhD in Philosophy]. M., 2013.
15. Solovyov V. S. *Krasota v prirode* [Beauty in Nature] // *Sobranie sochinenij : v 2-h t. T. 2 – Collected Works : in 2 vols. Vol. 2. M., Mysl, 1988. 822 p.*
16. Solovyov V. S. *Krizis zapadnoi filosofii. Protiv pozitivistov* [The Crisis of Western Philosophy. Against the Positivists] // *Sobranie sochinenij v 2-kh tomakh. T. 2 – Collected Works: in 2 vols. Vol. 2. M., Misl, 1988. 824 p.*
17. Solovyov Vl. *Pervoe nachalo teoreticheskoi filosofii* [The First Principle of Theoretical Philosophy] // *Vopr. filosofii i psikhologii – Questions of Philosophy and Psychology*. 1897. Book 5 (40). November–December. Pp. 867–915.
18. Solovyov V. S. *Sochineniya v 2-kh tomakh. T. 1* [Works : in 2 vols. Vol. 1]. M., Misl. 1988. 894 p.
19. Solovyov Vl. *Teoreticheskaya filosofiya* [Theoretical Philosophy]. Available at: predanie.ru>book/76510-teoreticheskaya-filosofiya/ (date accessed: 01.10.25).
20. Schastlivceva E. A. *Analiz fenomenologii Gustava Shpeta* [Analysis of the phenomenology of Gustav Shpet]. Kirov, Vyatka State University, 2010. 271 p.
21. Schastlivceva E. A. *Ocherki razvitiya fenomenologicheskoy my'sli v Rossii* [Essays on the Development of Phenomenological Thought in Russia]. M., Letnij sad, 2012. 475 p.
22. Schastlivceva E. A. *Realisticheskaya fenomenologiya N. O. Losskogo i transcendental'naya fenomenologiya E. Gusserlya* [Realistic Phenomenology of N. O. Lossky and Transcendental Phenomenology of E. Husserl] // *Veche*. SPb., 2010. No. 21. Pp. 71–82.

23. Trubetskoi S. N. *O prirode chelovecheskogo soznaniya* [On the Nature of Human Consciousness] // S. N. Trubetskoi. *Sochineniya* – Trubetskoy S. N. Works. M., Misl, 1994. 816 p.
24. Trubetskoi S. N. *Osnovaniya idealizma* [Foundations of Idealism] // S. N. Trubetskoi. *Sochineniya* – Trubetskoy S. N. Works. M., Misl, 1994. 816 p.
25. Faritov V. T. *Krizis zapadnoi filosofii: I. V. Kireevskii i T. Altitser (Sravnitel'nyy analiz)* [The Crisis of Western Philosophy: I. V. Kireevsky and T. Altitzer (a comparative analysis)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-zapadnoy-filosofii-i-v-kireevskiy-i-t-altitser-sravnitel'nyy-analiz>. Pp. 176–188 (date accessed: 06.10.2025).
26. Hajdegger M. *Kant i problema metafiziki* [Kant and the Problem of Metaphysics]. M., Gnozis, 2024. 294 p.
27. Shevtsov A. V. *Immanentnaya filosofiya Vilgelma Shuppe v kontekste neokantianstva (k voprosu o yeyo retseptsii v russkoi filosofii nachala XX veka)* [The Immanent Philosophy of Wilhelm Schuppe in the Context of Neo-Kantianism (towards its Reception in Russian Philosophy of the Early Twentieth Century)] // *Khristianskie chteniya* – Christian Readings. 2018. No. 4. Pp. 167–180.
28. Shpet G. *Ocherk razvitiya russkoj filosofii. Ch. I.* [An Essay on the Development of Russian Philosophy. Part I] M., ROSSPEN, 2008. 592 p.
29. Shpigelberg G. *Fenomenologicheskoe dvizhenie. Istoricheskoe vvedenie* [The Phenomenological Movement. Historical Introduction] / transl. from English by a group of authors ed. by M. Lebedev and O. Nikiforov. M., Logos, 2002. 678 p.
30. Shuppe V., Shtumpf K., Lipps T., et al. *Fundamentalnaya psikhologiya u istokov neklassicheskoi paradigmi* [Fundamental Psychology at the Origins of the Non-Classical Paradigm]. M., URSS, 2007. 200 p.
31. Yurkevich P. D. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical Works]. M., Pravda (Truth), 1990. 670 p.
32. Arnold T. *Phänomenologie als Platonismus. Zu den Platonischen Wesensmomenten der Philosophie Edmund Husserls*. Berlin, 2017. S. 1–123.
33. Schuppe W. *Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik*. Berlin : R. Gaertners Verlagsbuchhanlung Herman Heyfelder, 1894. 185 S.
34. Schuppe W. *Erkenntnistheoretische Logik*. Bonn : Eduard Weber Verlag, 1878. 728 S.

Поступила в редакцию: 28.10.2025

Принята к публикации: 16.03.2026

Оценка сформированности патриотических ценностей в аксиологической картине мира студенческой молодежи*

Щербина Елена Васильевна¹, Костин Алексей Александрович²,
Ефимова Наталья Михайловна³

¹кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований цивилизационного развития России, Государственный академический университет гуманитарных наук. Россия, г. Москва; и. о. заведующего кафедрой русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-2098-5532. E-mail: voronova@vyatsu.ru

²кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований цивилизационного развития России, Государственный академический университет гуманитарных наук. Россия, г. Москва; директор Института гуманитарных и социальных наук, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров. E-mail: aa_kostin@vyatsu.ru

³кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований цивилизационного развития России, Государственный академический университет гуманитарных наук. Россия, г. Москва; декан факультета истории, политических наук и культурологии, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров. ORCID: 000-003-4341-4476. E-mail: usr11465@vyatsu.ru

Аннотация. Рассмотрена результативность и эффективность внедрения в систему высшего образования курсов/модулей, ориентированных на формирование патриотических убеждений личности, сопрягающей личный успех с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины. *Цель исследования* – оценка уровня сформированности патриотических ценностей у студентов высших учебных заведений. *Методы и результаты исследования.* Инструментом по сбору данных для измерения уровня патриотизма стал авторский опросник, включающий 25 вопросов с оценкой по шкале Лайкерта от 1 (совсем не согласен) до 5 (полностью согласен); четыре ранжирования по степени значимости (от 1 – наименее важные – до 10 – самые важные) ценностей и условий, формирующих и/или демонстрирующих патриотические установки; шесть открытых вопросов. В исследовании принял участие 1901 студент Вятского государственного университета в возрасте от 16 до 25 лет (I–III курсы), изучающий дисциплину «Основы российской государственности», а также в отдельных группах – курсы «История России», «Обучение служением», «История религий России». Опрос показал, что большинство студентов (76,05 %) демонстрируют высокий уровень сформированности патриотических ценностей. У студентов выражен эмоционально-чувственный компонент патриотизма (84,64 %) и когнитивный (83,12 %). На достаточно высоком уровне – мотивационный (75,82 %). В то же время поведенческий компонент развит недостаточно: только 60,62 % опрошенных отмечают вовлеченность в гражданско-патриотическую деятельность. Оценивая воспитательный потенциал образовательных дисциплин гуманитарного цикла, направленных на формирование патриотических ценностей, студенты отмечают высокую эффективность курса «История России» для формирования патриотизма (73,6 %) и среднюю эффективность курса «Основы российской государственности» (62,5 %). Студенты подчеркивают важность формирования патриотических ценностей в образовательном пространстве высшей школы, но отмечают необходимость совершенствования методов и инструментов этой деятельности: нужны деятельностные, творческие, игровые методики, работа с историческими источниками, встречи с выдающимися личностями, посещение музеев, памятников и пр. И главное – в государстве должны быть созданы условия для самореализации молодежи, чтобы учебные дисциплины не были изолированы от жизни, а дополняли ее, правильно направляя в выстраивании жизненного пути гражданина России. *Область применения результатов.* Полученные данные могут быть использованы для оптимизации образовательно-воспитательной системы формирования патриотичной и социально ответственной личности в российской высшей школе.

---

*Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2025-0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»).

© Щербина Елена Васильевна, Костин Алексей Александрович, Ефимова Наталья Михайловна, 2025

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, историческая память, основы российской государственности.

Введение. Воспитание патриотичной и социально ответственной личности – одна из стратегических национальных целей развития Российской Федерации, что подтверждается рядом федеральных постановлений и программ [24; 29].

В условиях формирования нового мирового порядка патриотичная личность, признающая и отстаивающая право государства и общества самостоятельно определять свой цивилизационный путь развития (цивилизационный аспект), гордящаяся культурными и научно-технологическими достижениями соотечественников (культурный аспект), природным многообразием территории (природный аспект), знающая историю своей страны (исторический аспект) и русский язык (языковой аспект), нормы социального взаимодействия (социальный аспект), уважающая единый многонациональный народ России (национально-этнический компонент), властные полномочия и законы государства (государственный аспект), готовая защитить свою Родину (военно-оборонительный аспект), видящая возможности для обеспечения достойного уровня жизни (экономический аспект), – это гарантия суверенного развития России и ее устойчивого социально-экономического процветания [27].

Научные исследования педагогов и психологов подчеркивают ведущую роль системы образования в формировании патриотических ценностей. Это отражено в трудах В. С. Бреусовой и А. Н. Макарова [1], З. И. Валиевой [2], Т. Р. Лыковой [15], М. С. Новашиной [18], И. В. Павлова и М. Ю. Ивановой [21], Т. В. Толмачевой [28], Н. В. Щиголовой [32]. С учетом воспитательной роли учебных дисциплин, по поручению президента РФ В. В. Путина с 1 сентября 2023 года во всех российских университетах была введена дисциплина «Основы российской государственности» (далее – ОРГ), наряду с ранее введенными или обновленными курсами «История России», «История религий России», «Обучение служением». Цель ОРГ – «формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, сопрягающей личное достоинство и успех с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины и осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации» [20].

Одна из ключевых, не имеющих в настоящее время единого решения задач – это оценка результативности и эффективности внедрения курсов и модулей, ориентированных на формирование патриотических ценностей. В научном сообществе для решения обозначенной задачи активно используется методика формализованного интервью [6; 9] и методика социологического тестирования [33], адаптированная С. В. Васильевой и А. В. Микляевой [4], опросник «Патриограмма» А. В. Потемкина [23], «Тест определения ценностного отношения к Родине» А. А. Пашина [5] и др. Применяется психологический анализ вербальных высказываний [31], анкетирование [3], психосемантические опросники на основе шкал Осгуда [17], изучение национального языкового сознания средствами когнитивной, компьютерной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии [13] и т. д.

Результаты мониторинга сформированности патриотических ценностей демонстрируют широкие диагностические возможности опросных методов, в связи с чем в настоящем исследовании предпринята попытка разработки опросной методики и изучения на основе данной методики уровня сформированности патриотических ценностей у студентов российских вузов.

Методы. В ходе исследования применялись следующие методы: социологический опрос и контент-анализ.

Инструментом сбора данных для измерения уровня сформированности патриотизма стал авторский *опросник*, состоящий из 35 вопросов. Технология сбора данных – анкетирование посредством электронного опроса.

Методика опроса включала три типа вопросов:

1) 25 вопросов с оценкой по шкале Лайкерта от 1 (совсем не согласен) до 5 (полностью согласен); вопросы направлены на выявление сформированных у студенческой молодежи компонентов патриотизма: эмоционального, когнитивного, мотивационного и поведенческого;

2) четыре *ранжирования* по степени значимости (от 1 – наименее важные – до 10 – самые важные): ранжирование ценностей; выявление места патриотических ценностей в аксиологической картине мира студентов; ранжирование условий, формирующих и/или демонстрирующих патриотические ценности; ранжирование оценки эффективности дисциплин социально-гуманитарного цикла по укреплению патриотизма у студентов;

3) шесть *открытых вопросов*, направленных на выявление системы патриотических ценностей, объектов патриотических чувств студентов, форм проявления патриотизма, воспитательного потенциала дисциплин «Основы российской государственности» и «История России» в формировании патриотичной и социально ответственной личности (табл. 1).

Таблица 1

Структура опроса по измерению уровня сформированности патриотизма у студентов

№ п/п	Компонент	Количество вопросов	Тип ответа
1	Тестовая анкета с утверждениями по шкале Лайкерта	25	Оценка утверждений по шкале Лайкерта (от 1 до 5)
2	Ранжирование ответов	4	Ранжирование (от 1 до 10)
3	Открытые вопросы	6	Свободное письмо

Контент-анализ применялся для выделения ключевых тематик и категорий в ответах, группировки ответов по смысловому содержанию (например, понимание студентами патриотизма как «любви к Родине», «готовности защищать», «сохранение традиций» и т. п.).

Для проверки внутренней согласованности типов вопросов опросника было проведено пилотное тестирование на небольшой группе респондентов (30–50 человек).

Валидность методики обеспечивается теоретической проработкой компонентов патриотизма и использованием разноаспектных психолого-педагогических тестов, шкал, вопросов, которые позволяют количественно и качественно оценить разные компоненты сформированности у студентов патриотических ценностей.

Выборка. Анкетирование проходило в октябре 2025 года.

В исследовании принял участие 1901 студент Вятского государственного университета в возрасте от 16 до 25 лет (I–III курсы), обучающийся по различным направлениям: социально-гуманитарному (43,5 %, из них юридической направленности – 19,5 %, гуманитарной – 16 %, экономической – 8 %), инженерно-техническому (21 %), естественно-научному (18,5 %) и педагогическому (17 %).

Среди опрошенных дисциплину «Основы российской государственности» изучили 61,5 % студентов, изучали в период прохождения опроса 36 %, не изучали 2,5 %. Учебный курс «История России» к моменту анкетирования прошли 57 %, изучали 35 % и не изучали 8 %. Дисциплину «История религий» изучили только 11 %, изучали во время опроса 9,5 %, не изучали 79,5 %. Модуль «Обучение служением» был пройден 8 % респондентов, изучался в ходе анкетирования 9 % участников опроса, не изучался 83 % респондентов. Таким образом, 97,5 % студентов в рамках ОРГ и 92 % в рамках «Истории России» проходили обучение по специальным дисциплинам, направленным на развитие гражданско-патриотического мировоззрения.

Результаты. Результаты анализа ответов респондентов свидетельствуют о том, что патриотические ценности занимают значимое место в аксиологической картине мира студенческой молодежи: 78 % студентов отметили, что патриотизм для них важен (диапазон ответов – от 7 до 10 баллов по 10-балльной шкале). Только 8,8 % респондентов ответили, что патриотизм для них не значим (оценка ценности – от 1 до 4 баллов из 10 возможных). Более значимыми для студентов оказались ценности образования и развития (их отметили 92,5 % отвечающих), свободы личности (91,7 %), справедливости (90,4 %), материальной обеспеченности (84,7 %).

1.1. Патриотические ценности: структурные элементы патриотизма. Согласно опросу, патриотизм для студентов – это система ценностей, включающая любовь, уважение, гордость и пр. (табл. 2) в первую очередь по отношению к *Родине, Отечеству* – месту рождения и личностного становления, стране, к судьбе которой они чувствуют духовную сопричастность, с которой ощущают сильную эмоциональную связь. Кроме того, к *народу* (многонациональному единству России) и *социокультурному богатству* страны (русскому языку, российской истории и культуре, традиционным ценностям, открытиям в науке и технике). Часть студентов отметила, что патриотизм для них – это патриотические чувства к России как *государству* («читать закон», «уважать власть», «быть гражданином»), к российской *природе* («не мусорить», «быть частью экологического волонтерского движения»), своей *семье* («придерживаться союза мужчины и женщины», «уважать родителей») и *религии*.

Таблица 2

Система патриотических ценностей студентов

№ п/п	Патриотические ценности	Вес (%)
1	Любовь, уважение, гордость, преданность, защита, верность, ответственность, поддержка, служение, вера, признание, участие, помощь, надежда (кем/чем, (к) кому/чему, (за, в, на) кого/чего/что, кем/чем, (в) ком/чем?)	Родина, Отечество
2		69,4
3		Нация, народ, этнос
4		7,4
5		Язык, культура, традиции, научно-технические открытия
6		6,7
7		История
8		3,3
	Государство	1,6
	Природа	0,8
	Семья	0,6
	Вера, религия	0,1

Можно сделать вывод, что в понятии «патриотизм» молодежь актуализирует цивилизационные, национально-этнические, социально-культурные, государственные, природные, семейно-бытовые и религиозные аспекты. Патриотизм для студентов – это право на собственный цивилизационный путь развития в единстве с многонациональным народом России и в рамках традиционных духовно-нравственных ценностей.

1.2. Компоненты патриотизма. Результаты опроса показали, что большинство студентов (76,05 %) демонстрируют высокий уровень сформированности патриотических ценностей. У молодежи выражены эмоциональный и когнитивный компоненты патриотизма. В меньшей степени – мотивационный. Поведенческий компонент развит недостаточно (табл. 3).

Таблица 3

Сформированность компонентов патриотизма

№ п/п	Компонент	Вес (% от общего числа опрошенных)
1	Эмоциональный	84,64
2	Когнитивный	83,12
3	Мотивационный	75,82
4	Поведенческий	60,62

Эмоциональный компонент отражает патриотические чувства и отношение студентов («отношение к...», «чувства к...»). Согласно результатам опроса, ключевым чувством, переживаемым ими, является чувство *гордости* за страну, подкрепленное чувством собственного достоинства, когда молодежь ощущает себя частью успешного и уважаемого государства. Так, 90,8 % респондентов отметили, что им важно, чтобы Россия была уважаема в мире, а 87,9 % – что они гордятся своей страной и ее достижениями. Лишь 2,3–2,5 % студентов данное чувство не свойственно: они отметили, что не гордятся российскими достижениями – ни технологическими, ни культурно-историческими. 6,9–9,6 % опрошенных выбрали «нейтральную» позицию – не указав ни свойственное им чувство гордости, ни его отсутствие.

На высоком уровне сформированы и чувства *привязанности* (84,6 %), *любви и уважения* (82,2 %) к Родине. В меньшей степени – чувство *радости*: так, 7,2 % респондентов признались, что в дни национальных праздников не испытывают радости от празднуемого события, в то же время для 77,7 % студентов радость торжества ощущается, особенно при праздновании Дня Победы и участия в шествии Бессмертного полка.

Когнитивный компонент патриотизма отражает уровень сформированности патриотического сознания («знание о...», «понимание...», «осознание...»). 94,6 % студентов знакомы с *символами* России (гербом, флагом, гимном) и понимают их значение (лишь 1,7 % опрошенных не ориентируются в государственной символике); 89,5 % – знают *русский язык* и *русскую литературу*, и это знание важно для них; 85,9 % – разбираются в *культурном наследии и традициях*; 68,1 % – знают *историю* своей страны, в то же время 7,2 % отмечают, что знания о российском историческом прошлом у них отсутствуют.

Мотивационный компонент патриотизма – это отражение потребности, намерения в патриотической деятельности («я готов...», «я хочу...», «я должен...», «я считаю необходимым...»). У респондентов наиболее выражено стремление *соблюдать законы и традиции* своей страны (это отметили 90,5 %) и *желание заботиться о развитии* своей Родины (85,6 %).

При этом идея *служения* обществу и государству (59,7 %), готовность *защитить* интересы России (67,5 %) оказались самыми непопулярными: 17,3 % студентов не готовы к служению Отечеству, и 12,8 % не готовы в настоящий момент встать на защиту страны.

60,62 % студентов продемонстрировали сформированность *поведенческого компонента* патриотизма. Он отражает патриотическую деятельность и поведение молодежи («я участвую...», «я делаю...», «я поступаю...»). Студенты отметили, что в первую очередь стараются *заботиться о культурном и природном богатстве страны* (78,4 %) – о родном языке, культуре, экологии. 63,1 % студентов *голосуют* на выборах, *принимают участие в жизни общества* (при этом 19 % не ходят на выборы и не имеют активной социальной позиции, которая бы выражалась в конкретных гражданских поступках). 55,9 % респондентов *участвуют в государственных праздниках* (при этом 21,2 % не участвуют в них совсем). 44,4 % студенческой молодежи *принимают участие в волонтерских или общественных мероприятиях*, направленных на благо страны и общества (в то же время 33,7 % респондентов не вовлечены в добровольческую деятельность и не участвуют в жизни социума совсем).

1.3. Объекты патриотических чувств. Одним из аспектов исследования было выявление объектов патриотических чувств студентов – от гордости, любви и уважения до деятельного желания преобразовывать окружающий мир во благо Родины.

Ключевыми объектами стали *победа советского народа в Великой Отечественной войне* и *спортивные успехи россиян на Олимпийских играх* (см. табл. 4). Особенно выделяется Парад Победы и шествие Бессмертного полка. Среди событий специальной военной операции – взятие Бахмута ЧВК «Вагнер» Евгения Пригожина. Студенты отмечают восторг и восхищение от масштабных военных и спортивных успехов соотечественников – сильный торжественно-эмоциональный отклик, за которым следует чувство благодарности своему великому народу, чувство собственного достоинства из-за ощущения сопричастности к победителям и чувство уверенности в собственном будущем на родной земле.

Важным для респондентов стали и *достижения в российской культуре, науке, инженерии*. Студенты отмечают Ю. Гагарина, Д. Менделеева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Курчатова, ежедневные трудовые подвиги медиков в период пандемии COVID-19, успехи Росатома. Национальный мессенджер МАХ, несмотря на информационную атаку в медиа, у студентов вызывает положительные эмоции: все, кто назвал его, отмечают стильный дизайн и – главное – техническую возможность программы подключать Интернет в самых недоступных местах.

Среди объектов, пробуждающих патриотические чувства, студенты называют *геополитические изменения* (принятие в Российскую Федерацию новых субъектов), *уникальность природного ландшафта страны* и президента РФ *Владимира Владимировича Путина*. Молодежь называет президента «великим правителем», отмечает его Мюнхенскую речь 2007 года, увлечение спортом, умение принимать критику и отвечать на нее, силу духа говорить на мировой арене о морали и этике, основанной на традиционных ценностях, желание оказывать гуманитарную помощь странам мира. И главное – уважение, испытываемое по отношению к нему большинством мировых лидеров.

Таблица 4

Объекты патриотических чувств		
№ п/п	Объекты патриотических чувств	Вес (%)
1	Военные достижения России	30,7
	<i>в том числе:</i>	
1.1	Победа в Великой Отечественной войне (а также Парад Победы, Бессмертный полк)	28,2
1.2	Специальная военная операция	2,2
1.2	Освобождение страны народным ополчением под предводительством Минина и Пожарского; оборона Севастополя 1853–1856 годов	0,3
2	Спортивные успехи россиян	13,1
	<i>в том числе:</i>	
2.1	Победы спортсменов России в Олимпийских играх (в том числе на Олимпиаде в Сочи в 2014 году)	6,8
2.2	Достижения в российском спорте	3,5
2.3	Успехи в чемпионате мира по футболу в 2018 году	2,6
2.4	Триумф российской гимнастики	0,2

Окончание табл. 4

№ п/п	Объекты патриотических чувств	Вес (%)
3	Достижения в российской культуре, науке, инженерии	4,5
	<i>в том числе:</i>	
3.1	Покорение космоса	1,7
3.2	Культура, традиции, религия	1,1
3.3	Научные открытия	0,8
3.4	Инженерные решения (Крымский мост, национальный мессенджер МАХ)	0,4
3.5	Медицинские подвиги	0,3
3.6	Атомная промышленность (Росатом)	0,2
4	Возвращение Крыма и принятие в состав России новых субъектов: ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей	0,5
5	Природа России	0,4
6	Президент Российской Федерации В. В. Путин	0,3

Среди отвечающих студентов лишь 1,4 % ответили, что на настоящий момент нет того, что вызывало бы у них патриотические чувства.

1.4. Формы проявления патриотизма. В рамках исследования студентам было предложено назвать наиболее значимые для них формы проявления патриотизма. Контент-анализ показал, что патриотизм для молодежи наиболее значим как проявление *защиты* цивилизационного пути развития страны, историко-культурного суверенитета и системы ценностей народов России (табл. 5). Для респондентов важно обеспечение безопасности, соблюдение прав и свобод человека. Также значимы: аспект обороны страны от внешних посягательств и угроз (со стороны стран Западной Европы и США) и внутренних разрушительных враждебных деяний (коррупции, безответственности, глупости, лени в работе), аспект защиты национальных ценностей от деструктивного воздействия. К данной форме проявления патриотизма близки участие в СВО или служба в армии, служение, подвиг, смелость, мужество, отвага, жертвенность («погибнуть за други своя», «умереть за Родину»), а также активная гражданская позиция, борьба с коррупцией и работа в правоохранительных органах.

Другая значимая для студентов формой проявления патриотизма – *поддержка* страны и *помощь* ей, содействие в отстаивании государством и обществом права самостоятельно определять систему ценностей, составляющих основу российской идентичности, а также вклад в развитие российского государства. С такой формой проявления патриотических ценностей связаны отмеченные студентами уважение, любовь, забота, верность, бережное отношение к природе, добровольческая деятельность.

Еще одной частотной формой патриотизма, согласно ответам респондентов, стали *открытия в культуре, науке, медицине на благо российского общества*. Ученые, инженеры, писатели, живописцы, музыканты, посвятившие свою жизнь исследовательскому или художественному творчеству, – это, по мнению студентов, тоже настоящие патриоты. К этой форме патриотизма близки труд и образование: труд, к которому относится и учеба, служит источником социально-экономического процветания страны, является отражением и источником формирования развитых патриотических чувств.

Таблица 5

Формы проявления патриотизма, названные студентами

№ п/п	Формы проявления патриотизма, названные студентами	Вес (%)
1	Защита страны	17,8
2	Поддержка/помощь	12,4
3	Открытия и достижения в культуре, науке, медицине	8,5
4	Участие в СВО и Великой Отечественной войне/служба в армии	7,7
5	Уважение (к старшим, к народам, к исторической памяти, государственным символам, семье и пр.)	7,4
6	Быть с народом своей страны, разделять его путь	6
7	Изучение истории и уважительное отношение к ней	5,8
8	Любовь к России	5,6
9	Забота/служение/бережное отношение к природе	4,4–4,2

Окончание табл. 5

№ п/п	Формы проявления патриотизма, названные студентами	Вес (%)
10	Социально активная гражданская позиция (участие в выборах и пр.)/почитание традиций/труд/героизм	4,1–2,7
11	Волонтерство/гордость/подвиг	2–1,3
12	Образование/благоустройство родного края/смелость/мужество/доброта к ближнему/почитание героев и защитников/отвага/верность/дорожить семьей/ жертвенность/политический активизм/здоровый образ жизни/борьба с коррупцией/работа в правоохранительных органах	0,7–0,05

1.5. Роль предметов социально-гуманитарного цикла в формировании патриотических ценностей. Оценивая эффективность дисциплин для укрепления патриотических ценностей, студенты из изученных предметов выделяют «Историю России»: 73,6 % участвовавших в опросе отметили высокую эффективность дисциплины (диапазон ответов: от 7 до 10 баллов по 10-балльной системе). Среднюю эффективность отметили 15,1 % респондентов (поставив 5–6 баллов из 10); 11,4% участников опроса считают дисциплину малоэффективной (респонденты оценили результативность предмета от 1 до 4 баллов из 10 возможных).

При оценке полезности для студентов дисциплины «Основы российской государственности» 62,5 % респондентов отметили ее высокую эффективность, 18,8 % – среднюю, 18,7 % – низкую.

Среди факторов, создающих трудности в патриотическом воспитании молодежи, студенты называют отсутствие знаний об истории и культуре своей страны (табл. 6): студенты признаются, что, по их наблюдениям, большинство представителей молодежи не может назвать ни великих научно-технических открытий России, ни выдающихся писателей, художников, правителей, космонавтов, ни ключевых сражений за суверенитет и интересы страны. Незнание формирует непонимание и неприятие. Становится нечему сопереживать, нет эмоциональной ценностной привязки в стране, жизнь в ней обесценивается, молодежь ищет возможность устроить свое будущее в других государствах.

Второй по частоте причиной, препятствующей патриотическому воспитанию, стала незаинтересованность молодежи в гражданско-патриотической проблематике. Источник незаинтересованности студенты называют разным: обязательность участия в патриотических мероприятиях однообразного, скучного формата (от поднятия флага, пения гимна до праздничных торжеств, связанных с российской государственностью), пресная подача материала преподавателем, разочарование в чиновниках, через взаимодействие с которыми молодежь могла бы влиять на развитие общества, отсутствие среди взрослых настоящих патриотов, с которых можно было бы взять пример, сконцентрированность студентов на других идеалах.

Третьим фактором студенты назвали крайне агрессивное навязывание патриотизма и отсутствие эффективных инструментов социальной инженерии по типу Голливуда в США. По словам студентов, патриотизм – это добровольная позиция граждан на основе индивидуальной свободы, любое принуждение «быть патриотом» может вызывать противоположный эффект – обесценивание ценности.

Кроме того, по мнению респондентов, мешает воспитанию патриотических ценностей лояльное отношение к западным ценностям, отсутствие перспектив в выстраивании обеспеченной и комфортной жизни в нашей стране, цифровой мир с его информационным хаосом (обилие фейков, деструктивная медиаповестка со стороны недружественных стран) и отсутствие у молодежи развитого критического мышления для адекватного восприятия цифровой реальности.

Таблица 6

Факторы, препятствующие патриотическому воспитанию

№ п/п	Факторы, препятствующие патриотическому воспитанию	Вес (%)
1	Незнание молодежью истории и культуры своей страны	9,6
2	Отсутствие у студентов интереса к вопросам гражданско-патриотической тематики	8,7
3	Агрессивное навязывание патриотических ценностей	8,4
4	Популярность западных ценностей и идей глобального мира среди студентов	5,6
5	Информационный хаос и неразвитость критического мышления при потреблении информации	4,9

Окончание табл. 6

№ п/п	Факторы, препятствующие патриотическому воспитанию	Вес (%)
6	Цифровая зависимость молодежи	3,5
7	Социально-экономическая ситуация в стране, отсутствие привлекательного образа будущего России	2,9
8	Кризис образовательных методов и инструментов, используемых в воспитательных целях	1,6
9	Медиаповестка недружественных России стран	0,8

Наиболее значимым и эффективным для формирования патриотизма при изучении дисциплин «Основы российской государственности» и «История России», по мнению студентов, является знакомство с историей и культурой России (табл. 7). Студенты признаются, что изучение российской истории, в том числе ее трагических страниц, осмысление цивилизационного пути России и ее культурной самобытности, знакомство с достижениями российских ученых и инженеров, писателей, художников и музыкантов, популяризация героических поступков защитников Отечества формируют гордость за страну, уважение к ней. Они начинают ощущать сопричастность к великой, дающей возможности для самореализации стране. На этой основе формируется позитивный образ собственного будущего, связанного с Родиной. В таких обстоятельствах, как отмечают респонденты, они готовы преодолевать трудности, даже идти на жертвы ради своего Отечества.

Немаловажным для студентов при прохождении рассматриваемых дисциплин является подача материала преподавателем. Студенты видят пользу от деятельностных, диалоговых, дискуссионных методик, от просмотра фильмов и иных визуальных материалов, от честной подачи материала, от посещений мест памяти и встреч с выдающимися соотечественниками – теми, кто своей жизнью доказывает любовь к Родине.

4,5 % студентов отметили, что в рамках изучаемых дисциплин ничего не способствует формированию патриотических установок.

Таблица 7

Эффективные для формирования патриотических ценностей аспекты дисциплин «ОРГ» и «История России»

№ п/п	Эффективные для формирования патриотических ценностей аспекты дисциплин «ОРГ» и «История России»	Вес (%)
1	Изучение истории страны	36,9
2	Знакомство с культурой, ценностями, традициями россиян	12,1
3	Рассказы о личностях	7,2
4	Осмысление национальной идентичности россиян	6,2
5	Примеры из жизни, просмотр фильмов, фотографий и иных визуальных материалов, беседы и диалог, работа с историческими источниками, видеоигры	6
6	Деятельность, выходящая за рамки изучаемых дисциплин	2,7
7	Знакомство с победами России	2,6
8	Манера подачи материала преподавателем	1,9
9	Правда, честность, открытость в подаче изучаемого материала	1,3
10	Экскурсии, походы в музеи	0,6
11	Создание условий для самореализации молодежи в стране	0,3
12	Встречи с выдающимися личностями	0,3
13	Изучение символов России (герб, флаг и пр.), пение гимна	0,2

Обсуждение. Полученные результаты свидетельствуют о достаточно высоком уровне сформированности патриотических ценностей у студентов: несмотря на то что наиболее важными респонденты считают ценности образования и развития, свободы личности, справедливости и материальной обеспеченности, патриотизм как значимую систему ценностей отмечают 3/4 обучающихся.

При этом большое значение для молодежи имеют защита и поддержка Родины/Отечества, многонационального народа, культуры, языка, истории страны, а также деятельность на благо России в сфере науки, медицины, образования, участие в специальной военной операции.

Наиболее сформированными у студентов следует считать эмоционально-чувственный и когнитивный компоненты патриотизма. Особенно сильные патриотические чувства вызывают у респондентов Великая Победа 1945 года (Парады Победы, шествие Бессмертного полка) и спортивные успехи российских сборных на Олимпийских играх и чемпионате мира по футболу (среди них самые яркие эмоции связаны с победой на Олимпийских играх в Сочи в 2014 году и игрой российской футбольной команды на чемпионате мира в 2018 году). Лучшие познания студенты связывают с пониманием российской государственной символики (флага, герба, гимна), недостаточные – со знанием и пониманием исторического пути развития России.

На достаточно высоком уровне у опрошенных сформирован и мотивационный компонент патриотизма. Студенты готовы к патриотической деятельности, в первую очередь связанной с соблюдением национальных законов и традиций. В то же время поведенческий компонент развит недостаточно: чуть больше половины респондентов вовлечены в патриотическую деятельность, в первую очередь связанную с заботой о культурном и природном наследии страны, при этом четверть опрошенных студентов не участвует в гражданско-патриотической жизни совсем.

Воспитательный потенциал образовательных дисциплин гуманитарного характера студенты оценивают достаточно высоко: почти 3/4 отмечают эффективность курса «История России» для формирования патриотических ценностей, особенно в связи с тем, что в рамках предмета они знакомятся с историческими фактами, личностями, достоянием страны. Более половины респондентов подчеркивают полезность курса по основам российской государственности.

Студенты подчеркивают важность формирования патриотических ценностей в образовательном пространстве высшей школы, но отмечают необходимость совершенствования методов и инструментов этой деятельности: нужны деятельностные, творческие, игровые методики, работа с историческими источниками, встречи с выдающимися личностями, посещение музеев, памятников и др.; главное – в государстве должны быть созданы условия для самореализации молодежи, чтобы учебные дисциплины были не изолированы от жизни, а дополняли ее, правильно направляя в выстраивании жизненного пути в России.

Высокая согласованность ответов подтверждает надежность, валидность, адекватность используемой методики. Положительные корреляции между компонентами патриотизма указывают на их взаимосвязь и взаимодополняемость.

Результаты эмпирического исследования показали целесообразность расширения выборки респондентов в будущем. Необходимо провести повторное анкетирование первокурсников по окончании изучения дисциплин «Основы российской государственности», «История России», «Обучение служением», «История религий России», а также на последнем курсе обучения для оценки эффектов от внедрения курсов и модулей, ориентированных на гражданское воспитание и формирование патриотических убеждений.

Опросник может быть дополнен вопросами по оценке эмоционального компонента (например, «Моя страна создает условия для моей самореализации»), когнитивного (например, «Назовите научно-технологические изобретения России за последние 25 лет»), поведенческого («Я покупаю одежду и технику российских производителей») с целью более объективной оценки ответов студентов.

Заключение. Разработанная и апробированная в ходе исследования методика мониторинга может применяться для выявления сформированности ценностных ориентаций у различных категорий молодежи Российской Федерации.

Практическое применение результатов исследования заключается в возможности совершенствования содержательных и методических аспектов дисциплин, направленных на формирование патриотических ценностей у обучающихся высшей школы.

Список литературы

1. Бреусова В. С., Макарова А. Н. Проблема патриотического воспитания детей и подростков в современном мире // Автономия личности. 2021. № 2. С. 17–22.
2. Валиева З. И. Отражение идей патриотического воспитания подрастающего поколения в российской педагогической мысли // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2015. № 5 (100). С. 44–48.
3. Васильева О. В., Маклашова Е. Г., Томаска О. Г. О методике оценки результатов патриотического воспитания // Вестник российской нации. 2024. № 2 (95). С. 64–78.
4. Васильева С. В., Микляева А. В. Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): психометрические характеристики // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5, № 3. С. 458–471.

5. Воскресасенко О. А., Константинов В. В., Пашин А. А. Диагностика патриотизма студенческой молодежи в системе профессионального воспитания в высшей школе // *Современные проблемы науки и образования*. 2022. № 5. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2022/5/32096.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
6. Всемирное исследование ценностей // World Values Survey : сайт. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.11.2025).
7. Дембицкий С. С. Комплексные измерительные инструменты в социологии // *Социологический журнал*. 2017. № 3. С. 102–124.
8. Дугин А. Г. Оборонный патриотизм // *Русский институт*. 2009. № 25(11). С. 4.
9. Евразийский монитор : сайт. URL: <https://eurasiamonitor.org/> (дата обращения: 10.11.2025).
10. Европейское исследование ценностей : сайт. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 10.11.2025).
11. Европейское социальное исследование : сайт. URL: <http://www.ess-ru.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).
12. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи // *Вестник Института социологии*. 2020. Т. 11, № 2. С. 106–125.
13. Колесникова О. И. Национальная картина мира, ее ценностные аспекты и культурные коды в объективе современной лингвистики: методы научного исследования. Киров : ВятГУ, 2023. 204 с.
14. Криворученко В. К. Патриотизм // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 3. С. 249–251.
15. Лыкова Т. Р. Анализ понятия «патриотизм»: педагогический аспект // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 11 (ч. 4). С. 778–782.
16. Мерзлякова Г. В., Даньшина С. А., Баталова Л. В. Формирование патриотизма и сохранение исторической памяти в современном российском обществе: историко-правовой ракурс // *Вестник удмуртского университета*. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 379–384.
17. Николаев А. Н. Динамика патриотизма у студентов // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Серия Е. Педагогические науки. 2024. № 2(42). С. 22–26.
18. Новашина М. С. Воспитание патриотизма у студентов-музыкантов вузов культуры на традициях песенного фольклора : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020. 25 с.
19. О современном российском патриотизме // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 29 марта 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremenom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения 10.11.2025).
20. Основы российской государственности : проект концепции УМК. URL: https://fgosvo.ru/uploads/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
21. Павлов И. В., Иванова М. Ю. Воспитание патриотизма у младших подростков // *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. 2016. № 4(92). С. 166–175.
22. Патриотизм : мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 11 апреля 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 10.11.2025).
23. Потемкин А. В. Новые методы диагностики патриотизма // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2008. № 4 (28). С. 39–42.
24. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/57266686/> (дата обращения: 10.11.2025).
25. Соловьев В. С. Патриотизм // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXIII. СПб., 1898. 487 с.
26. Стулов А. Н., Ткаченко И. В. Применение методики «Ценностные ориентации» М. Рокича в рамках эмпирического исследования проблематики формирования ценностного отношения к семье у подрастающего поколения // *Семья и личность: проблемы взаимодействия*. 2020. № 20. С. 60–68.
27. Суменков И. А. Критерии сформированности патриотизма и гражданственности у студентов // *Известия Саратовского университета*. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 3 (31). С. 278–283.
28. Толмачева Т. В. Патриотическое воспитание подростков в условиях общеобразовательной школы // *Инновации, наука, образование*. 2021. № 27. С. 1488–1498.
29. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения 10.11.2025).
30. Филиппов Д. М., Данилов И. А. Патриотическое воспитание в университете: измерение уровня патриотизма студентов на основе социологического опроса // *Социодинамика*. 2025. № 2. С. 33–46. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73208 (дата обращения: 10.11.2025).
31. Шахова И. С. Гражданские установки личности: проблема диагностики // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. Т. 3, № 3. С. 259–262.
32. Щиголева Н. В. Формирование патриотизма как психолого-педагогическая проблема // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 76-2. С. 318–323.
33. Schatz R. T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism // *Handbook of Patriotism* / ed. M. Sardoč. Cham : Springer Publ., 2020. Pp. 613–633. DOI: 10.1007/978-3-319-54484-7_30.

Evaluation of the development of patriotic values in the axiological picture of the world of student youth

Shcherbinina Elena Vasilievna¹, Kostin Aleksey Aleksandrovich²,
Efimova Natalia Mikhailovna³

¹PhD in Cultural Studies, senior researcher at the Center for Interdisciplinary Studies of the Civilizational Development of Russia, Scientific and Innovation Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, State Academic University for the Humanities. Russia, Moscow ; Acting Head of the Department of Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-2098-5532. E-mail: voronova@vyatsu.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor, senior researcher at the Center for Interdisciplinary Studies of the Civilizational Development of Russia, Scientific and Innovation Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, State Academic University for the Humanities.

Russia, Moscow ; Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: aa_kostin@vyatsu.ru

³PhD in Philosophy, associate professor, senior researcher at the Center for Interdisciplinary Studies of the Civilizational Development of Russia, Scientific and Innovation Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, State Academic University for the Humanities. Russia, Moscow ; Dean of the Faculty of History, Political Science and Cultural Studies, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 000-003-4341-4476. E-mail: usr11465@vyatsu.ru

Abstract. The effectiveness and efficiency of incorporating courses/modules into the higher education system aimed at preserving and strengthening the individual's sense of patriotism, linking personal success with civilizational sovereignty and the socioeconomic and technological prosperity of their homeland, are examined. *The aim of the study* is to assess the level of formation of patriotic values among students of higher educational institutions. *Methods and Results of the Study.* The data collection instrument for measuring patriotism levels was a proprietary questionnaire consisting of 25 questions rated on a Likert scale from 1 (completely disagree) to 5 (completely agree); a ranking of values, as well as conditions that shape and/or demonstrate patriotic attitudes – four rankings by degree of importance (from 1 (least important) to 10 (most important)); and six open-ended questions. The study involved 1,901 students of Vyatka State University aged 16 to 25 (1st to 3rd year), studying the course "Foundations of Russian Statehood", as well as in separate groups – the courses "History of Russia", "Service-learning", "History of Religions in Russia". The survey showed that the majority of students (76.05 %) demonstrate a high level of development of patriotic values. Students express a strong emotional-sensory component of patriotism (84.64 %) and a cognitive component (83.12 %). The motivational component is also at a relatively high level (75.82 %). At the same time, the behavioral component is underdeveloped: only 60.62 % of respondents report involvement in civic-patriotic activities. Assessing the educational potential of the humanities disciplines aimed at developing patriotic values, students note the high effectiveness of the course "History of Russia" for developing patriotism (73.6 %) and the average effectiveness of the course on the "Foundations of Russian Statehood" (62.5 %). Students emphasize the importance of fostering patriotic values in higher education, but also note the need to improve the methods and tools for this activity. They need activity-based, creative, and game-based methods, work with historical sources, meetings with prominent figures, visits to museums and monuments, and more. Most importantly, the state must create conditions for youth self-realization, so that academic disciplines are not isolated from real life, but complement it, correctly guiding them in building their life path in Russia. *Scope of application of the results.* The data obtained can be used to optimize the educational system for developing patriotic and socially responsible individuals in Russian higher education.

Keywords: patriotism, citizenship, social solidarity, historical memory, Foundations of Russian Statehood.

References

1. Breusova V. S., Makarova A. N. *Problema patrioticheskogo vospitaniya detej i podrostkov v sovremennom mire* [The problem of patriotic education of children and adolescents in the modern world] // *Avtonomiya lichnosti* – Personal autonomy. 2021. No. 2. Pp. 17–22.
2. Valieva Z. I. *Otrazhenie idej patrioticheskogo vospitaniya podrastayushchego pokoleniya v rossijskoj pedagogicheskoj mysli* [Reflection of the ideas of patriotic education of the younger generation in Russian pedagogical thought] // *Izvestiya VGPU. Pedagogicheskie nauki* – VSPU News. Pedagogical Sciences. 2015. No. 5 (100). Pp. 44–48.
3. Vasil'eva O. V., Maklashova E. G., Tomaska O. G. *O metodike ocenki rezul'tatov patrioticheskogo vospitaniya* [On the methodology for assessing the results of patriotic education] // *Vestnik rossijskoj nacii* – Herald of the Russian Nation. 2024. No. 2 (95). Pp. 64–78.

4. Vasileva S. V., Miklyayeva A. V. *Oprosnik konstruktivnogo patriotizma (podrozkovaya versiya): psichometricheskie harakteristiki* [Constructive patriotism questionnaire (adolescent version): Psychometric characteristics] // *Psihologiya cheloveka v obrazovanii* – Psychology in Education. 2023. Vol. 5. No. 3. Pp. 458–471.
5. Voskreskasenko O. A., Konstantinov V. V., Pashin A. A. *Diagnostika patriotizma studencheskoj molodezhi v sisteme professional'nogo vospitaniya v vysshej shkole* [Diagnosis of patriotism of youth students in the system of professional education in higher school] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* – Modern problems of science and education. 2022. No. 5. Available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2022/5/32096.pdf> (date accessed: 10.11.2025).
6. *Vsemirnoe issledovanie cennostej* – World Values Survey // World Values Survey. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (date accessed: 10.11.2025).
7. Dembitskiy S. S. *Kompleksnye izmeritel'nye instrumenty v sociologii* [Complex measurement instruments in sociology] // *Sociologicheskij zhurnal* – Sociological journal. 2017. No. 3. Pp. 102–124.
8. Dugin A. G. *Oboronnyj patriotizm* [Defensive patriotism] // *Russkij institut* – Russian Institute. 2009. No. 25 (11). P. 4.
9. *Evrazijskij monitor* – Eurasian Monitor. Available at: <https://eurasiamonitor.org/> (date accessed: 10.11.2025).
10. *Evropejskoe issledovanie cennostej* – European Values Survey. Available at: <https://europeanvalues-study.eu/> (date accessed: 10.11.2025).
11. *Evropejskoe social'noe issledovanie* – European Social Survey. Available at: <http://www.ess-ru.ru/> (date accessed: 10.11.2025).
12. Ivchenkov S. G., Sayganova E. V. *Cennostnye orientiry i ih vliyanie na vospriyatye patriotizma u molodyozhi* [Values and their influence on the perception of patriotism among young people] // *Vestnik Instituta sociologii* – Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 106–125.
13. Kolesnikova O. I. *Nacional'naya kartina mira, eyo cennostny'e aspekty' i kul'turny'e kody' v ob'ektive sovremennoj lingvistiki: metody' nauchnogo issledovaniya* [National worldview, its value aspects and cultural codes in the lens of modern linguistics: methods of scientific research]. Kirov, 2023. 204 p.
14. Krivoruchenko V. K. *Patriotizm* [Patriotism] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* – Knowledge. Understanding. Skill. 2008. No. 3. Pp. 249–251.
15. Lykova T. R. *Analiz ponyatiya "patriotizm": pedagogicheskij aspekt* [Analysis of the notion of "patriotism": pedagogical aspect] // *Fundamental'nye issledovaniya* – Fundamental research. 2013. No. 11 (4). Pp. 778–782.
16. Merzlyakova G. V., Dan'shina S. A., Batalova L. V. *Formirovanie patriotizma i sohranenie istoricheskoy pamyati v sovremennom rossijskom obshchestve: istoriko-pravovoj rakurs* [Formation of patriotism and preservation of historical memory in modern russian society: historical and legal perspective] // *Vestnik udmurtskogo universiteta* – Bulletin of the Udmurt University. 2024. Vol. 34 (2). Pp. 379–384.
17. Nikolaev A. N. *Dinamika patriotizma u studentov* [The development of the patriotism feeling in students] // *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki* – Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. 2024. No. 2 (42). Pp. 22–26.
18. Novashina M. S. *Vospitanie patriotizma u studentov-muzykantov vuzov kul'tury na traditsiyah pesennogo fol'klora* [Fostering Patriotism in Music Students at Cultural Universities Using Folk Song Traditions]. M., 2020. 25 p.
19. *O sovremennom rossijskom patriotizme* – On Modern Russian Patriotism // *Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM)* – All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). March 29, 2024. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossijskom-patriotizme> (date accessed 10.11.2025).
20. *Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti: proekt koncepcii UMK* – Fundamentals of Russian Statehood: A draft concept for the teaching and methodological complex. Available at: https://fgosvo.ru/uploadfiles/metod/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (date accessed: 10.11.2025).
21. Pavlov I. V., Ivanova M. Yu. *Vospitanie patriotizma u mladshih podrostkov* [Formation of patriotism at younger teenagers] // *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva* – Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chelyabinsk State Pedagogical University. 2016. No. 4 (92). Pp. 166–175.
22. *Patriotizm: monitoring* – Patriotism: Monitoring // *Vserossijskoj centr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM)* – All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). April 11, 2023. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (date accessed: 10.11.2025).
23. Potemkin A. V. *Novye metody diagnostiki patriotizma* [New methods for diagnosing patriotism] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – News of the Volgograd State Pedagogical University. 2008. No. 4 (28). Pp. 39–42.
24. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona No. 315234-7 "O patrioticheskom vospitanii v Rossijskoj Federacii"* – Explanatory note to the draft Federal Law No. 315234-7 "On patriotic education in the Russian Federation" // *Garant* – Garant. Available at: <https://base.garant.ru/57266686/> (date accessed: 10.11.2025).
25. Solov'ev V. S. *Patriotizm* [Patriotism] // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* – Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 32. SPb., 1898. 487 p.
26. Stulov A. N., Tkachenko I. V. *Primenenie metodiki "Cennostnye orientacii" M. Rokicha v ramkah empiricheskogo issledovaniya problematiki formirovaniya cennostnogo otnosheniya k sem'e u podrastayushchego*

pokoleniya [Application of the value orientation method by m. Rocich in the framework of empirical research of the problematics of formation of value attitude to the family in the growing generation] // *Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodejstviya* – Family and personality: problems of interaction. 2020. No. 20. Pp. 60–68.

27. Sumenkov I. A. *Kriterii sformirovannosti patriotizma i grazhdanstvennosti u studentov* [Criteria for patriotism and civil consciousness formation in students] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya Seriya "Akmeologiya obrazovaniya. Psixologiya razvitiya"* – Saratov University News. New Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology. 2019. Vol. 8, No. 3 (31). Pp. 278–283.

28. Tolmacheva T. V. *Patrioticheskoe vospitanie podrostkov v usloviyah obshcheobrazovatel'noj shkoly* [Patriotic education of adolescents in a comprehensive school] // *Innovacii, nauka, obrazovanie* – Innovation, science, education. 2021. No. 27. Pp. 1488–1498.

29. *Ukaz Prezidenta RF "O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda"* – Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025" // *Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* – Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (date accessed: 10.11.2025).

30. Filippov T. D., Danilov I. A. *Patrioticheskoe vospitanie v universitete: izmerenie urovnya patriotizma studentov na osnove sociologicheskogo oprosa* [Patriotic education at the university: measuring the level of patriotism of students based on a sociological survey] // *Sociodinamika* – Sociodynamics. 2025. No. 2. Pp. 33–46. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73208 (date accessed: 10.11.2025).

31. Shakhova I. S. *Grazhdanskije ustanovki lichnosti: problema diagnostiki* [Civil sets of the person: the problem of diagnostics] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Kemerovo state university. 2015. Vol. 3, No. 3. Pp. 259–262.

32. Shchigoleva N. V. *Formirovanie patriotizma kak psihologo-pedagogicheskaja problema* [Formation of patriotism as a psychological and pedagogical problem] // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* – Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 76-2. Pp. 318–323.

33. Schatz R. T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism // *Handbook of Patriotism* / ed. M. Sardoč. Cham : Springer Publ., 2020. Pp. 613–633. DOI: 10.1007/978-3-319-54484-7_30.

Поступила в редакцию: 25.11.2025

Принята к публикации: 27.02.2026

Личностный запрос студентов на организацию наставнического сопровождения в вузе

Богоревич Наталья Александровна¹, Ежова Мария Владимировна²,
Лобутева Елена Сергеевна³

¹преподаватель секции иностранных языков кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Институт международных экономических связей. Россия, г. Москва.
ORCID: 0009-0000-6262-6138. E-mail: nat-fire@yandex.ru

²старший преподаватель секции иностранных языков кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Институт международных экономических связей. Россия, г. Москва.
ORCID: 0009-0002-4805-2697. E-mail: ezhova-m@yandex.ru

³руководитель секции иностранных языков кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, заместитель начальника отдела воспитательной работы и молодежной политики, Институт международных экономических связей. Россия, г. Москва.
ORCID: 0009-0001-1510-4975. E-mail: 7935228@mail.ru

Аннотация. Подготовка бакалавров предусматривает развитие личности студентов, способных в процессе обучения сформировать индивидуальную учебно-профессиональную мотивацию для освоения профессии на высоком уровне. В быстро меняющихся современных реалиях возрастают требования к самостоятельности, рефлексивности и ответственности студентов для определения индивидуальной образовательной траектории по овладению профессией. Система наставничества в вузе благоприятно воздействует на адаптацию студентов, а также способствует развитию личностных и профессиональных проектов. Однако для достижения студентами высокого уровня овладения профессией следует исходить из профессионально-личностных потребностей их самих и на этой основе моделировать наставническое сопровождение.

Цель статьи – представить и обобщить результаты исследования, направленного на выявление запроса студентов на организацию наставнического сопровождения в вузе, и определить возможные модели такого сопровождения для развития учебно-профессиональной мотивации и рефлексивных умений обучающихся.

Методы. Для выявления личностных запросов студентов на наставничество применялась методика «Личностный дифференциал», учитывающая наряду с профессиональными важность социально обусловленных личностных качеств наставника. Анонимно опрошено 218 студентов I–II курсов экономических и управленческих специальностей.

Результаты. На первом этапе обработки полученных результатов анализ средних значений показал, что наиболее позитивно студенты оценивают себя с точки зрения привлекательности, причем эта же личностная черта вызывает и наибольшую неоднородность мнений среди опрошенных студентов. На втором этапе с использованием факторного анализа было выявлено несколько ключевых факторов, которые в значительной степени объясняют причины расхождений в самооценках в студенческой среде. Помимо фактора привлекательности, студенты совершенно по-разному оценивают свое умение общаться, уверенность в себе, свои моральные качества и степень автономии. Три из пяти выявленных факторов связаны с уровнем принятия себя студентами, из чего можно сделать вывод, что у студентов-бакалавров не в полной мере сформированы рефлексивные навыки, необходимые для успешного личностного саморазвития и профессионального становления. Полученные данные подтверждают актуальную необходимость внедрения в вузах наставнического сопровождения, ориентированного на личностно-профессиональное развитие студентов.

Ключевые слова: наставническое сопровождение студентов вуза, личностные особенности студентов-бакалавров, модели наставничества, учебно-профессиональная мотивация, рефлексивные навыки, факторный анализ.

Введение. Современная подготовка специалистов в высшей школе предусматривает развитие личности студентов, способных в процессе обучения сформировать индивидуальную учебно-профессиональную мотивацию по достижению высокого уровня овладения профессией. Формирование и развитие учебно-профессиональной мотивации студентов предполагает организацию в вузе системы наставнического сопровождения.

В научной литературе принято разделять тьюторство и наставничество [2; 16; 17]. Хотя и тьютор, и наставник осуществляют субъект-субъектное взаимодействие со студентом, по опы-

ту в роли тьюторов обычно выступают студенты-старшекурсники, а в роли наставников – преподаватели. Таким образом, можно говорить как о горизонтальных (тьютор – студент), так и о вертикальных (наставник – студент) взаимодействиях по формированию индивидуального личностно-профессионального проекта будущего специалиста. В исследованиях Е. Ю. Рязанцевой показано, что «большой процент личностных проектов касается профессиональной сферы, образования и самообразования. Это те проекты, которые требуют максимальных затрат ресурсов: эмоционально-волевых (уверенность в себе, целеустремленность), интеллектуальных (способность к самоанализу, интерес к новому), коммуникативных (общительность, умение слушать), мотивационных (желание учиться, стремление к самореализации)» [22, с. 157].

Содержание тьюторского и наставнического сопровождения раскрывается в побуждении интереса студентов к самопознанию, потребности в достижениях, желании иметь авторитет среди сверстников. Вначале это происходит через тематические экскурсии, знакомство с ведущими преподавателями и администрацией вуза, представителями студенческих общественных организаций; затем через «участие в образовательных событиях (студенческие научно-практические конференции, профессионально ориентированные конкурсы и др.), мероприятиях социально значимой деятельности (волонтерская, социальные проекты, акции и др.)» с выходом на формирование самомотивации, а «ключевым компонентом стратегий самомотивации является представление о себе» [12, с. 94]. Поэтому важнейшая составляющая личностного развития студентов, и прежде всего их рефлексивных навыков, – это самодиагностика посредством психолого-педагогических методик, организованная в рамках комплексного тьюторского и наставнического сопровождения.

В 2023 году наставничество в России получило новый импульс и вектор развития благодаря Указу Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 года № 401, когда этот год был объявлен Годом педагога и наставника [25]. Внимание институту наставничества на государственном уровне позволило повысить роль, престиж и ценность наставника в образовательной системе.

Интерес к теме наставничества рассматривается исследователями в разных областях наук: в социологии, психологии, педагогике и др. В теоретических источниках раскрываются три основных подхода к наставничеству: системный, комплексный и личностно ориентированный (см. табл. 1) [19, с. 57].

Таблица 1

Подходы к наставничеству в междисциплинарных исследованиях (по С. В. Паниной)

№	Подход	Характеристика
1	Системный	Многомерность и многоуровневость, влияние системообразующих факторов, взаимосвязь с образовательной средой
2	Комплексный	Совокупность составных частей, взаимно дополняющих и обогащающих, что обеспечивает цельное качественное функционирование, единство единичного и общего, целостность
3	Личностно ориентированный	Приоритеты потребностей, целей и ценностей развития наставляемого при организации наставничества, при этом учитываются его индивидуально-личностные особенности

Анализируя теорию и практику, можно выделить несколько современных моделей наставничества:

- виртуальное, электронное или цифровое наставничество;
- конструирование значимой событийности;
- создание ассесмент-среды.

Цифровое наставничество. Современный рынок труда требует, чтобы учреждения высшего образования могли не только обеспечивать оптимальные условия для освоения студентами знаний, умений и навыков, необходимых для их будущей профессиональной деятельности, но и способствовать личностному развитию обучающихся. Благодаря развитию технологий в XXI веке произошли значимые изменения в традиционной системе наставничества в высшей школе, что позволило использовать инновационные средства для обмена опытом между тьютором и студентом или наставником и студентом.

Сегодня электронное/цифровое наставничество рассматривается как опосредованные электронными средствами связи отношения между наставником и наставляемым, что дает возможность преодолевать географическую и психологическую дистанцию между людьми.

Современные технологии позволяют применять весьма широкий спектр программ, приложений и интернет-ресурсов для решения самых разных задач: обмена сообщениями (электронная почта и мессенджеры); организации встреч, конференций, вебинаров, консультаций, обсуждений (программы, позволяющие совершать видеозвонки и конференц-звонки, а также обеспечивающие передачу текстовых сообщений и файлов); организации дистанционного обучения и разработки онлайн-курсов (системы управления образовательными электронными курсами, виртуальные обучающие среды), контроля знаний и мониторинга достижений (конструкторы форм, опросов, тестов), обмена данными (облачные сервисы), а также создания обучающих видео, презентаций, интеллектуальных карт; проектирования сред для профессионального развития, онлайн-сообществ, каналов (в социальных сетях); создания форумов, календарей и др. Для этого могут использоваться не только компьютер, но и смартфоны и другие мобильные устройства [8, с. 23]. Эти современные инструменты не только изменили классический поход к наставничеству, но и значительно расширили его возможности, делая более гибким, доступным и эффективным.

Цифровое наставничество является средством повышения академической успеваемости и создания инструментов оценки не только знаний, но и исследовательских способностей, критического мышления, логико-аргументированного мышления и ряда базовых компетенций, необходимых современным студентам. Наставничество интерактивно мобилизует процессы обучения и развивает учебные навыки. Электронное/цифровое наставничество способно охватывать различные сферы и предметные области: окружающую среду, семью и индивидуальные личностные качества. Электронное наставничество должно быть организовано в соответствии с непрерывными образовательными процессами, развиваться активно и динамично [3, с. 50].

Конструирование значимой событийности. Современные подходы к организации наставнического сопровождения в вузе всё чаще акцентируют внимание на событийном аспекте как инструменте создания образовательной среды, способствующей развитию профессиональных и личностных компетенций студентов. События, будь то проектная деятельность, образовательные форумы или интерактивные мастер-классы, становятся ключевыми элементами, через которые реализуется наставнический потенциал. Как отмечает С. М. Косенок, «наставничество в проектной деятельности позволяет формировать педагогическую среду, благоприятную для укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей» [13, с. 26]. В нашем профессиональном опыте в качестве примера можно считать досуговый клуб Института международных экономических связей (ИМЭС) “Event English”, где такие организационно-педагогические условия, как регулярные встречи, обсуждение кейсов и совместное планирование, создают пространство для передачи опыта и формирования доверительных отношений между наставниками и студентами.

Академическая дружба, рассматриваемая как разновидность наставничества, также тесно связана с событийностью. Исследования показывают, что события, инициированные организацией (например, научные конференции, рабочие группы, коучинг-сессии), способствуют укреплению межличностных связей, которые в дальнейшем переходят в формат личных отношений. Такие события не только решают профессиональные задачи, но и создают «фон» для развития эмпатии, автономии и совместного лидерства. Например, анализ темпоральных данных демонстрирует, что современные публикации по наставничеству в контексте высшего образования активно ассоциируются с понятиями «обратная связь от коллег», «фокус-группы» и «профессиональное развитие», что показывает значимость структурированных событий в наставнической практике [1].

Особую роль события играют в социальных проектах, где наставничество становится механизмом формирования ответственности и гражданской позиции студентов. Как указано в стратегии развития воспитания в РФ до 2025 года, гражданское просвещение предполагает «создание условий для участия молодежи в социально значимых инициативах», что реализуется через проекты, организуемые с участием наставников [21]. Такие события не только передают навыки управления проектами, но и формируют ценностный аспект наставничества, закладывая основы для устойчивых профессиональных сообществ. Например, в декабре 2024 года в ИМЭС состоялся международный студенческий квиз «Народная дипломатия», требующий от участников формирования международной профессиональной идентичности. Наставник-преподаватель помогал студентам анализировать межкультурные различия, готовить материал и моделировать диалоги, что способствовало развитию таких гибких навыков, как кросс-культурная коммуникация, критическое мышление и эмоциональный интеллект.

В рамках событийного подхода к воспитательной деятельности университетов особое внимание уделяется организации мероприятий, которые интегрируют наставничество в образовательные программы. Например, отечественными исследователями отмечается, что «событийный менеджмент позволяет создавать экосистему, где наставничество становится инструментом формирования мотивации и профессиональной идентичности студентов» [20, с. 34]. Примером могут служить деловые игры, где элементы развлечения и интерактивности способствуют активному вовлечению в процесс, развитию творческой индивидуальности и укреплению связи между наставниками и обучающимися.

Событийность в наставничестве также рассматривается как способ диалогового взаимодействия между участниками образовательного процесса. В вузовской среде наставники через организацию мероприятий (например, студенческих конференций, хакатонов, мастер-классов) создают пространство для совместного поиска решений, развития критического мышления по практическому «входу» в профессию. Такие события становятся «точками роста» для студентов, позволяя им осваивать навыки коммуникации, командной работы и лидерства под руководством опытных наставников. Примером может служить деловая игра «Модель экономического саммита стран БРИКС», проведенная в марте 2025 года в ИМЭС, где студенты под руководством молодых экспертов-наставников разрабатывали свою резолюцию по решению проблем цифровизации экономик БРИКС и отработывали навыки самопрезентации, анализа рынка и стратегического мышления. Эксперты-наставники через «Модель саммита» мотивировали обучающихся развивать знания профессионального английского языка, а также способствовали развитию навыка многосторонней дипломатии в условиях имитации международных переговоров. Это позволило интегрировать практический опыт в академическую среду, предоставляя студентам возможность развивать профессиональные компетенции через участие в реальных проектах. Важнейшая роль наставника – быть не только советчиком, но и модератором, способствующим развитию рефлексии наставляемых [9]. «Этап рефлексивно-смыслового осознания позволяет студентам оценить свои сильные стороны и принять осознанное решение о дальнейшем развитии» [11, с. 78]. Так, после участия в мероприятии «Модель экономического саммита» студенты ИМЭС анализировали ошибки, выявляли пробелы в знаниях, планировали свой индивидуальный образовательный маршрут: кто-то присоединился к финансовому клубу, чтобы углубить экономические знания, кто-то начал изучать китайский язык для работы с первоисточниками.

Таким образом, конструирование значимой событийности в наставничестве выступает не просто средством взаимодействия, а мощным фактором трансформации образовательной среды, соответствующей вызовам современности. Мероприятия в данном случае выступают инструментами педагогического управления, где наставник играет роль катализатора профессионального роста студентов.

Индивидуальный подход через создание ассесмент-среды. Исследования в области проектирования образовательной среды показывают, что догматическая среда способствует формированию зависимой и пассивной личности, тогда как творческая – свободной и активной.

Сравнение сред на разных уровнях образования (дошкольные учреждения, школы, вузы) выявило снижение развивающего потенциала. Дошкольные среды наиболее активны, но в школах доля догматической среды увеличивается втрое за счет снижения творческой. В бакалавриате доминирует зависимая личность (94%), а баланс достигается только на магистерском уровне, хотя зависимость остается высокой (86%). Доминирование зависимых сред в современных условиях указывает на необходимость пересмотра педагогических практик для повышения свободы и активности студентов [30, с. 58–59].

Учитывая эти данные, можно сделать вывод: наставничество выступает как логический инструмент в области проектирования образовательной среды вуза, являясь своего рода агентом «бесшовного» перехода от достаточно зависимого школьника к автономному компетентному профессионалу; оно широко применяется в высшем образовании для поддержки индивидуальных траекторий обучения и компетентностного подхода, однако его эффективность сложно измерить из-за отсутствия единого определения и разнообразия используемых методик оценки [28].

Инструментом создания единой системы наставничества могут служить современные HR-технологии, популярные сейчас в большей степени в бизнес-секторе, но имеющие большой потенциал в системе образования. Текущие программы обучения наставничеству, несмотря на их качество, перегружают участников, особенно на ранних этапах карьеры, где приоритет отдается формальным показателям успеха (публикации, гранты). Интересно, что даже

в отрасли естественно-научных дисциплин подчеркивается важность формирования таких навыков, как управление группой, коммуникация, разрешение конфликтов и инклюзивные практики. Педагоги и наставники из Стэнфорда призывают к системному изменению, включая институциональную поддержку, поощрение и награждение за качественное наставничество вместо ожидания добровольного участия ("if you build it, they will come"). Необходимо активно доносить обучение до участников с учетом их нагрузки [27, с. 11].

Особенно перспективной в контексте системного подхода, индивидуализации образовательных траекторий и мотивационной поддержки представляется интеграция HR-технологий, в том числе Ассесмент, а также Цели и ключевые результаты (Objectives & Key Results – OKRs) [24, с. 193].

Ассесмент-центр – это комплексная технология оценки, базирующаяся на экспертной оценке поведенческих проявлений участников в соответствии с заранее разработанными критериями. Ассесмент-центр выгодно отличается от других вариантов своей высокой валидностью. Наиболее перспективным форматом в данном контексте представляется тесное сотрудничество с работодателями, с помощью которых эксперт-наставник рисует карту «идеального» кандидата и с помощью тестов определяет текущие компетенции и пробелы, которые нужно заполнить [6, с. 66].

Если ассесмент-центр оценивает текущие навыки и потенциал студентов, то система целей и ключевых результатов OKR (Objectives & Key Results) – это инструмент планирования и мотивации, а точнее, это готовый каркас (фреймворк) для постановки целей и отслеживания прогресса. Так как целеполагание и мотивация являются не только важными компетенциями, но и вызовами для молодых людей, освоение этих навыков при взаимодействии с наставниками в стенах вуза представляется перспективным направлением в профессиональном образовании.

Итак, современные модели наставничества отражают актуальность пересмотра педагогических практик в сторону развития большей свободы и активности студентов. Какая бы из описанных выше моделей наставничества (или их комплекс) ни была выбрана, учет индивидуальных запросов, потребностей и психологических особенностей студентов становится ключевым фактором эффективной поддержки в их профессиональном становлении.

В связи с этим **цель исследования** – выявление запроса студентов-бакалавров на организацию наставнического сопровождения в вузе и определение возможных моделей такого сопровождения для развития учебно-профессиональной мотивации и рефлексивных умений обучающихся.

Методы. На основании результатов исследований о предпочтениях студентов в выборе наставника, представленных в научной литературе, известно, что студенты оценивают наставника в первую очередь по человеческим качествам и только потом – по профессиональным [7, с. 452]. При этом, несмотря на то что со второго курса на первый план также выходят профессиональные навыки, на всех курсах бакалавриата в приоритете остаются личные качества (доброта, отзывчивость, понимание, ответственность, поддержка), указывающие на важность социального компонента [23, с. 130]. Поэтому для выявления психологического портрета студентов-бакалавров и анализа их личностных запросов на наставническое сопровождение в качестве основной методики исследования была использована методика «Личностный дифференциал» (далее – ЛД).

Методика ЛД применима в связи с воспитанием студентов, выявлением многообразных по своей природе факторов, влияющих на целенаправленное развитие личности с акцентом на практико-ориентированную направленность. Предложенный студентам бланк методики содержал в себе двадцать одну пару полярных друг другу личностных качеств, объединяемых по семь качеств в три классических фактора семантического дифференциала: оценки, силы и активности. При применении ЛД для исследования самооценок значение фактора оценки свидетельствует об уровне самоуважения, а также интерпретируется как свидетельство уровня привлекательности (принятия или отвержения) объекта исследования. Фактор силы (С) в самооценках свидетельствует о развитии волевых сторон личности, как они осознаются самим испытуемым. Фактор активности (А) в самооценках интерпретируется как свидетельство экстравертированности личности [26].

В исследовании приняли участие 218 человек (110 мужчин и 108 женщин, средний возраст 19,5 года), студенты I–II курсов бакалавриата преимущественно экономических и управленческих специальностей. В соответствии с инструкцией студенты должны были оценить себя по отобранным чертам личности, отметив соответствующую цифру в каждой строке (всего

21 строка). Приведем инструкцию: «Оцените себя по отобранным чертам личности, отметив соответствующую цифру в каждой строке».

Исследование проводилось в очном формате, анонимно, ответы фиксировались на бумажных бланках с указанием возраста и пола. Результаты тестирования сводились в матрицу по каждому студенту и признаку методом суммирования баллов оценки по каждому качеству личности [4, с. 14].

Результаты исследования. Статистический анализ полученных данных был произведен в программе Statistica 10.0. Проанализированы ответы 218 респондентов по 21 психосемантической шкале, и проведен факторный анализ.

На первом этапе были проанализированы данные описательной статистики, прежде всего средние значения и стандартные отклонения. В табл. 2 выделены значения, которые имеют наибольший (более трех стандартных отклонений) и минимальный (до 1,55 стандартных отклонений) разброс по стандартному отклонению. Особое внимание обращено на шкалы, где разброс оценок наиболее широкий – разные мнения респондентов и минимальный разброс достаточно согласованные данные.

Таблица 2

**Средние значения и минимальные/максимальные стандартные отклонения
в оценках по психосемантическим шкалам в выборке студентов**

Переменные: значения шкал	Данные описательной статистики для выборки MD N = 218	
	Среднее значение	Стандартное отклонение
Максимальное стандартное отклонение		
Обаятельный (значение 7) – непривлекательный (значение 1)	6,88	7,67
Минимальное стандартное отклонение		
Слабый (значение 1) – сильный (значение 7)	4,99	1,51
Деятельный (значение 7) – пассивный (значение 1)	5,08	1,55
Решительный (значение 7) – нерешительный (значение 1)	5,22	1,54
Справедливый (значение 7) – несправедливый (значение 1)	5,60	1,48
Честный (значение 7) – неискренний (значение 1)	5,69	1,38

Анализ средних значений показал, что, хотя самое высокое среднее значение (6,88) наблюдается по шкале «обаятельный – непривлекательный», мнения студентов по этому вопросу слишком разнятся (стандартное отклонение 7,67). Далее выделены шкалы, мнения по которым в ответах респондентов наиболее однородны: «честный – неискренний», «справедливый – несправедливый», «сильный – слабый», «решительный – нерешительный», «деятельный – пассивный». Данные шкалы можно объединить в две группы: первые две говорят о морально-этической оценке, а остальные три относятся к взаимодействию с внешним миром.

На втором этапе обработки результатов исследования был проведен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент. В основе данных использовалась матрица корреляций между шкалами. Наиболее содержательные данные получены при вращении факторов Varimax. Было выделено пять факторов, объясняющих 54 % дисперсии, что является не полностью достаточным уровнем общей дисперсии (менее уровня 70 %, принятого в гуманитарных исследованиях), но оптимальным по значениям корреляций. Первые два фактора являются наиболее весомыми с точки зрения процента объясняемой дисперсии и включают больше психосемантических шкал.

Фактор 1 – «сотрудничество» (25,43 % общей объясняемой дисперсии);

Фактор 2 – «социальная активность и уверенность» (10,73 % общей объясняемой дисперсии);

Фактор 3 – «морально-этические качества» (6,72 % общей объясняемой дисперсии);

Фактор 4 – «степень автономии» (6,34 % общей дисперсии);

Фактор 5 – «привлекательность» (5,20 % общей объясняемой дисперсии).

Компонентный состав каждого из факторов включал от одной до четырех переменных (шкал опросника) со значимым показателем факторной нагрузки (см. табл. 3).

В первый фактор вошли шкалы, относящиеся к фактору оценки (О) по ЛД. Они отражают уровень обязательности и надежности в поведении, что является основой социальной ответственности. Остальные переменные в этом факторе говорят об отношении к окружению, эмпатии и готовности к сотрудничеству.

Второй фактор состоит из четырех переменных (шкал), три из которых относятся к фактору активности (А) по ЛД. Данные шкалы отражают степень уверенности в себе, а также открытость и активность во взаимодействии с внешним миром.

Третий фактор подчеркивает важность морально-этических качеств. Все шкалы здесь также относятся к фактору оценки по ЛД.

Четвертый фактор отражает уровень самостоятельности и способности человека действовать без внешней поддержки, что является ключевым аспектом личной зрелости и самодостаточности. Фактор силы (С) по ЛД.

Пятый фактор отражает восприятие личности с точки зрения ее харизмы и привлекательности для окружающих, что влияет на социальные взаимодействия и восприятие в коллективе. Фактор оценки по ЛД.

Таблица 3

Психосемантические шкалы и факторные нагрузки по пяти факторам в группе студентов I-II курсов (N = 218) по самооценке личностных черт

Факторы (с указанием вклада в общую дисперсию)	Переменные (шкалы опросника)	Значение факторной нагрузки
Фактор 1 «Сотрудничество» (25,43)	4. «Безответственность – добросовестность» (О) 16. «Враждебность – дружелюбие» (О) 10. «Черствость – отзывчивость» (О)	0,754 0,736 0,695
Фактор 2 «Социальная активность и уверенность» (10,73)	17. «Уверенность – неуверенность» (С) 3. «Разговорчивый – молчаливый» (А) 6. «Замкнутый – открытый» (А) 9. «Деятельный – пассивный» (А)	0,719 0,707 0,618 0,600
Фактор 3 «Морально-этические качества» (6,72)	13. «Справедливость – несправедливость» (О) 19. «Честный – неискренний» (О) 7. «Добрый – эгоистичный» (О)	0,750 0,637 0,618
Фактор 4 «Степень автономии» (6,24)	8. «Зависимый – независимый» (С)	0,638
Фактор 5 «Привлекательность» (5,20)	1. «Обаятельный – непривлекательный» (О)	0,707

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены «положительные» («желательные») с точки зрения развития личности студента) личностные качества.

Таким образом, фактор сотрудничества и фактор социальной активности и уверенности в своих силах объясняют более 36 % неоднородности в оценках испытуемых. Оба фактора являются важными компонентами успешной адаптации в студенческой среде. При этом первый, третий и пятый факторы, совокупно объясняющие более 37% дисперсии в ответах, относятся к фактору оценки по ЛД, что говорит о неоднородности в уровне принятия студентами самих себя.

Обсуждение. Полученные данные позволяют предположить, что на начальных этапах обучения в вузе студентам, с одной стороны, может не хватать навыков понимания своих приоритетов. С другой стороны, большой разброс в мнениях может расцениваться как запрос на индивидуальный подход в наставничестве. В то же время факторы, объясняющие более чем половину всех различий в данных, отражают необходимость формирования у студентов качеств, способствующих развитию поддержки и сотрудничества, подчеркивают важность социальных навыков, уверенности и активности, этических качеств, выделяют значимость внешнего обаяния и эмпатии.

Сопоставление данных, полученных в результате факторного анализа, подтверждает необходимость комплексного подхода к организации наставнического сопровождения студентов-бакалавров в вузе в виде трех выделенных выше моделей наставничества.

Создание образовательной среды с помощью HR-технологий. В основе современного взгляда на исследования в области наставничества лежат представления о смещении фокуса с простой передачи знаний и навыков и «вертикальных» отношений наставника и подопечного

на получение сложных компетенций через партнерские отношения, в которых через личный опыт, рефлексию и обсуждение студенты «создают» новое знание. Таким образом, студенты в рамках программ обучения на основе компетенций получают больше ответственности и автономии для своего личностно-профессионального развития.

Одно из современных исследований [28] подчеркивает важность комплексного подхода к наставничеству, который учитывает такие характеристики наставничества, как цели (успеваемость студентов, развитие компетенций и карьерный рост), фигура наставника (студент старших курсов, преподаватель или бизнес-профессионал), тренинг и вознаграждение наставников, подбор наставника и подопечного, формат работы (групповой или индивидуальный), функции и поведение наставника.

Особая роль отводится эмоциональной, психосоциальной, психологической и академической поддержке, что коррелирует с запросом студентов в нашем исследовании по 2-му и 5-му факторам, подчеркивающим потребность в формировании устойчивости во взаимодействии с внешней средой и роль личности наставника. Наставник осуществляет поддержку не только в форме ролевой модели или как источник информации, но и посредством предоставления циклической и персонализированной обратной связи, а также помощи в постановке целей. Это исследование выделяет нехватку валидных инструментов для измерения эффективности наставничества. С нашей точки зрения, таким инструментом может выступить сочетание технологий ассесмента и OKRs (Objectives & Key Results), создающее четкую систему критериев и цикличности в постановке целей, одновременно обеспечивая не только количественную, но и качественную измеримость результатов как отдельных студентов, так и групп. Таким образом, осуществляются шаги по созданию мотивирующей студентов образовательной среды.

Конструирование значимой событийности. Среди пяти ключевых факторов, формирующих личностный запрос студентов-бакалавров на организацию тьюторского и наставнического сопровождения, особое место занимают фактор сотрудничества (25,43 % дисперсии) и фактор морально-этических качеств (6,72 %). Эти показатели указывают на то, что современные студенты не только заинтересованы в развитии профессиональных компетенций, но и стремятся к формированию гибких навыков, необходимых для успешной социализации и карьерного роста.

Событийность по определению представляет собой совокупность значимых моментов образовательного процесса, сопровождающихся глубокими переживаниями, эмоциональным откликом и позитивными изменениями в личностном и социальном развитии участников. Это особенно важно для развития сотрудничества (*первый фактор* в нашем исследовании), поскольку именно через событийные практики студенты учатся работать в команде, распределять роли, принимать коллективные решения и брать ответственность за результат. Примером могут служить такие мероприятия, как хакатоны, деловые игры, проектная деятельность под руководством наставника, которые моделируют реальные профессиональные ситуации. В этих условиях студенты не просто развивают навыки работы в команде, но и осваивают элементы профессиональной культуры. Современные реалии указывают на необходимость «формирования черт, умений и навыков социальной зрелости как сверхцели и, как следствие, как результата последовательной и системной воспитательной работы» [15, с. 79]. Как указано в работе о различных подходах к наставничеству, «экспертная позиция наставника позволяет выявить связность с профессиональной деятельностью, возможные “разрывы” и направления развития проектных замыслов и способов решений» [5].

Учитывая потребности студентов-бакалавров в развитии сотрудничества и морально-этических качеств, а также высокую эффективность событийного подхода в процессе наставничества, предлагаем разработать *цифровую платформу*, которая станет основой единой образовательной экосистемы для студентов.

Целью платформы будет обеспечение доступа к актуальным событиям вуза, построение индивидуального образовательного маршрута студента с учетом его психологического профиля, а также повышение уровня мотивации, вовлеченности и карьерной осознанности через событийную активность. Такая платформа позволит автоматически рекомендовать студентам мероприятия, соответствующие их интересам, компетенциям и уровню вовлеченности, формировать индивидуальные образовательные траектории с помощью алгоритмов машинного обучения, обеспечивать обратную связь от наставников, проводить рефлексию и анализ личностного и профессионального роста студента.

Цифровое наставничество. Для развития цифрового наставничества важным является содержательный анализ *второго и четвертого факторов*. Данные факторы можно рассматривать в контексте обладания и развития гибких навыков респондентов, что отражает современные запросы рынка труда и развитие будущей экспертности выпускников-бакалавров. В связи с этим можно выделить три категории онлайн-коммуникации, которые играют важную роль в наставничестве: синхронная коммуникация (видеозвонки, обмен сообщениями в режиме реального времени и ведение чатов), асинхронная коммуникация (сообщения по электронной почте, форумы и записанные видео) и невербальная коммуникация (смайлики, GIF-анимации с реакциями и демонстрация экрана) [29, с. 15]. Цифровое наставничество решает следующие проблемы коммуникации:

- поощряет новые контакты и командную работу – шкала «Замкнутый – открытый» (0,618);

- учит давать обратную связь и воспринимать мнения собеседников – шкала «Уверенность – неуверенность» (0,719);

- повышает мотивацию студентов быть открытыми в выражении своей точки зрения, не боясь выражать свое мнение и участвовать в дискуссиях, – шкала «Разговорчивый – молчаливый» (0,707);

- стимулирует поиск новой информации и критической оценки использования искусственного интеллекта – шкала «Деятельный – пассивный» (0,600).

Содержание *четвертого фактора* показывает, что цифровое наставничество может способствовать развитию навыков самоорганизации, гибкости и адаптивности. Критериями оценки развития познавательной самостоятельности обучающихся выступают:

- умение самостоятельно ставить цель и находить пути ее достижения;

- умение применять полученные знания в новой и нестандартной ситуации [14, с. 121].

Цифровое наставничество позволяет определить готовность студентов к самостоятельной профессиональной деятельности и запускает механизм развития навыков, необходимых для ее реализации.

Проведенное исследование выявило необходимость разработки концепции цифровой платформы, которая в дальнейшем может стать частью электронной среды вуза. Платформа должна быть предназначена для обеспечения и сопровождения процессов наставничества, методической (а также информационной, мотивационной и иной), а также поддержки широкого круга лиц и организаций, так или иначе вовлекаемых в процесс наставничества. Данный ресурс будет в состоянии обеспечить персонализацию взаимодействия, взаимный подбор и встречу конкретных наставников и тех, кому они помогают, с последующим сопровождением их тесного взаимодействия в парах или малых группах [18, с. 21–22].

Для студентов-бакалавров данная платформа сможет дать возможность:

- построения индивидуальной траектории с учетом их профессиональных потребностей;

- выбора наставника независимо от его места работы и возрастной категории с учетом занятости педагогов, их профессиональных достижений, мотивации к совместной деятельности;

- предоставления выбора большого количества цифровых инструментов для удаленной и гибридной работы, в том числе средств виртуального общения;

- устранения возникающих временных, географических, социальных и других препятствий;

- предоставления новых преимуществ, которыми не обладает ни одна программа очного наставничества, за счет определенных условий в сети Интернет, в т. ч. записывать и расшифровывать сессии, выставлять записи в общий доступ, иметь возможность вернуться к разговору и поразмышлять о нем и др. [10, с. 77]

Подводя итог относительно модели цифрового наставничества, можно утверждать, что концепция цифровой платформы является перспективной для сопровождения студентов-бакалавров и предоставляет инновационные возможности для наставничества в вузе.

Заключение. Выявленные путем факторного анализа ответов студентов *факторы сотрудничества, социальной активности и уверенности в своих силах, морально-этические качества, степень автономии, а также фактор привлекательности* можно считать психолого-педагогическими измерениями творческой образовательной среды современного вуза, способствующей профессиональному становлению студентов. В проведенном исследовании сниженное значение дисперсии (54 %), проявляющееся в разбросанности ответов студентов-бакалавров, может являться косвенным доказательством недостаточно сформированных рефлексивных навыков, которые предлагается развивать путем наставнического сопровождения в вузе.

Полученные результаты и выводы можно считать перспективными для работы над рефлексивными навыками, используя цифровое наставничество, конструирование значимой событийности, создавая мотивирующую образовательную среду с помощью технологий ассесмента и OKRs (Objectives & Key Results). Данные модели наставничества позволяют развить гибкие навыки обучающихся, необходимые для их дальнейшего успешного трудоустройства. Современная реальность подтверждает благоприятное влияние цифрового наставничества на студента-бакалавра с учетом внимания к формированию коммуникативных навыков, навыкам командной работы, сбора цифровой информации и ее критического анализа при совершенствовании навыков самоорганизации, гибкости и адаптивности. В связи с развитием цифровых технологий и ростом важности онлайн-ресурсов появилась необходимость разработки концепции цифровой платформы, отражающей «личностный запрос» студентов, что является инновационным вкладом в развитие цифрового наставничества в вузе для укрепления института наставничества.

Список литературы

1. Башманова Е. Л., Лебедева О. Ю. Академическая дружба как вид наставничества в сфере образования и науки // Непрерывное образование: XXI век. 2024. № 3 (47). URL: <https://i1121.petsu.ru/journal/article.php?id=9624&ysclid=mcwgekr57g231176552> DOI: 10.15393/j5.art.2024.9624 (дата обращения: 18.06.2025).
2. Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 3. С. 4–18.
3. Ваныкина Г. В., Сундукова Т. О. Электронный менторинг в высшем образовании // Разработка нового поколения научно-методического обеспечения образовательного процесса высшей школы: проблемы, решения и перспективы : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., 15–16 октября 2020 г., Минск, Беларусь / БГУ, Главное управление образовательной деятельности ; редкол.: Е. А. Достанко и др. Минск : БГУ, 2020. С. 45–52. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254253?mode=full> (дата обращения: 18.06.2025).
4. Вострикова П. С., Татаркина Ю. Н. Исследование влияния мнения сверстников на самооценку личности методикой Личностного дифференциала // Ползуновский альманах. 2023. № 2-2. С. 13–16.
5. Глазунова О. В. О различных подходах к практике наставничества и сопровождения проектных и исследовательских работ // Исследователь/Researcher. 2020. № 1 (29). URL: <https://issledovatel.pro/metodologiya/issledovatel'skie-proekty/o-razlichnykh-podkhodakh-k-praktike-nastavnichestva-i-soprovozhdeniya-proektnykh-i-issledovatel'skikh/?ysclid=mcwg5d3njd388812443> (дата обращения: 18.06.2025).
6. Грязнов С. А., Кузнецов М. И. Проблемы взаимодействия вузов и работодателей в сфере информационных технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №8-1 (95). С. 66–68.
7. Гулк Е. Б., Савина А. Д., Соловьева Н. С. Образ наставника в представлениях студентов вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 450–454.
8. Дolidович О. М., Сакаева Д. Н., Парфенова В. И. Электронное наставничество: понятие, инструменты, условия реализации, применение в образовательной практике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2024. Серия: Познание. № 2. С. 22–23. DOI: 10.37882/2500-3682.2024.02.03.
9. Дробышева Т. В., Тарасов С. В. Подход к исследованию групповой рефлексивности: теоретические предпосылки и концептуальные представления // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 3. С. 21–25.
10. Золоторева А. В., Груздев М. В., Энзельт Н. В. Виртуальная модель наставничества в системе постдипломного сопровождения молодых педагогов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13, № 4(49). С. 74–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-model-nastavnichestva-v-sisteme-postdiplomnogo-soprovozhdeniya-molodyh-pedagogov> (дата обращения: 18.06.2025).
11. Игнатъева Е. Ю. Педагогическое управление учебной деятельностью студентов в современном вузе. СПб. : ЛЕМА, 2012. 300 с.
12. Каитов А. П. Модель тьюторского сопровождения развития учебно-профессиональной мотивации бакалавров педагогического образования // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 4 (150). С. 91–101.
13. Косенок С. М. Наставничество в проектной деятельности как способ формирования образовательной среды в университете (на примере проектов социальной направленности // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 2 (54). С. 20–29. DOI: 10.35266/2312-377X-2023-2-20-29. URL: <https://elib.surgu.ru/all/publ/13602> (дата обращения: 18.06.2025).
14. Коротеева А. С. Процессная модель развития познавательной самостоятельности студентов посредством цифровых образовательных ресурсов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 6 (117). С. 117–124. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-6-117-9.
15. Кочетова С. А., Зябрева С. Э. Формирование гражданско-патриотической и культурной идентичности студентов в условиях расширения единого образовательного пространства Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2025. Т. 23, № 1. С. 75–101. DOI: 10.55959/LPEJ-25-04.

16. Махмутова Е. Н., Иванченко М. А., Чуганская А. А. Исследование представлений студентов и преподавателей о личности наставника в российском университете // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2024. № 7. С. 310–315. DOI: 10.33910/herzenpsysconf-2024-7-43.
17. Махмутова Е. Н., Ковтун Н. В., Иванченко М. А. Модели наставничества в образовательном процессе университета: теоретические и практические аспекты // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 12. С. 231–248. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11212.
18. Моисеев А. М. Модель системы дистанционного наставничества и методической поддержки (НИМП) студентов и молодых учителей в педагогическом университете // Педагогика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 2, № 3. С. 21–22.
19. Панина С. В. О наставничестве в высшем образовании // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия». 2023. № 4. С. 56–64. DOI: 10.25587/2587-5604-2023-4-56-64.
20. Пашоликов М. С. Развитие экосистемы воспитательной деятельности и молодёжной политики университета на основе событийного подхода // Педагогика и просвещение. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0676.2024.4.72051.
21. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://www.mos.ru/upload/documents/oiv/gr_rf_996_29_05_2015_r15.pdf (дата обращения: 18.06.2025).
22. Рязанцева Е. Ю. Личностный проект как внутренний ресурс развития молодых людей // Вестник Вятского государственного университета. 2024. № 1 (151). С. 149–160. DOI: 10.25730/VSU.7606.24.015.
23. Семенкова С. Н., Крючева Я. В. Личностные и персональные качества педагога-наставника // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 128–131.
24. Скитёва Е. И. OKR как метод деловой оценки персонала // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. СПб., 2022. № 11-1. С. 193–196.
25. Указ Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 года № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения: 09.08.2023).
26. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 20–21.
27. Farrell C. L., Dulay M. T., DeSimone J. M. Innovation in mentorship // Issues in Science and Technology. 2022. Vol. 39, No. 1. Pp. 10–11. URL: <https://www.jstor.org/stable/27379470> (дата обращения: 18.06.2025).
28. Nuis W., Segers M., Beausaert S. Conceptualizing mentoring in higher education: A systematic literature review // Educational Research Review. 2023. Vol. 41. Pp. 1–22. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1747938X23000581> (дата обращения: 18.06.2025).
29. Seyed Hadi, Seyed Alitabar, Zohreh Zhadhasn. Digital Mentorship: Mentor-Mentee Relationships in Virtual Spaces // AI and Tech in Behavioral and Social Sciences. 2023. Vol. 1, No. 2. Pp. 12–18. URL: <https://journals.kmanpub.com/index.php/aitechbesosci/article/view/1981/2414>. DOI: 10.61838/kman.aitech.1.2.3.
30. Yasvin V. A. The Method of Vector Modelling of Personality Development Environment // Natural Systems of Mind. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp. 50–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76382490> (дата обращения: 18.06.2025). DOI: 10.38098/nsom_2023_03_01_03.

Personal request of undergraduate students for the organization of mentoring support at the university

Bogorevich Natalia Aleksandrovna¹, Yezhova Maria Vladimirovna²,
Lobuteva Elena Sergeevna³

¹lecturer of the Foreign Language Section at the Department of Humanities and Natural Sciences, Institute of International Economic Relations. Russia, Moscow. ORCID: 0009-0000-6262-6138. E-mail: nat-fire@yandex.ru

²senior lecturer of the Foreign Language Section at the Department of Humanities and Natural Sciences, Institute of International Economic Relations. Russia, Moscow. ORCID: 0009-0002-4805-2697.

E-mail: ezhova-m@yandex.ru

³Head of the Foreign Language Section at the Department of Humanities and Natural Sciences, Deputy Head of the Department of Educational Work and Youth Policy, Institute of International Economic Relations. Russia, Moscow. ORCID: 0009-0001-1510-4975. E-mail: 7935228@mail.ru

Abstract. *Relevance.* Undergraduate education should foster the development of students capable of cultivating robust academic and professional motivation, enabling them to achieve a high level of professional competence. In today's rapidly evolving landscape, there is an increasing demand for students to exhibit auton-

omy, reflexivity, and responsibility in defining their individual learning trajectories towards professional mastery. Mentoring programs in higher education positively influence student adaptation and contribute to the development of both personal and professional projects. However, to maximize students' attainment of professional competence, mentoring support should be tailored to their specific professional and personal needs.

Research Objective: to identify the needs and preferences of undergraduate students regarding mentoring support in higher education and to determine potential models for such support that foster academic and professional motivation and reflexive skills.

Methods. To identify students' personal requests for mentoring, the Semantic Differential (SD) method was used, taking into account the importance of socially conditioned personal qualities of a mentor along with professional ones. 218 first- and second-year students of economic and management specialties were anonymously surveyed.

Results. Initial analysis of mean scores revealed that self-assessment of personal attractiveness, while exhibiting the highest average score, also displayed the greatest heterogeneity of opinions among the surveyed students. Subsequent factor analysis identified several key factors that substantially explain these discrepancies in opinions. Prominent factors included collaboration, social activity and self-confidence, moral and ethical qualities, the degree of autonomy, and personal attractiveness. A significant portion of the identified factors are related to the self-assessment characteristics utilized in the research methodology, suggesting that undergraduate students have not fully developed the reflexive skills necessary for successful self-development and professional formation. These findings confirm the pressing need for the implementation of mentoring support in higher education institutions.

Keywords: mentoring support in higher education, personality traits of undergraduate students, mentoring models, academic and professional motivation, reflexive skills, factor analysis.

References

1. *Bashmanova Y. L., Lebedeva O. Y. Akademicheskaya Druzhba kak vid nastavnichestva v sfere obrazovaniya I nauki* [Academic friendship as a type of mentoring in the field of education and science] // *Nepriyemnoye obrazovaniye: XXI vek – Continuous education: 21 century*. 2024. No. 3 (47). Available at: <https://ill21.PetrSU.ru/journal/article.php?id=9624&ysclid=mcwgckr57g231176552> DOI: 10.15393/j5.art.2024.9624 (date accessed: 18.06.2025).
2. *Blinov V. I., Yesenina E. Y., Sergeev I. S. Nastavnichestvo v obrazovanii: nuzhen horosho zatochenniy instrument* [Mentoring in education: a well-sharpened tool is needed] // *Professionalnoe obrazovaniye I rynek Truda – Professional Education and the Labor Market*. 2019. No. 3. Pp. 4–18.
3. *Vanykina G. V., Sundukova T. O. Elektronnyy mentoring v vysshem obrazovanii* [E-mentoring in higher education] // *Razrabotka novogo pokoleniya nauchno-metodicheskogo obespecheniya obrazovatel'nogo protsesssa vysshey shkoly: problemy, resheniya i perspektivy: materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Development of a New Generation of Scientific and Methodological Support for the Educational Process of Higher Education: Problems, Solutions and Perspectives: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference*. October 15–16, 2020, Minsk, Belarus : BSU, 2020. Pp. 45–52. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254253?mode=full> (date accessed: 18.06.2025).
4. *Vostrikova P. S., Tatarkina Y. N. Issledovaniye vliyaniya mneniya sverstnikov na somootsenku lichnosti metodikoy Lichnostnogo differentsiala* [Study of the influence of peer opinion on self-esteem of an individual by the method of Semantic Differential] // *Polzunovskiy al'manakh – Polzunovskiy almanac*. 2023. No. 2-2. Pp. 13–16.
5. *Glazunova O. V. O razlichnykh podkhodakh k praktike nastavnichestva i soprovozhdeniya proyektnykh i issledovatel'skikh rabot* [On various approaches to the practice of mentoring and support of project and research works] // *Issledovatel – Researcher*. 2020. No. 1 (29). Available at: <https://issledovatel.pro/metodologiya/issledovatel'skie-proekty/o-razlichnykh-podkhodakh-k-praktike-nastavnichestva-i-soprovozhdeniya-proektnykh-i-issledovatel'skikh/?ysclid=mcwg5d3njd388812443> (date accessed: 18.06.2025).
6. *Gryaznov S. A., Kuznetsov M. I. Problemy vzaimodeystviya vuzov i rabotodateley v sfere informatsionnykh tekhnologiy* [Problems of interaction between universities and employers in the field of information technology] // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024. No. 8-1 (95). Pp. 66–68.
7. *Gulk E. B., Savina A. D., Soloviova N. S. Obraz nastavnika v predstavleniyakh studentov vuza* [The image of a mentor in the representations of university students] // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of the modern pedagogical education*. 2025. No. 86-1. Pp. 450–454. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-nastavnika-v-predstavleniyah-studentov-vuza> (date accessed: 01.08.2025).
8. *Dolidovich O. M., Sakaeva D. N., Parfenova, V. I. Elektronnoye nastavnichestvo: ponyatiye, instrumenty, usloviya realizatsii, primeneniye v obrazovatel'noy praktike* [E-mentoring: concept, tools, conditions of implementation, application in educational practice] // *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*. 2024. Series: Cognition. No. 2. Pp. 22–23. DOI: 10.37882/2500-3682.2024.02.03.
9. *Drobysheva T. V., Tarasov S. V. Podkhod k issledovaniyu gruppovoy refleksivnosti: teoreticheskiye predposylki i kontseptual'nyye predstavleniya* [An approach to the study of group reflexivity: theoretical prerequisites

and conceptual representations] // *Vestnik VGU. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* – Bulletin of VSU. Series: Problems of Higher Education. 2021. No. 3. Pp. 21–25.

10. *Zolotareva A. V., Gruzdev M. V., Enzelt N. V. Virtual'naya model' nastavnichestva v sisteme postdiplomnogo soprovozhdeniya molodykh pedagogov* [Virtual model of mentoring in the system of postgraduate support for young teachers] // *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* – Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2024. T. 13. No. 4(49). Pp. 74–80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-model-nastavnichestva-v-sisteme-postdiplomnogo-soprovozhdeniya-molodyh-pedagogov> (date accessed: 18.06.2025).

11. *Ignatyeva E. Y. Pedagogicheskoye upravleniye uchebnoy deyatel'nost'yu studentov v sovremennom vuze* [Pedagogical management of students' learning activities in a modern university]. SPb., LEMA, 2012. 300 p.

12. *Kaitov A. P. Model tyutorskogo soprovozhdeniya razvitiya uchebno-professional'noy motivatsii bakalavrov pedagogicheskogo obrazovaniya* [Model of tutoring support for the development of educational and professional motivation of bachelors of pedagogical education] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2023. No. 4 (150). Pp. 91–101.

13. *Kosenok S. M. Nastavnichestvo v proyektnoy deyatel'nosti kak sposob formirovaniya obrazovatel'noy srede v universitete (na primere proyektov sotsial'noy napravlenosti)* [Mentoring in project activities as a way to form an educational environment at the university (social projects case)] // *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kultura* – Northern Region: Science, Education, Culture. 2023. No. 2 (54). Pp. 20–29. DOI: 10.35266/2312-377X-2023-2-20-29.

14. *Koroteeva A. S. Protsessnaya model' razvitiya poznavatel'noy samostoyatel'nosti studentov posredstvom tsifrovyykh obrazovatel'nykh resursov* [Process model for the development of students' cognitive independence through digital educational resources] // *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Cherepovets State University. 2023. No. 6 (117). Pp. 117–124. DOI: 10.23859/1994-0637-2023-6-117-9.

15. *Kochetova S. A., Zyreva S. E. Formirovaniye grazhdansko-patrioticheskoy i kul'turnoy identichnosti studentov v usloviyakh rasshireniya yedinogo obrazovatel'nogo prostranstva Rossiyskoy Federatsii* [Formation of civic-patriotic and cultural identity of students in the context of expanding the unified educational space of the Russian Federation] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye* – Moscow University Bulletin. Series 20. Pedagogical Education. 2025. T. 23. No. 1. Pp. 75–101. DOI: 10.55959/LPEJ-25-04.

16. *Makhmutova E. N., Ivanchenko M. A., Chuganskaya A. A. Issledovaniye predstavleniy studentov i prepodavateley o lichnosti nastavnika v rossiyskom universitete* [A study of students' and lecturers' perceptions of a mentor's personality in a Russian university] // *Gertsenovskiy chteniya: psikhologicheskiye issledovaniya v obrazovanii* – Herzen Readings: Psychological Research in Education. 2024. No. 7. Pp. 310–315. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2024-7-43.

17. *Makhmutova E. N., Kovtun N. V., Ivanchenko M. A. Modeli nastavnichestva v obrazovatel'nom protsesse universiteta: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty* [Mentoring Models in the Educational Process of the University: Theoretical and Practical Aspects] // *Nauchno-metodicheskyy elektronnyy zhurnal Kontsept* – Scientific-Methodological Electronic Journal Concept. 2024. No. 12. Pp. 231–248. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11212.

18. *Moiseev A. M. Model' sistemy distantsionnogo nastavnichestva i metodicheskoy podderzhki (NIMP) studentov i molodykh uchiteley v pedagogicheskoy universitete* [Model of a System of Distance Mentoring and Methodological Support (SDMMS) for Students and Young Teachers at a Pedagogical University] // *Pedagogika: vchera, segodnya, zavtra* – Pedagogy: Yesterday, Today, Tomorrow. T. 2. 2019. No. 3. Pp. 21–22.

19. *Panina S. V. O nastavnichestve v vysshem obrazovanii* [On Mentoring in Higher Education] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya "Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya"* – On Mentoring in Higher Education. Vestnik of North-Eastern Federal University n. a. M. K. Ammosov. Series "Pedagogy. Psychology. Philosophy". 2023. No. 4. Pp. 56–64. DOI: 10.25587/2587-5604-2023-4-56-64.

20. *Pasholikhov M. S. Razvitiye ekosistemy vospitatel'noy deyatel'nosti i molodozhnoy politiki universiteta na osnove sobytiynogo podkhoda* [Development of the Ecosystem of Educational Activities and Youth Policy of the University Based on the Event Approach] // *Pedagogika i prosveshcheniye* – Pedagogy and Education. 2024. No. 4. DOI: 10.7256/2454-0676.2024.4.72051.

21. *Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 No.996-r "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda"* [Order of the Government of the Russian Federation No. 996-r dated May 29, 2015 "On Approving the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period until 2025"]. Available at: https://www.mos.ru/upload/documents/oiv/rp_rf_996_29_05_2015_r15.pdf (date accessed: 18.06.2025).

22. *Ryazantseva E. Y. Lichnostnyy proekt kak vnutrenniy resurs razvitiya molodykh lyudey* [Personal Project as an Internal Source for the Development of Young People] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Vyatka State University. 2024. No. 1 (151). Pp. 149–160. DOI: 10.25730/VSU.7606.24.015.

23. *Semenkova S. N., Kryucheva Y. V. Lichnostnyye i personal'nyye kachestva pedagoga-nastavnika* [Personal and Professional Qualities of a Teacher-Mentor] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* – World of Science, Culture, Education. 2024. No. 3 (106). Pp. 128–131. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnyye-i-professionalnye-kachestva-pedagoga-nastavnika> (date accessed: 17.06.2025).

24. *Skityova E. I. OKR kak metod delovoy otsenki personala* [OKR as a Method of Business Evaluation of Personnel]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* – Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. St. Petersburg. 2022. No. 11-1. Pp. 193–196.

25. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 27 iyunya 2022 goda No. 401 "O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda pedagoga i nastavnika" [Decree of the President of the Russian Federation No. 401 dated June 27, 2022 "On Holding the Year of Teacher and Mentor in the Russian Federation"]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (date accessed: 09.08.2023).

26. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Metodika lichnostnogo differentsiala (variant, adaptirovanny v NII im. V.M. Bekhtereva)* [Method of Semantic Differential (Variant Adapted at the V.M. Bekhterev Research Institute)] // *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp – Socio-Psychological Diagnostics of Personality and Small Group Development*. M., 2002. P. 20–21. Available at: https://psylab.info/Методика_«Личностный_Дифференциал»?ysclid=mcwdsf4ezu991641876 (date accessed: 18.06.2025).

27. Farrell C. L., Dulay M. T., DeSimone J. M. Innovation in mentorship // *Issues in Science and Technology*. 2022. Vol. 39, No. 1. Pp. 10–11. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27379470> (date accessed: 18.06.2025).

28. Nuis W., Segers M., Beausaert S. Conceptualizing mentoring in higher education: A systematic literature review // *Educational Research Review*. 2023. Vol. 41. Pp. 1–22. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1747938X23000581> (date accessed: 18.06.2025).

29. Seyed Hadi, Seyed Alitabar, Zohreh Zadhan. Digital Mentorship: Mentor-Mentee Relationships in Virtual Spaces // *AI and Tech in Behavioral and Social Sciences*. 2023. Vol. 1, No. 2. Pp. 12–18. Available at: <https://journals.kmanpub.com/index.php/aitechbesosci/article/view/1981/2414>. DOI: 10.61838/kman.aitech.1.2.3.

30. Yasvin V. A. The Method of Vector Modelling of Personality Development Environment // *Natural Systems of Mind*. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp. 50–63. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76382490> (date accessed: 18.06.2025). DOI: 10.38098/nsom_2023_03_01_03.

Поступила в редакцию: 27.08.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

Восприятие интернет-мемов кризисной тематики в период средней зрелости

Щукина Мария Алексеевна¹, Яковлева Марина Александровна²

¹доктор психологических наук, и. о. декана факультета психологии, профессор кафедры психологии, Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-0834-3548. E-mail: corr5@mail.ru

²магистр психологии, Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0007-5009-5254. E-mail: postcard.psy@mail.ru

Аннотация. Интернет-мемы как знаковый элемент цифровой культуры требуют изучения не только как инструмент коммуникации, но и как средство саморегуляции в процессе проживания возрастных/личностных кризисов.

Цель нашего исследования – выявление особенностей субъективной оценки интернет-мемов кризисной тематики у людей с разной степенью выраженности симптомов психологического кризиса в период средней зрелости. В исследовании приняли участие 53 человека (29 женщин) в возрасте 30–45 лет, что соответствует периоду средней зрелости, в рамках которого могут проявляться симптомы нормативных кризисов, характерных для данного возрастного периода. Для оценки психологической кризисной нагрузки использовался опросник «Переживание психологического кризиса личностью» С. В. Духновского; для изучения юмора как стратегии совладания – Опросник стилей юмора Мартина и краткая версия методики оценки копинг-стратегий COPE-30. Для изучения восприятия интернет-мемов кризисной тематики последовательно предъявляли 15 мемов, которые оценивались респондентами по 20 прилагательным на предмет характерности описания для представленного мема с использованием метода семантического дифференциала. В выборке была выделена группа с выраженной кризисной нагрузкой ($n = 24$), отличающаяся от группы сравнения более частым обращением к юмору как копинговой стратегии и предпочтением юмора деструктивного характера; в оценке мемов группа чаще использовала характеристики, свидетельствующие о ясности, остроте и близости мем-контента в связи с их переживаниями: глубокий, жизненный, интересный, понятный, мудрый, смешной. В группе со сниженной кризисной нагрузкой мемы, описывающие основные черты кризисного периода, чаще вызывали недоумение и оценивались как абсурдные, глупые, надуманные. Результаты исследования подтверждают наличие специфики восприятия и использования юмора как стратегии совладания у людей с разной психологической кризисной нагрузкой в период средней зрелости. Полученные данные открывают перспективы использования мем-контента в психодиагностической и консультативной практике.

Ключевые слова: кризис средней зрелости, юмор как стратегия совладания, переживание кризиса, интернет-мем, субъективная оценка.

Введение. В условиях цифровизации современного общества интернет-мемы стали неотъемлемой частью повседневной коммуникации, выполняя функции социализации и эмоциональной разрядки. Особый интерес представляют мемы, связанные с кризисными переживаниями, в частности с кризисом средней зрелости (или кризисом середины жизни) – периодом, характеризующимся переоценкой жизненных ценностей, утратой прежних ориентиров и поиском новых смыслов. Несмотря на популярность интернет-мемов как культурного феномена, специфика их восприятия в связи с переживанием возрастного кризиса остается малоизученной.

Психологические аспекты переживания кризиса периода средней зрелости широко представлены в исследовательской и психотерапевтической литературе. Кризис традиционно рассматривается в психологии как один из ключевых переходных этапов взрослого развития, наряду с кризисами молодости и поздней зрелости. В отличие от детских возрастных кризисов [2; 17], в значительной степени обусловленных биологическим созреванием, кото-

рое является прямым и необходимым двигателем качественных изменений психики, кризис середины жизни имеет иную мультифакторную природу, сочетая психологические, социальные и физиологические аспекты. В данном случае биологические изменения являются не причиной, а одним из факторов или фоном, на котором разворачивается психологический кризис. Признаки старения, изменения здоровья создают повод для рефлексии, но содержание кризиса и его острота определяются психологическими и социальными факторами.

Одним из первых на кризисный характер середины жизни обратил внимание К. Г. Юнг [31], указав на то, что в зрелом возрасте на первый план выходит обретение целостности — интеграция внутренних противоречий, развитие сильного Эго и способности контролировать напряжение, вызванное внутренними конфликтами. Э. Эриксон полагал, что, если кризис преодолевается успешно, это приводит к важному личностному приобретению способности проявлять заботу о других [30]. По мнению канадского юнгианского аналитика Д. Шарпа, именно внутренний конфликт становится наиболее характерным проявлением среднего возраста: у людей возникают необычные и нехарактерные ранее для них настроения и поведенческие паттерны, связанные с потерей надежды, смысла жизни, неготовностью приспособиться к изменениям привычным способом [28]. На первый план в переживаниях кризиса выходят экзистенциальные аспекты (В. Франкл) [25], человека посещает открытие, что жизнь может иметь иное содержание, чем просто «рассудочная деловитость» (Б. Ливехуд) [13]. В подобных условиях закономерно возникает потребность в переосмыслении жизненных ориентиров (В. Р. Манукян) [16], в изменении восприятия субъективного времени — от ориентации на будущее к ориентации на настоящее (И. С. Кон) [10], (А. А. Кроник, Р. А. Ахмеров) [12], в постепенной трансформации разных жизненных сфер, включающей профессиональные и семейные роли, способы проведения досуга, социальные взаимодействия и общественную деятельность (Д. Левинсон) [37].

В современной возрастной психологии принято различать нормативные кризисы взрослости, в частности кризис 30-летия и кризис середины жизни (кризис 40-летия), которые, несмотря на возможную схожесть некоторых переживаний, имеют различную психологическую структуру и динамику [19; 20; 27].

По мнению А. А. Реана [20], О. В. Хухлаевой [27], Х. Л. Би [1], Г. Крайг [11], П. Перун и Д. Билби [40], индивидуальная вариативность проживания кризиса средней взрослости крайне высока, а происходящие изменения могут быть осмыслены и использованы каждым человеком по-разному. Заблаговременное прогнозирование и подготовка к ключевым жизненным событиям способствуют более мягкому переходу между этапами жизненного пути и повышают адаптационные ресурсы личности. Формирование эффективных копинг-стратегий позволяет сохранять прежний уровень жизненной и профессиональной продуктивности. Современная психологическая наука и психотерапия все больше внимания уделяют не детерминации и симптоматике кризиса середины жизни, а изучению способов психологической помощи и самопомощи человеку в кризисный период, поиску ресурсов и совладающих механизмов, позволяющих предотвратить и смягчить проживание кризисного периода [4; 6].

В числе таких механизмов рассматривается юмор как способ психологической разрядки за счет обращения к комической составляющей в жизненной ситуации или в себе. Важно учитывать, что в обращении к юмору можно выделить как совладающую, так и избегающую направленность. В деструктивном ключе юмор может проявляться в форме саркастического нападения или избегания реальных проблем, в конструктивном — в случае способности посмеяться над собой или ситуацией без самоуничтожения, при переосмыслении проблем через шутку или как способ творческого выражения и переработки переживаний. По словам С. Л. Рубинштейна, «юмор предполагает способность увидеть и выделить комическое там, где оно есть, но не выпячивать его искусственно там, где его нет. Юмор — это добродушный смех, не разрушающий серьезного отношения к объекту» [22, с. 577].

Психотерапевтическую функцию юмора подчеркивал З. Фрейд, рассматривая юмор как один из видов психологической защиты, позволяющий выразить подавленные эмоции в социально приемлемой форме [26]. Юмор позволяет возвыситься над ситуацией, дистанцироваться от негативных переживаний, трансформировать тревожные мысли в менее угрожающие, что позволяет снизить уровень испытываемого по этому поводу стресса и принять неизбежные аспекты жизни. Еще одна функция юмора — социальная поддержка и чувство общности. Когда человек видит, что другие сталкиваются с теми же проблемами и реагируют на них с юмором, это снижает чувство изоляции, помогает справиться со стыдом. В 1995 г. ка-

надские психологи Н. А. Кёйпер, Ш. Э. Маккензи и С. Д. Беланже провели исследование, посвященное роли юмора в преодолении стресса [38], где установили, что люди с развитым чувством юмора чаще смотрят на будущее оптимистично, а стрессовые события считают полезными. Результаты исследования венгерского психолога А. Сабо 2003 г. подтверждают, что просмотр смешных видео снижает уровень тревоги, оказывает успокаивающее действие [43]. М. Слайтер и соавторы обнаружили, что юмор может выступать в качестве буфера между воздействием травмирующих факторов стресса и ПТСР или эмоциональным выгоранием [42].

Интернет-мемы стали одним из основных инструментов распространения юмора в цифровую эпоху, а платформами для их создания и обмена выступают различные онлайн-сообщества. Термин «мем» (теме, в первых переводах «мим», от др.-греч. «подобие») был введен британским этологом Р. Докинзом в 1976 г. по аналогии с понятием «ген» для обозначения своеобразной культурной универсалии, единицы значимой для культуры информации, способной к самокопированию, мутации, селекции и конкуренции в условиях естественного отбора [3]. В качестве примеров популяризатор науки назвал мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. После появления цифровой сети феномен мема приобрел несколько иное значение. Интернет-мемы представляют собой фразы, изображения и их сочетания, создаваемые посредством компьютерных технологий и активно распространяемые (преимущественно в Интернете) для актуализации эмоционального отношения к объектам внешнего или внутреннего мира [5]. Согласно К. Милтнер [39], условием их существования является «эмоциональный резонанс» создателей и получателей. Для его возникновения необходимо сходство культурного багажа отправителей интернет-мемов и их получателей, сходство их культурных кодов [14; 15]. Отсутствие такой общности способно актуализировать у адресата лишь недоумение вместо ожидаемой реакции смеха на юмористический контент.

С развитием Интернета скорость распространения мемов возросла многократно. Наиболее широко и просто описал понятие интернет-мема исследователь медиакультуры П. Дэвидсон, представивший интернет-мем как элемент культуры, как правило, шутку, которая приобретает влияние посредством онлайн-трансляции [34]. В понимании Л. Шифман, исследователя цифровых медиа и популярной культуры, интернет-мем — это вирусный контент (изображение, видео, фраза, хештег и т. д.), который быстро распространяется в Сети, часто подвергаясь модификациям [41].

К ключевым характеристикам интернет-мемов относят вирусность, адаптивность и коллективное соавторство. Мемы выполняют три основные функции: коммуникативную (как средство выражения и межличностного обмена идеями, эмоциями), социально-интегративную (в случае формирования групповой идентичности) и критическую (как инструмент социальной сатиры, протеста). В мемах используется разговорная лексика с элементами интернет-сленга, позиция анонимного автора обычно стилизуется под мнение широких масс, а мнимое отсутствие дистанции между инициатором и участниками заочного информационного обмена становится эффективным способом формирования общественного мнения [15]. Мемы помогают понять, что человек чувствует, отождествляя себя с героем контента; пережить чувство общности и тем самым нормализовать свои переживания. В этом ключе интересным представляется исследование К. Друри [35], в котором показано, что использование мемов для создания атмосферы юмора позволяет сотрудникам EMS скорой неотложной помощи выражать свои эмоции более социально приемлемым образом. По ее мнению, самое главное, что мемы могут дать понять другим людям, которые, возможно, испытывают эмоциональное выгорание, что они не одиноки.

Интернет-мем получил новый виток контента [23] и новых исследовательских вопросов во время пандемии коронавируса. Исследователи изучали, как «коронавирусные» интернет-мемы сказывались на нормализации общественного самочувствия во время пандемии [36], как во время пандемии пользователи по всему миру использовали интернет-мемы, чтобы справиться со своими негативными психологическими реакциями, и выявили, что интернет-текстуальность интернет-мемов стала продуктивным ресурсом, помогая осмыслить реальность через привычные образы и тексты [32].

При этом важно принимать во внимание, что, несмотря на универсальность мем-единиц, их восприятие разными по социально-психологическим характеристикам группами людей может серьезно отличаться. Мем является своеобразным стимулом, характер реакции на который позволяет обнаружить специфику ценностных, стереотипных, эмоциональных и иных психологических переменных, обуславливающих дифференцированность оценки мем-

контента. Примером могут служить результаты исследования в Италии, посвященного изучению восприятия юмора в ситуации пандемии коронавируса. В ходе крупномасштабного опроса, проведенного на ранних этапах карантина в Италии, исследователи изучили оценку (смешно или неприятно) различных форматов юмора о коронавирусе, которыми люди делятся в социальных сетях. Результаты анализа роли демографических, личностных и психологических факторов дистанцирования с использованием линейных смешанных моделей показали, что для респондентов юмор, связанный с коронавирусом, лишен «фирменной» смешливости и зачастую включает признаки неприятия. Люди, которые использовали юмор, чтобы справиться с непростыми обстоятельствами, оценивали юмор в связи с коронавирусом как более забавный и менее вызывающий отвращение. Кроме того, предполагаемый риск заражения усилил неприятие юмора в связи с коронавирусом, в то время как километровое расстояние от очага заражения повышало интерес к юмору [33].

Таким образом, в современном мире мемы стали важным элементом социальной коммуникации и инструментом эмоционального саморегулирования. Однако исследовательский потенциал изучения мемов как маркера социально-психологических особенностей или психоэмоциональных состояний интернет-аудитории далеко не исчерпан. В частности, неизученным является восприятие мем-контента в контексте проживания кризисов взрослости, что стимулировало настоящее исследование специфики субъективной оценки интернет-мемов кризисной тематики различной степенью испытываемой психологической кризисной нагрузки в период средней взрослости.

Цель исследования – выявление особенностей субъективной оценки интернет-мемов кризисной тематики у людей, переживающих психологический кризис в период средней взрослости.

Гипотезы исследования: 1) взрослые люди с различной выраженностью кризиса средней взрослости различаются по частоте обращения к юмору как стратегии совладания и по стилю используемого юмора; 2) субъективная оценка интернет-мемов кризисной тематики различается у взрослых людей с различной выраженностью и симптоматикой кризиса средней взрослости.

Методы. Важной задачей при формировании выборки исследования явилось определение возрастного диапазона для возможного обнаружения кризиса средней взрослости. Нормативность кризиса среднего возраста и его продолжительности остается дискуссионным вопросом [29], а его возрастные границы могут смещаться в зависимости от социокультурного контекста, уровня образования и индивидуальных особенностей. Тем не менее, согласно большинству классификаций, как указывает Л. А. Головей [19], кризис средней взрослости располагается в диапазоне 30–45 лет и представлен двумя ступенями, близкими к 30- и 40-летнему возрасту. Для 30-летия характерно подведение итогов, которое связано с окончанием периода интенсивной первичной самореализации; для кризиса 40 лет это экзистенциальные переживания, связанные с исчерпанностью прежних жизненных смыслов и приближением старения. На этом основании в выборку исследования были включены респонденты возраста 30–45 лет, что позволяет охватить потенциальную вариативность кризисных проявлений. В исследовании приняло участие 53 человека (29 женщин).

Сбор эмпирических данных осуществлялся в онлайн-формате путем заполнения Яндекс-форм. Для определения симптоматики, интенсивности и характера совладания с кризисными переживаниями использовались следующие психодиагностические методики: опросник «Переживание психологического кризиса личностью» С. В. Духновского [7]; Опросник стилей юмора Мартина (Humor Styles Questionnaire, HSQ) (в адаптации Е. М. Ивановой, О. В. Митиной и соавт.) [8]; методика оценки копинг-стратегий COPE-30 (в адаптации М. А. Одинцовой, Н. П. Радчиковой, Л. А. Александровой) [18].

Опросник «Переживание психологического кризиса личностью» С. В. Духновского направлен на выявление профиля интегральной индивидуальности субъекта, переживающего или не переживающего кризис, а также прогноз его возможного развития, определение выраженности ситуационных реакций, проходящих на непатологическом уровне и связанных с возникновением психологического кризиса. Методика содержит шкалы: «Реакция эмоционального дисбаланса», «Пессимистическая реакция», «Реакция отрицательного баланса», «Реакция демобилизации», «Реакция оппозиции», «Реакция дезорганизации», «Психологическая устойчивость».

Опросник стилей юмора Мартина (Humor Styles Questionnaire, HSQ) основан на двух критериях классификации юмора: 1) направленность юмора на себя или на других; 2) под-

держивающий характер юмора или уничижительный его тон, насмешка. Авторы описывают четыре стиля чувства юмора: аффилиативный (поддерживающий, направленный на других), самоподдерживающий (поддерживающий, направленный на себя), агрессивный (деструктивный, направленный на других) и самоуничижительный (деструктивный, направленный на себя).

Методика оценки копинг-стратегий COPE-30 М. А. Одинцовой, Н. П. Радчиковой, Л. А. Александровой является краткой русскоязычной версией опросника COPE-60 и содержит 15 шкал: «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Мысленный уход от проблемы», «Концентрация на эмоциях и их активное выражение», «Поиск социальной поддержки инструментального характера», «Активное совладание», «Отрицание», «Обращение к религии», «Юмор», «Поведенческий уход от проблемы», «Сдерживание совладания», «Поиск социальной поддержки по эмоциональным причинам», «Использование “успокоительных”», «Принятие», «Планирование», «Подавление конкурирующей деятельности».

Для оценки восприятия интернет-мемов кризисной тематики использовался метод семантического дифференциала. Для отбора стимульного материала (интернет-мемов) были определены три ключевые тематические категории, отражающие распространенные проблемы и переживания, актуальные для периода средней взрослости и часто ассоциируемые с кризисными состояниями [9; 21] в общественном дискурсе [24]: 1) переосмысление временной перспективы и проблемы здоровья; 2) несоответствие возрастным социальным ожиданиям и реальности; 3) экзистенциальная тревога и поиск смысла. В соответствии с этими категориями в интернет-контенте были отобраны 15 мемов. Критерием отбора служила прямая смысловая связь визуального и текстового контента мема с одной из указанных тем. Каждый мем демонстрировался на отдельном слайде. Участникам предлагалось оценить по бинарной шкале (да/нет), насколько каждое из предложенных прилагательных подходит для описания представленного мема: смешной, спокойный, мудрый, глупый, грустный, веселый, жизненный, надуманный, безнадежный, обнадеживающий, понятный, непонятный, интересный, нейтральный, оптимистичный, пессимистичный, глубокий, поверхностный, однозначный, многозначный.

Результаты. Для обеспечения возможности проверки гипотез на основании кластеризации по показателю величины кризисной нагрузки по опроснику «Переживание психологического кризиса личностью» С. В. Духновского участники исследования были дифференцированы на две статистически отличающиеся по показателям кризисного реагирования группы (табл. 1). При этом возрастные различия между группами не выявлены ($U = 310,5$; $p = 0,501$), что позволяет говорить о незначительности возрастной детерминации переживаний, обусловленных кризисом, для исследуемой выборки. Центроидным для обеих групп стал возраст 39 лет.

Таблица 1

Сравнение групп по критерию Манна – Уитни по опроснику «Переживание психологического кризиса личностью»

Шкала	Группа с высокой кризисной нагрузкой, n = 24		Группа с низкой кризисной нагрузкой, n = 29		U Манна – Уитни	p
	Ср. знач	Ст. откл	Ср. знач	Ст. откл		
Реакция эмоционального дисбаланса «Эд»	60,50	8,97	43,45	4,21	18,00	0,001
Пессимистическая реакция «Пс»	57,50	9,21	41,48	3,77	12,50	0,001
Реакция отрицательного баланса «Об»	57,50	11,19	42,48	5,08	85,00	0,001
Реакция демобилизации «Дм»	56,50	8,30	41,14	4,81	30,00	0,001
Реакция оппозиции «Оп»	60,50	8,43	45,14	6,16	49,00	0,001
Реакция дезорганизации «Дз»	57,50	14,03	46,17	5,79	195,50	0,006
Психологическая устойчивость «Пу»	51,13	11,81	60,52	5,22	177,50	0,002
Индекс ситуационного реагирования	56,50	6,05	40,17	2,30	0,00	0,001

У респондентов группы с наличием выраженной кризисной нагрузки в эмоциональном состоянии преобладают отрицательные эмоции (фрустрация, тревожность, пессимизм), отмечается высокая чувствительность к негативным стимулам, склонность к беспокойству и

ожиданию угроз, частые переживания грусти, безнадежности, уныния, ощущение «грозящего несчастья». В когнитивном плане отмечаются пессимистическая оценка текущей и будущей ситуации, мрачные прогнозы, рефлексия с акцентом на «отрицательный жизненный баланс» (фиксация на неудачах, нереализованных возможностях), низкая самооценка, чувство мало-важности собственных достижений. В поведении и социальной сфере наблюдается снижение социальной активности, ограничение контактов, переживание одиночества, низкая энергичность, утомляемость, избегание деятельности, а также возможны протестные реакции (грубость, агрессивность) или пассивность. Психологическая устойчивость находится на низком уровне, отмечается дефицит ресурсов для преодоления кризиса, неспособность адекватно оценивать нагрузку.

Эмоциональное состояние респондентов группы с невыраженным кризисным профилем отличается преобладанием положительных эмоций и ровным эмоциональным фоном, низкой тревожностью, уверенностью в себе, оптимистичным восприятием жизни, высокой стрессоустойчивостью, редкими эпизодами грусти или разочарования. Когнитивные особенности включают позитивное мировоззрение, адекватную самооценку, ориентацию на решение задач, реалистичное планирование, гибкость мышления и отсутствие фиксации на негативных аспектах. В поведении и социальной сфере проявляются активность, общительность, легкость в установлении контактов, высокая энергичность, готовность к действиям и изменениям, гармоничные межличностные отношения и включенность в социальные процессы. Психологическая устойчивость находится на высоком или умеренном уровне, присутствуют ресурсы для адаптации (превентивные и компенсаторные механизмы).

Сравнительный анализ (табл. 2) значений по Опроснику стилей юмора Мартина, HSQ, в группах с различной выраженностью кризисной симптоматики позволил обнаружить различия между группами с различной выраженностью кризисной нагрузки по предпочтению к использованию агрессивного и самоуничижительного (различия не достигают статистической значимости) юмора. Участники с наличием выраженных кризисных переживаний демонстрируют более высокие показатели деструктивных стилей юмора, направленные на себя либо других. Предпочитаемые ими сарказм, насмешка и подтрунивание могут служить маркером эмоционального неблагополучия, указывают на признаки низкой самооценки и потребности в одобрении.

Таблица 2

**Сравнение групп по критерию Манна – Уитни
 по Опроснику стилей юмора Мартина
 (Humor Styles Questionnaire, HSQ)**

Шкала	Группа с высокой кризисной нагрузкой, n = 24		Группа с низкой кризисной нагрузкой, n = 29		U Манна – Уитни	P
	Ср. знач	Ст. откл	Ср. знач	Ст. откл		
Аффилиативный юмор	33,67	4,70	32,45	3,28	255,00	0,097
Самоподдерживающий юмор	36,79	8,03	36,52	5,84	341,50	0,914
Агрессивный юмор	28,67	7,94	22,41	4,39	170,00	0,001
Самоуничижительный юмор	28,71	5,52	25,90	8,96	258,50	0,111

Статистический анализ различий используемых респондентами копинг-стратегий выявил целый ряд значимых различий между группами с разной выраженностью кризисной симптоматики, в том числе в обращении к юмору как средству самопомощи (табл. 3). В стрессовых ситуациях респонденты с выраженной кризисной симптоматикой реже склонны запрашивать социальную поддержку, менее склонны к позитивным и активным способам преодоления, но при этом чаще обращаются к комической составляющей ситуации как механизму психологической разрядки. Предпочтение респондентами с высокой кризисной нагрузкой копингов избегающего характера заставляет предположить, что юмор используется ими скорее не как ресурс, а как способ временного отвлечения от проблем.

Таблица 3

Сравнение групп по критерию Манна – Уитни по методике COPE-30

Шкала	Группа с высокой кризисной нагрузкой, n = 24		Группа с низкой кризисной нагрузкой, n = 29		U Манна – Уитни	P
	Ср. знач	Ст. откл	Ср. знач	Ст. откл		
Позитивное переформулирование и личностный рост	6,17	1,27	7,24	0,87	175,00	0,001
Мысленный уход от проблемы	5,46	1,35	5,00	1,49	284,50	0,250
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	5,75	1,57	6,38	1,45	263,50	0,122
Использование инструментальной социальной поддержки	5,96	1,33	6,69	1,42	239,50	0,047
Активное совладание	6,71	1,37	7,83	0,38	180,00	0,001
Отрицание	3,38	1,17	3,48	1,35	340,50	0,897
Обращение к религии	3,58	1,18	4,66	2,14	254,50	0,091
Юмор	6,17	1,20	5,52	1,15	246,00	0,050
Поведенческий уход от проблемы	5,33	1,55	4,21	1,24	203,00	0,007
Сдерживание	6,17	1,20	6,76	1,06	255,50	0,090
Использование эмоциональной социальной поддержки	6,21	1,28	7,03	1,09	215,50	0,015
Использование «успокоительных»	3,54	1,84	3,93	1,73	289,00	0,284
Принятие	5,88	1,19	6,72	1,49	202,00	0,008
Подавление конкурирующей деятельности	5,08	1,50	5,83	1,47	258,00	0,098
Планирование	6,71	1,43	7,03	1,09	315,50	0,546

Для сравнения восприятия мемов кризисной тематики в группах с разной выраженностью кризисной симптоматики применялся точный тест Фишера для сравнения профилей оценок по каждому мему и тест χ^2 для сопоставления суммарных профилей 15 мемов (рис. 1, табл. 4).

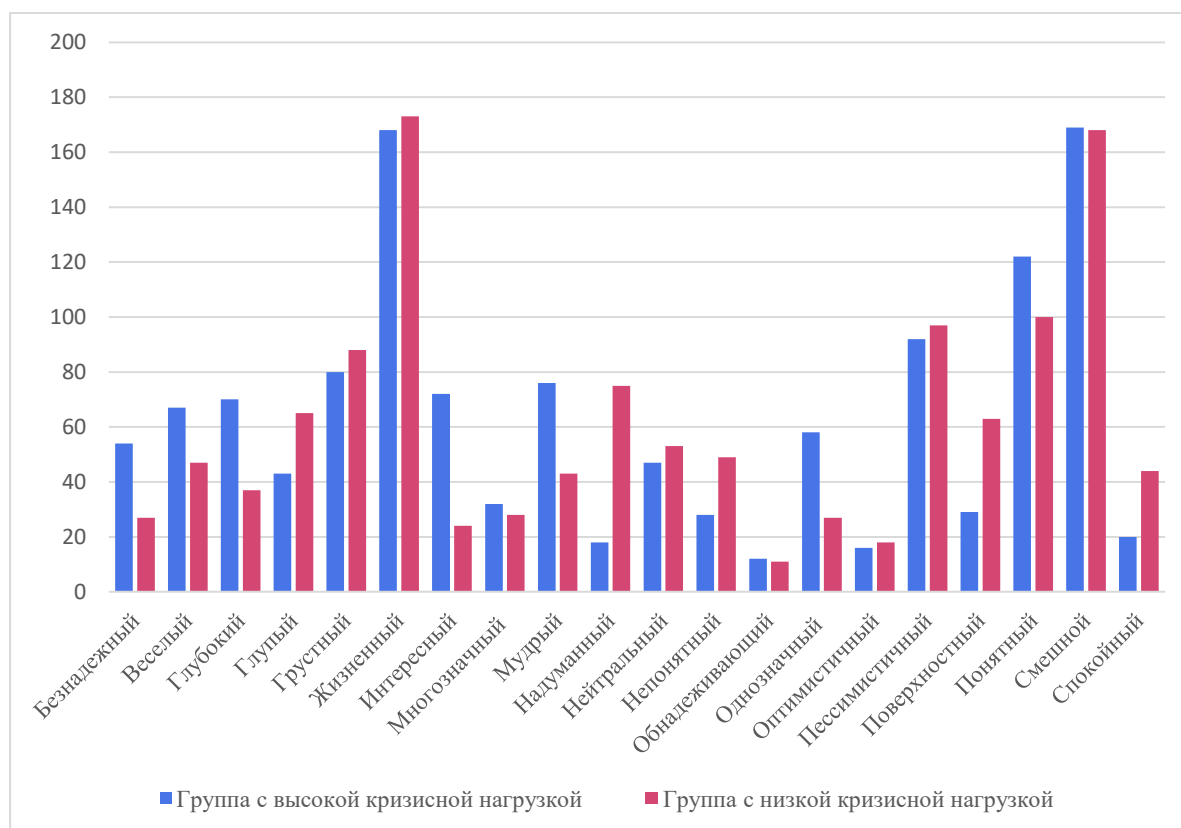

Рис. 1. Суммарные оценки мемов по группам

Таблица 4

Значения χ^2 характеристик мемов

№	Характеристики мемов	Значение χ^2	df (степеней свободы)	P
1	Безнадежный	16,64	1	0,001
2	Веселый	9,77	1	0,002
3	Глубокий	20,24	1	0,001
4	Глупый	1,51	1	0,219
5	Грустный	0,47	1	0,493
6	Жизненный	3,82	1	0,050
7	Интересный	38,91	1	0,001
8	Многозначный	1,70	1	0,193
9	Мудрый	19,50	1	0,001
10	Надуманый	28,58	1	0,001
11	Нейтральный	0,14	1	0,712
12	Непонятный	2,74	1	0,098
13	Обнадеживающий	0,45	1	0,500
14	Однозначный	20,24	1	0,001
15	Оптимистичный	0,05	1	0,832
16	Пессимистичный	1,15	1	0,283
17	Поверхностный	7,95	1	0,005
18	Понятный	11,63	1	0,001
19	Смешной	5,59	1	0,018
20	Спокойный	5,53	1	0,019

Статистический анализ показал, что эмоциональные и смысловые характеристики мемов по-разному воспринимаются в зависимости от уровня/степени выраженности кризисной симптоматики. В группе с высокой кризисной нагрузкой чаще оценивали мемы с характеристиками: «безнадежный» (54 по сравнению с группой с отсутствием кризиса 27); «веселый» (67 против 47); «глубокий» (70 против 37); «интересный» (72 против 24); «мудрый» (76 против 43). В группе с невыраженным кризисным профилем мемы чаще оценивались как «надуманный» (75 против 18); «поверхностный» (63 против 29); «спокойный» (44 против 22).

Наибольшее количество значимых различий в оценках обнаружено для четырех из пятнадцати мемов. Продемонстрируем на их примере разность восприятия мемов кризисной тематики у респондентов с высокой и низкой кризисной нагрузкой.

Мем «Мем с Чеховым» (рис. 2) представляет собой межвременное сравнение переживаний кризиса в период средней зрелости. Цитата А. П. Чехова демонстрирует классические признаки кризиса середины жизни: финансовая нестабильность («не богат»), снижение продуктивности («меньше и ленивее работаю»), соматические проявления («здоровье неважное»). Реакция «автора» мема «аналогично» указывает на возможную универсальность проблем, актуальных для периода средней зрелости, неизменность базовых переживаний на протяжении поколений.

Чехов о себе в 33 года:
 "Не богат и живу исключительно заработком. Чем старше становлюсь, тем меньше и ленивее работаю. Старость уже чувствую. Здоровье неважное."

аналогично, Антон Павлович, аналогично

Рис. 2. Мем с Чеховым

На рис. 3 заметно, что обе группы респондентов оценили данный мем одинаково как «смешной». Однако участники с высокой кризисной нагрузкой отметили мем как более «жизненный» ($p = 0,025$), «понятный» ($p = 0,001$), «грустный» ($p = 0,031$), «веселый» ($p = 0,036$) и «интересный» ($p = 0,007$) в сравнении с другой группой. Участникам с невыраженным кризисным профилем мем показался более «спокойным», «глубоким», «мудрым» и «многозначным», но эти оценки статистически значимо не отличаются от данных группой сравнения.

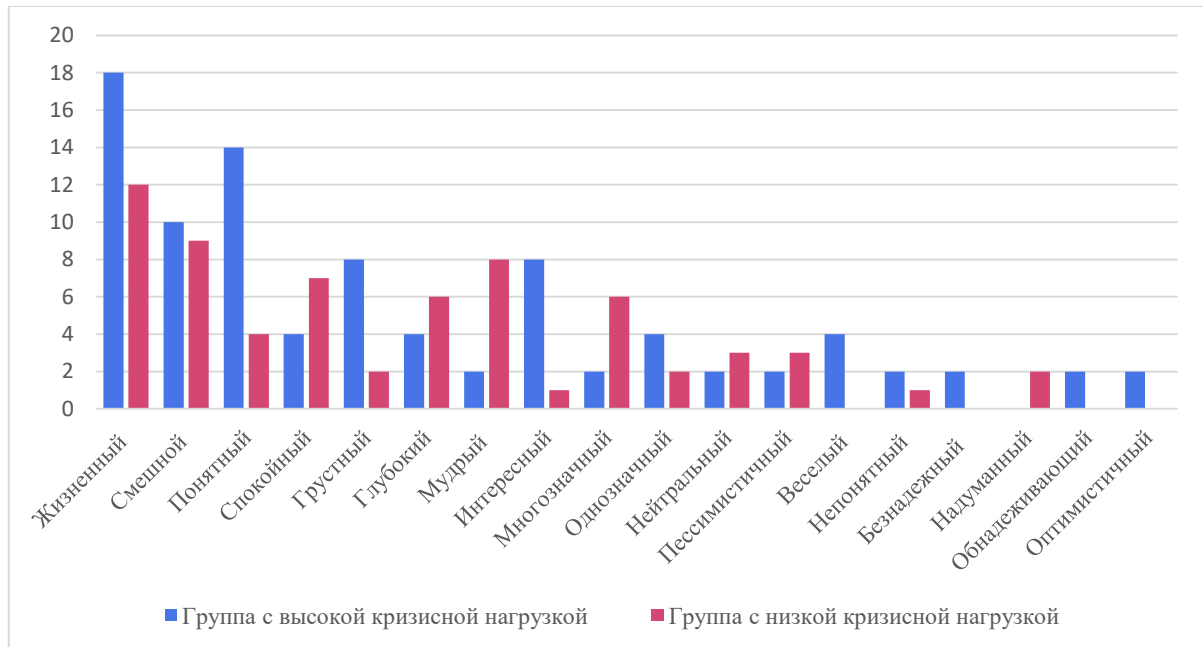

Рис. 3. Средние значения оценок «Мема с Чеховым» в группах с высокой и низкой кризисной нагрузкой

Мем «Собрались на дачу» (рис. 4) представляется индикатором переживаний, связанных с осознанием биологического старения, характерного для кризиса в период средней взрослости. В сатирической форме мемом отражена гиперболизация возрастных изменений середины жизни.

У нас было 2 тубика энтеросгеля, 75 таблеток активированного угля, 5 упаковок цитрамона, пол-солонки мезима и целое море витаминов всех сортов и расцветок, нам было около 40 лет, и мы собирались с одной ночевкой к друзьям на дачу.

Рис. 4. Мем «Собрались на дачу»

Диаграмма на рис. 3 свидетельствует, что группа с низкой кризисной нагрузкой отмечает в большей степени мем как «надуманный» ($p = 0,011$), «веселый», «поверхностный» ($p = 0,045$), «нейтральный». Группа с выраженным кризисным профилем чаще воспринимает мем как «пессимистичный» ($p = 0,006$), «интересный» ($p = 0,006$), «грустный», «безнадежный» ($p = 0,036$).

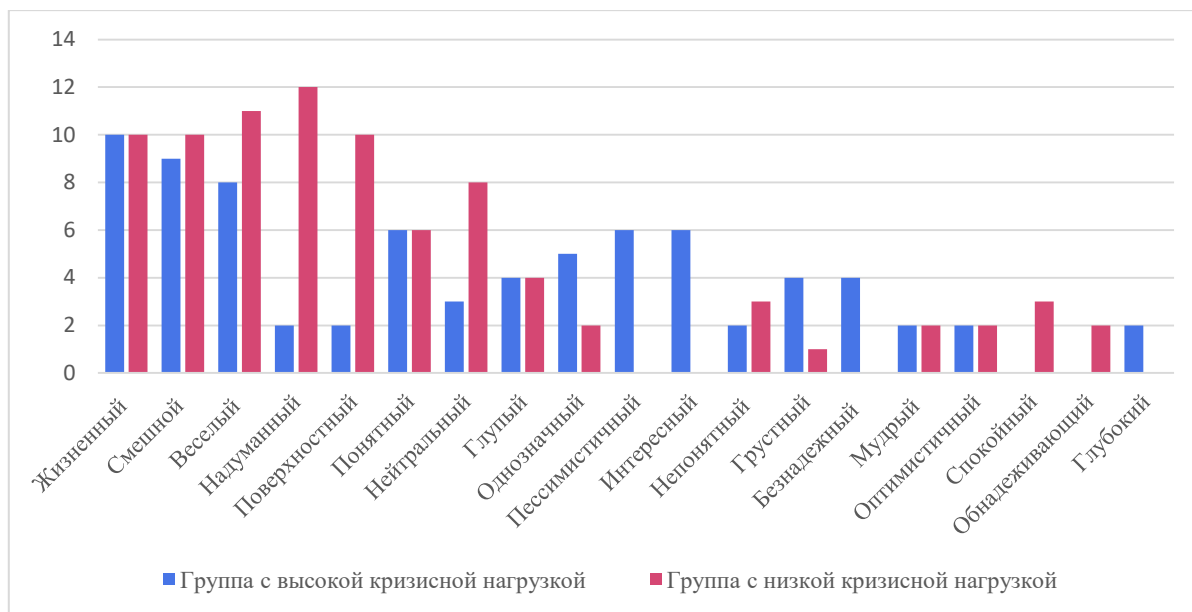

Рис. 5. Средние значения оценок мема «Собрались на дачу» в группах с высокой и низкой кризисной нагрузкой

Мем, представленный в виде вопроса «Чего не существует?» (рис. 6) с вариантами ответов, включающими позитивные эмоции и состояния (счастье, надежда, любовь, радость), отражает характерный для этапа переживания кризиса когнитивный диссонанс: субъективное ощущение «исчезновения» или «иллюзорности» позитивных эмоций, которые ранее воспринимались как реальные или достижимые. Варианты ответов символизируют ключевые аспекты психологического благополучия, которые в период кризиса могут подвергаться обесцениванию. Мем можно рассматривать как визуализацию пессимистичного нарратива, характерного для кризиса средней зрелости: скептическое отношение к ценностям и эмоциям, обусловленное возможной фрустрацией от несоответствия ожидания и реальности.

Рис. 6. Мем «Чего не существует?»

На диаграмме (рис. 7) отражено, что участники группы с отсутствием переживания кризиса чаще охарактеризовали мем как «пессимистичный» ($p = 0,023$), «грустный», «безнадежный» ($p = 0,04$), «глупый». Участники в переживании кризиса воспринимают мем в большей степени «понятным» ($p = 0,038$), «однозначным» ($p = 0,036$), «глубоким» ($p = 0,036$).

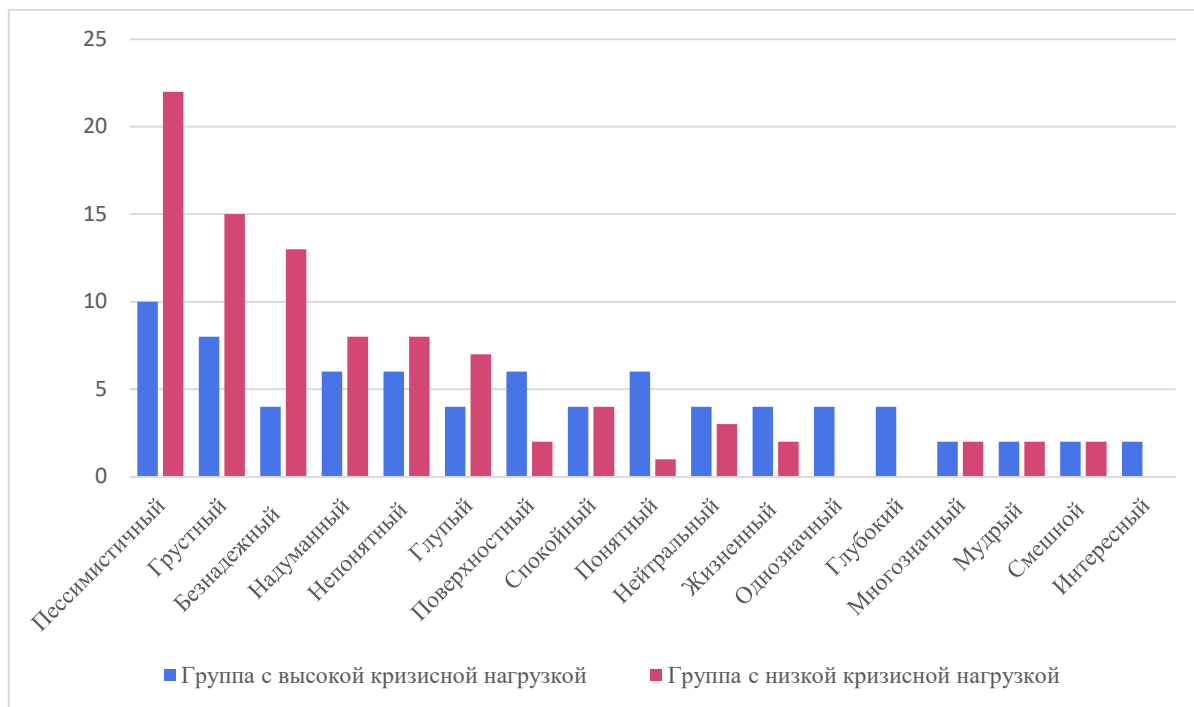

Рис. 7. Средние значения оценок мема «Чего не существует?» в группах с высокой и низкой кризисной нагрузкой

Мем «Взрослая жизнь — это» (рис. 8) представляет собой сатирическое отражение психологических особенностей кризиса средней взрослости через призму противоречий взрослой жизни, что соответствует характерной для кризиса переоценке жизненных достижений и разочарованию в ранее сформированных ожиданиях. В меме раскрывается парадокс взрослой автономии, в котором наблюдается когнитивный диссонанс между ожидаемой свободой взрослой жизни и ее реальными ограничениями. Также мем указывает на феномен «отложенной жизни», подмену внутренних желаний внешними обязательствами и хроническую прокрастинацию личностно значимых целей. В меме указывается на проявления эмоционального истощения, депрессивные тенденции, конфликт между чувством обязанности и потребностью в самореализации, характерные для кризиса.

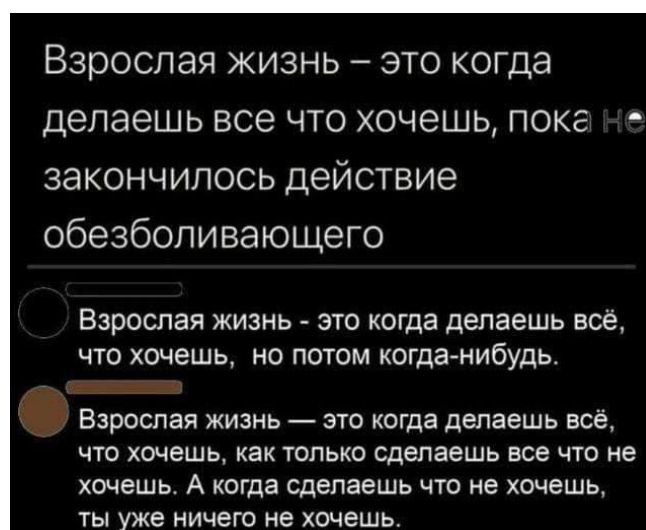

Рис. 8. Мем «Взрослая жизнь — это»

Острота смысловых акцентов противоречивости жизни взрослого человека в указанном меме нашла отражение в наибольшем количестве оценок, дистанцирующих группы с высокой и низкой кризисной нагрузкой (рис. 9). Хотя участники исследования обеих групп восприняли

этот мем в одинаковой степени «пессимистичным» и «грустным», респонденты с выраженным переживанием кризиса в большей степени оценили мем как «жизненный» ($p = 0,001$), «смешной» ($p = 0,012$), «мудрый» ($p = 0,038$), «интересный» ($p = 0,038$), «глубокий» ($p = 0,006$), «безнадежный» ($p = 0,036$), «многозначный» ($p = 0,036$). Респонденты с низкой кризисной нагрузкой чаще отмечали мем как «надуманный» ($p = 0,05$).

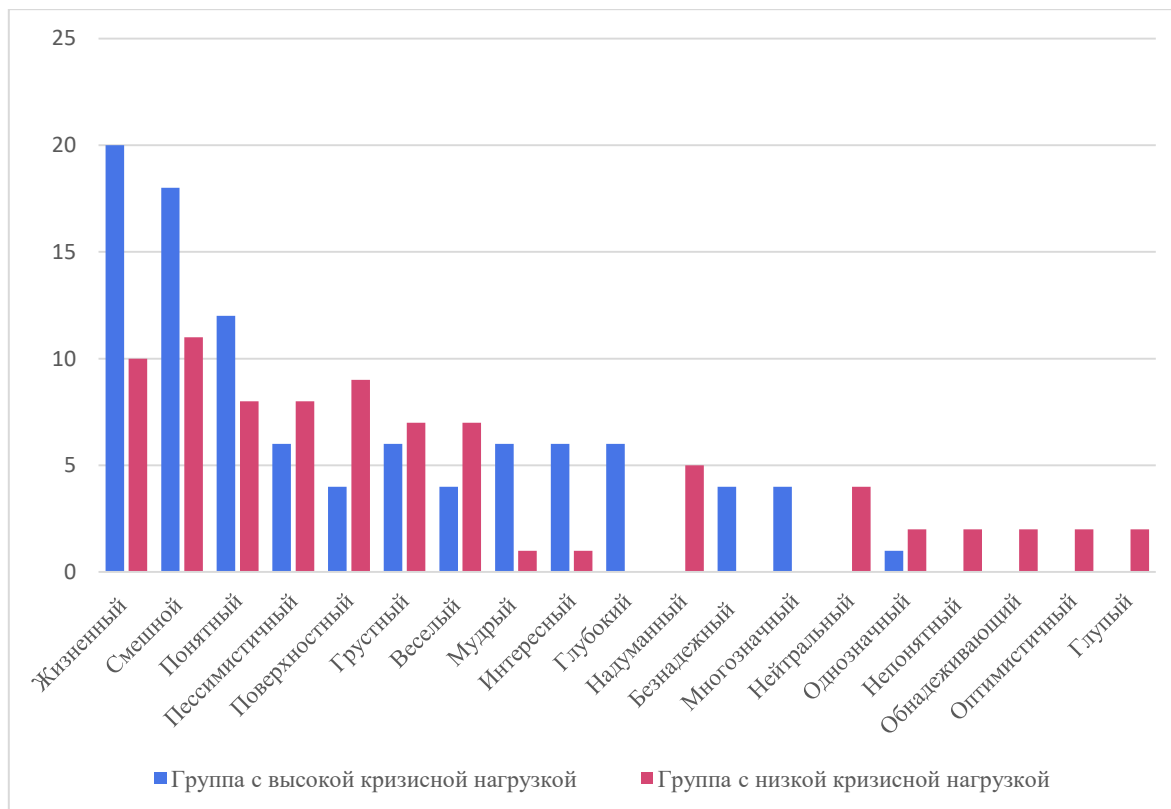

Рис. 9. Средние значения оценок мема «Взрослая жизнь — это» в группах с высокой и низкой кризисной нагрузкой

Обсуждение. Целью настоящего исследования было выявление специфики использования юмора и восприятия интернет-мемов кризисной тематики в группах взрослых людей с различной мерой остроты переживания кризисного периода. Сравнительный анализ показал, что взрослые люди с различной выраженностью кризиса средней зрелости различаются по частоте обращения к юмору как стратегии совладания и по стилю предпочитаемого юмора. Чаще используют юмор респонденты с высокой кризисной нагрузкой, причем они же чаще отдают предпочтение юмору агрессивного характера: деструктивному и самоуничижительному. Это свидетельствует о том, что юмор не всегда является средством совладания, возвышающим над ситуацией и позволяющим осуществить позитивную переоценку происходящего. Комплексная оценка предпочитаемых в кризисном периоде способов совладания и стратегий юмора позволяет предположить, что при переживании кризиса юмор зачастую используется как средство избегания/отрицания, обесценивания значимости ситуации, самонападения, то есть приобретает деструктивные формы.

Существенные различия были обнаружены в характере субъективных оценок кризисной тематики респондентами с различной кризисной нагрузкой. При сглаженных кризисных симптомах подобранные мемы о противоречивости, тщетности, нереализованности, безнадежности зрелой жизни оцениваются как надуманные, поверхностные, спокойные. В то же время для участников исследования с острыми кризисными переживаниями мемы, привлекающие внимание к основным проявлениям кризисного периода и трудностям его преодоления, значимо чаще оказываются понятными, жизненными, интересными, глубокими, мудрыми и веселыми. Иными словами, резонансный эффект в восприятии мем-сообщения наблюдается в наиболее выраженной степени в том случае, когда сами респонденты переживают состояние, сходное с «героями» мемов, то есть воспринимаются сквозь призму личных переживаний как понятные, интересные и значимые. При отсутствии выраженной кризисной на-

рузки участники реже связывают мемы с личным опытом, чаще видят в них просто развлечение, мем-послания оценивают как абсурдные или нейтральные. Полученные результаты хорошо коррелируются с данными исследований, раскрывающих мемы не только как инструмент развлечения, но и как маркер психологического состояния, отражая различия в восприятии жизни между людьми, переживающими кризис, и теми, кто его не испытывает [32; 33; 35; 36]. Результаты исследования следует интерпретировать в контексте переживания психологического кризиса, диагностированного с помощью опросника С. В. Духновского, который не является узко возрастнo-ориентированным. Выявленные различия в восприятии мемов и использовании юмора отражают связь не с хронологическим возрастом или конкретным возрастным кризисом, а с общей остротой переживания психологического кризиса, которая может быть обусловлена широким кругом факторов, включая проблемы возрастного развития, но не ограничиваясь ими.

Обнаруженные различия дают вполне определенное основание считать характер отклика на мемы кризисной тематики маркером актуального психологического состояния, связанного с переживанием кризиса, что может быть использовано в психодиагностической и психотерапевтической работе с взрослыми людьми в предкризисном и кризисном состоянии.

Заключение. Настоящее исследование посвящено изучению особенностей специфики субъективной оценки интернет-мемов кризисной тематики людьми, переживающими кризис в период средней зрелости.

Проведенное исследование выявило различия в восприятии и использовании юмористического контента у респондентов с разной психологической кризисной нагрузкой. В период переживания острого психологического кризиса отмечается более активное обращение к юмору, в том числе в деструктивных формах, как средству когнитивной переоценки ситуации и разрядки эмоционального напряжения.

Интернет-мемы кризисной тематики имеют выраженный эффект в оценке глубины, интереса, жизненности, мудрости и грусти контента в связи с личными кризисными переживаниями респондентов. Участники видят в них отражение своих страхов, тревог и экзистенциальных вопросов. В контрастной группе с низкой кризисной нагрузкой данные мемы воспринимаются как надуманные, поверхностные и абсурдные, что может быть связано с отсутствием личной вовлеченности в проблематику кризиса.

В целом полученные результаты подчеркивают значимость изучения цифрового юмора как ресурса совладания с возрастными кризисами и показывают потенциал использования мемов как инструмента рефлексии и нормализации переживаний в кризисных состояниях, что согласуется с выводами основывающихся на данных зарубежных исследователей [32; 36]. Включение мемов в программы психологической поддержки для людей среднего возраста может иметь положительные результаты с учетом их потенциала для эмоциональной разрядки и социальной интеграции.

Список литературы

1. Би Х. Л. Психология развития человека. 7-е изд. М. : Питер, 2018. 832 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. М. : Смысл ; Эксмо, 2005. 1136 с.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. О. Фоминой. М. : Мир, 1993. 316 с.
4. Гвоздецкая В. К. Психологические особенности и поддержка взрослых в ситуациях нормативного кризиса зрелости // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т. 5. № 6 А. С. 5–20.
5. Горбатов Д. С. Социальные манипуляции в интернет-мемах: проблемы идентификации // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020. № 2. С. 14–22.
6. Горбатова Е. А. Психологическое сопровождение клиентов, переживающих кризис среднего возраста // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020. № 33 (1). С. 70–77.
7. Духновский С. В. Психодиагностика : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2024. 353 с.
8. Иванова Е. М., Митина О. В., Зайцева А. С. и др. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 71–85.
9. Ипполитова Е. А. Особенности представлений о жизненных перспективах личности в период кризиса середины жизни : дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005. 196 с.
10. Кон И. С. В поисках себя. Личность и её самосознание. М. : Владос, 2012. 335 с.
11. Крайг Г. Психология развития. СПб. : Питер, 2000. 747 с.
12. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М. : Смысл, 2008. 294 с.

13. Ливехуд Б. Кризисы жизни — шансы жизни. М. : Духовное познание, 2012. 224 с.
14. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник СПбГУ. Сер.: Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 410–424.
15. Максимова С. А. Новостной мем в интернет-дискурсе: специфика жанра // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов V (XIX) междунар. конф. молодых ученых / под ред. Е. О. Третьякова. Томск : Томский гос. университет, 2018. С. 73–74.
16. Манукян В. Р. К вопросу о кризисе середины жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 4. С. 94–99.
17. Мецераков Б. Г. Взгляды Л.С. Выготского на науку о детском развитии // Культурно-историческая психология. 2008. № 4(3). С. 103–112.
18. Одинцова М. А., Радчикова Н. П., Александрова Л. А. COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 247–275. DOI: 10.11621/vsp.2022.04.11.
19. Психология развития и возрастная психология : учеб. и практикум для вузов / Л. А. Головей и др. ; под общ. ред. Л. А. Головей. 2-е изд., испр. М. : Юрайт, 2024. 415 с.
20. Психология среднего возраста, старения, смерти / под ред. А. А. Реана. СПб. : Прайм-Еврознак, 2013. 277 с.
21. Ральникова И. А. Психологические маркеры кризиса середины жизни у женщин // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2024. Т. 6, № 1. С. 103–112. URL: <https://bprasu.ru/article/view/14915>.
22. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 1999. 720 с.
23. Рыжков К. Л. Классификация интернет-мемов в реалиях 2021 года // Культура и искусство. 2021. № 9. С. 18–28. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.9.36456.
24. Солодников В. В., Солодникова И. В. «Кризис среднего возраста»: теоретическая интерпретация переживаемого опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. (4). С. 178–202. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2864>.
25. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб. : Речь, 2001. 256 с.
26. Фрейд З. Юмор // Фрейд З. Художник и фантазирование : сб. работ. М. : Республика, 1995. С. 282–284.
27. Хухлаева О. В., Зыков Е. В., Базаева Г. В. Психология развития и возрастная психология : учеб. для вузов / под ред. О. В. Хухлаевой. М. : Юрайт, 2025. 299 с.
28. Шарп Д. Кризис середины жизни. Записки о выживании. М. : Класс, 2007. 160 с.
29. Шмагина Ю. Д. Проблема кризиса среднего возраста в отечественной и зарубежной науке // Вестник Костромского гос. университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 2. С. 97–99.
30. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 344 с.
31. Юнг К. Г. Человек и его символы / пер. И. Н. Сиренко. М. : Медков С. Б., 2016. 352 с.
32. Aslan E. Days of our 'quarantined' lives: multimodal humour in COVID-19 internet memes // Internet Pragmatics. 2022. 5 (2). Pp. 227–256.
33. Bischetti L., Canal P., Vambinia V. Funny but aversive: A largescale survey of the emotional response to Covid-19 humor in the Italian population during the lockdown. 2020. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102963.
34. Davison P. The Language of Internet Memes // The Social Media Reader / ed. M. Mandiberg. N. Y. : NYU Press, 2012. Pp. 120–134.
35. Drury C. The Function of Internet Memes in Helping EMS Providers Cope with Stress and Burnout // Undergraduate Honors Theses. 2019. P. 499.
36. Flecha Ortiz J. A., Santos Corrada M. A., Lopez E., et al. Analysis of the use of memes as an exponent of collective coping during COVID-19 in Puerto Rico // Media International Australia. 2021. Vol. 178 (1). Pp. 168–181.
37. Levinson D. J. A conception of adult development // American Psychologist. 1986. (4). Pp. 3–13.
38. McKenzie K. A., Kuiper N. A., Belanger K. A. Cognitive appraisals and individual differences in sense of humor: Motivational and emotional implications // Personality and Individual Differences. 1995. 19 (3). Pp. 359–372.
39. Miltner K. M. Internet memes // The SAGE Handbook of Social Media / eds. J. Burgess, T. Poell, A. Marwick. N. Y. : Sage, 2018. Pp. 412–428.
40. Perun P., Bielby D. Structure and dynamics of the individual life course // Lifecourse: Integrative Theories and Exemplary Populations / ed. K. Back. – Boulder, CO : Westview Press, 1980. Pp. 97–120.
41. Shifman L. Memes in digital culture. Cambridge, MA : MIT Press, 2014.
42. Sliter M., Kale A., Yuan Z. Is humor the best medicine? The buffering effect of coping humor on traumatic stressors in firefighters // Journal of Organizational Behavior. 2013. 35. Pp. 257–272.
43. Szabo A. The Acute Effects of Humor and Exercise on Mood and Anxiety // Journal of Leisure Research. 2003. 35 (2). Pp. 152–162. DOI: 10.1080/00222216.2003.11949988.

Crisis-related Internet memes in the subjective assessment of people experiencing a midlife crisis

Shchukina Maria Alekseevna¹, Yakovleva Marina Aleksandrovna²

¹Doctor of Psychology, acting dean of the Faculty of Psychology, professor of the Department of Psychology, V. A. Almazov National Medical Research Center of the Ministry of Health of the Russian Federation.

Russia, Saint Petersburg. ORCID: 0000-0002-0834-3548. E-mail: corr5@mail.ru

²master of Psychology, V. A. Almazov National Medical Research Center of the Ministry of Health of the Russian Federation. Russia, Saint Petersburg. ORCID: 0009-0007-5009-5254. E-mail: postcard.psy@mail.ru

Abstract. Internet memes as an iconic element of digital culture require study not only as a communication tool, but also as a means of self-regulation in the process of living through age/personality crises.

The purpose of our study was to identify the features of the subjective assessment of crisis-related Internet memes in people with varying degrees of severity of symptoms of psychological crisis during middle adulthood. The study involved 53 people (29 women) aged 30–45 years, which corresponds to the period of middle adulthood, during which symptoms of regulatory crises characteristic of this age period may manifest themselves. To assess the psychological crisis burden, the Questionnaire "Experiencing a psychological crisis by a personality" by S. V. Dukhnovsky was used.; to study humor as a coping strategy, Martin's Humor Styles Questionnaire and a short version of the Coping Strategies Assessment Methodology SORE-30.

To study the perception of crisis-related Internet memes, 15 memes were consistently presented, which were evaluated by respondents using 20 adjectives for the characteristic description of the presented meme using the semantic differential method. A group with a pronounced crisis burden (n=24) was identified in the sample, which differs from the comparison group by a more frequent use of humor as a coping strategy and a preference for destructive humor; in evaluating memes, the group more often used characteristics, that indicate the clarity, sharpness, and closeness of the meme content in connection with their experiences: deep, vital, interesting, understandable, wise, and funny.

In the group with a reduced crisis load, memes describing the main features of the crisis period were more likely to cause confusion and were assessed as absurd, stupid, and far-fetched. The results of the study confirm the specificity of the perception and use of humor as a coping strategy in people with different psychological crisis loads during middle adulthood. The data obtained opens up prospects for the use of meme content in psychodiagnostic and counseling practice.

Keywords: crisis of middle adulthood, humor as a coping strategy, crisis experience, Internet meme, subjective assessment.

References

1. *Bi Kh. L. Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. 7th ed. M., Piter, 2018. 832 p.
2. *Vygotskiy L. S. Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. M., Smysl ; Eksmo, 2005. 1136 p.
3. *Dokinz R. Egoistichnyy gen* [The selfish gene] / transl. from English by N. O. Fomina. M., Mir (World), 1993. 316 p.
4. *Gvozdetskaya V. K. Psikhologicheskiye osobennosti i podderzhka vzroslykh v situatsiyakh normativnogo krizisa vzroslosti* [Psychological features and adult support in situations of normative crisis of adulthood] // *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya* – Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2016. Vol. 5. No. 6 A. Pp. 5–20.
5. *Gorbatov D. S. Sotsial'nyye manipulyatsii v internet-memakh: problemy identifikatsii* [Social manipulation in Internet memes: problems of identification] // *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty* – Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. 2020. No. 2. Pp. 14–22.
6. *Gorbatova Ye. A. Psikhologicheskoye soprovozhdeniye kliyentov, perezhivayushchikh krizis srednego vozrasta* [Psychological support for clients experiencing a midlife crisis] // *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty* – Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. 2020. No. 33 (1). Pp. 70–77.
7. *Dukhnovskiy S. V. Psikhodiagnostika : uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Psychodiagnosics : textbook and practice for universities]. M., Yurayt, 2024. 353 p.
8. *Ivanova Ye. M., Mitina O. V., Zaytseva A. S., et al. Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika stiley yumora R. Martina* [Russian-language adaptation of R. Martin's questionnaire of humor styles] // *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* – Theoretical and experimental psychology. 2013. Vol. 6. No. 2. Pp. 71–85.
9. *Ippolitova Ye. A. Osobennosti predstavlenii o zhiznennykh perspektivakh lichnosti v period krizisa serediny zhizni : dis. ... kand. psihol. nauk* [Peculiarities of ideas about the life prospects of a personality during the midlife crisis : dis. ... PhD in Psychol. Sciences]. Barnaul, 2005, 196 p.

10. Kon I. S. *V poiskakh sebya. Lichnost' i yeyo samosoznaniye* [In search of himself. Personality and its self-awareness]. M., Vldos, 2012. 335 p.
11. Kraig G. *Psikhologiya razvitiya* [Psychology of development]. SPb., Piter, 2000. 747 p.
12. Kronik A. A., Akhmerov R. A. *Kauzometriya: metody samopoznaniya, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti* [Causometry: methods of self-knowledge, psychodiagnosics and psychotherapy in the psychology of life path]. M., Smysl, 2008. 294 p.
13. Livekhud B. *Krizisy zhizni – shansy zhizni* [Crises of life – the chances of life]. M., Spiritual knowledge, 2012. 224 p.
14. Lysenko Ye. N. *Internet-memy v kommunikatsii molodezhi* [Internet memes in youth communication] // *Vestnik SPbGU. Ser.: Sotsiologiya – Bulletin of St. Petersburg State University. Ser.: Sociology*. 2017. Vol. 10. Is. 4. Pp. 410–424.
15. Maksimova S. A. *Novostnoy mem v internet-diskurse: spetsifika zhanra* [News meme in Internet discourse: the specifics of the genre] // *Aktual'nyye problemy lingvistiki i literaturovedeniya. Sb. mater. V (XIX) mezhdunar. konf. molodykh uchenykh / Pod red. Ye.O. Tret'yakova. Tomsk: Tomskiy gos. Universitet – Actual problems of linguistics and literary studies. Sat. mater. V (XIX) International Conference of Young Scientists / ed. by E. O. Tret'yakov. Tomsk, Tomsk State University, 2018. Pp. 73–74.*
16. Manukyan V. R. *K voprosu o krizise serediny zhizni* [On the issue of the midlife crisis] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Bulletin of the Saint Petersburg University. Ser. 12. 2008. Is. 4. Pp. 94–99.*
17. Meshcheryakov B. G. *Vzglyady L. S. Vygotskogo na nauku o detskom razviti* [L. S. Vygotsky's views on the science of child development] // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural and historical psychology*. 2008. No. 4 (3). Pp. 103–112.
18. Odintsova M. A., Radchikova N. P., Aleksandrova L. A. *SORE-30: psikhometricheskiye svoystva kratkoy versii russkoyazychnoy metodiki otsenki koping-strategii* [SORE30: psychometric properties of a short version of the Russian-language methodology for evaluating coping strategies] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya – Bulletin of the Moscow University. Ser. 14. Psychology*. 2022. No. 4. Pp. 247–275. DOI: 10.11621/vsp.2022.04.11.
19. *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya : uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Developmental psychology and age psychology : textbook and practical course for universities] / L. A. Golovey et al.; under the gen. ed. of L. A. Golovey. 2nd ed., ispr. M., Yurayt, 2024. 415 p.
20. *Psikhologiya srednego vozrasta, stareniya, smerti* [Psychology of middle age, aging, and death] / ed. by A. A. Rean. SPb., Prime-Euroznak, 2013. 277 p.
21. Ral'nikova I. A. *Psikhologicheskiye markery krizisa serediny zhizni u zhenshchin* [Psychological markers of the midlife crisis in women] // *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University, 2024. Vol. 6. No. 1. Pp. 103–112. Available at: <https://bpbpasu.ru/article/view/14915>.*
22. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. SPb., Piter, 1999. 720 p.
23. Ryzhkov K. L. *Klassifikatsiya internet-memov v realiyakh 2021 goda* [Classification of Internet memes in the realities of 2021] // *Kul'tura i iskusstvo – Culture and Art*. 2021. No. 9. Pp. 18–28. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.9.36456.
24. Solodnikov V. V., Solodnikova I. V. *"Krizis srednego vozrasta": teoreticheskaya interpretatsiya pe-rezhivayemogo opyta* ["Midlife crisis": a theoretical interpretation of the experience] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny – Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2009, (4). Pp. 178–202. Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2864>.
25. Frankl V. *Psikhoterapiya na praktike* [Psychotherapy in practice] // SPb., Rech' (Speech), 2001. 256 p.
26. Freyd Z. *Yumor* [Humor] // *Freyd Z. Khudozhnik i fantazirovaniye (sbornik rabot) – Freud Z. The artist and fantasy (collection of works)*. M., Respublika, 1995. Pp. 282–284.
27. Khukhlayeva O. V., Zikov E. V., Bazaeva G. V. *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya : uchebnik dlya vuzov* [Developmental psychology and age psychology : textbook for universities] / ed. by O. V. Khukhlaeva. M., Yurayt, 2025. 299 p.
28. Sharp D. *Krizis serediny zhizni. Zapiski o vyzhivanii* [The midlife crisis. Notes on survival]. M., Klass, 2007. 160 p.
29. Shmagina Yu. D. *Problema krizisa srednego vozrasta v otechestvennoy i zarubezhnoy nauke* [The problem of the midlife crisis in domestic and foreign science] // *Vestnik Kostromskogo gos. universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2017. No. 2. Pp. 97–99.
30. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. M., Flinta, 2006. 344 p.
31. Yung K. G. *Chelovek i yego simvoly* [Jung K.G. Man and his symbols] // transl. Sirenko I. N. M., Medkov S. B., 2016. 352 p.
32. Aslan E. *Days of our 'quarantined' lives: multimodal humour in COVID-19 internet memes* // *Internet Pragmatics*. 2022. 5 (2). Pp. 227–256.
33. Bischetti L., Canal P., Bambinia V. *Funny but aversive: A largescale survey of the emotional response to Covid-19 humor in the Italian population during the lockdown*. 2020. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102963.
34. Davison P. *The Language of Internet Memes* // *The Social Media Reader* / ed. M. Mandiberg. N. Y. : NYU Press, 2012. Pp. 120–134.

35. *Drury C.* The Function of Internet Memes in Helping EMS Providers Cope with Stress and Burnout // Undergraduate Honors Theses. 2019. P. 499.
36. *Flecha Ortiz J. A., Santos Corrada M. A., Lopez E., et al.* Analysis of the use of memes as an exponent of collective coping during COVID-19 in Puerto Rico // Media International Australia. 2021. Vol. 178 (1). Pp. 168 –181.
37. *Levinson D. J.* A conception of adult development // American Psychologist. 1986. (4). Pp. 3–13.
38. *McKenzie K. A., Kuiper N. A., Belanger K. A.* Cognitive appraisals and individual differences in sense of humor: Motivational and emotional implications // Personality and Individual Differences. 1995. 19 (3). Pp. 359–372.
39. *Miltner K. M.* Internet memes // The SAGE Handbook of Social Media / eds. J. Burgess, T. Poell, A. Marwick. N. Y. : Sage, 2018. Pp. 412–428.
40. *Perun P., Bielby D.* Structure and dynamics of the individual life course // Lifecourse: Integrative Theories and Exemplary Populations / ed. K. Back. – Boulder, CO : Westview Press, 1980. Pp. 97–120.
41. *Shifman L.* Memes in digital culture. Cambridge, MA : MIT Press, 2014.
42. *Sliter M., Kale A., Yuan Z.* Is humor the best medicine? The buffering effect of coping humor on traumatic stressors in firefighters // Journal of Organizational Behavior. 2013. 35. Pp. 257–272.
43. *Szabo A.* The Acute Effects of Humor and Exercise on Mood and Anxiety // Journal of Leisure Research. 2003. 35 (2). Pp. 152–162. DOI: 10.1080/00222216.2003.11949988.

Поступила в редакцию: 27.08.2025

Принята к публикации: 26.12.2025

Ментальные репрезентации мотивации в научном и обыденном сознании

Втюрина Татьяна Анатольевна

старший преподаватель кафедры психологии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-5006-362X. E-mail: vttanja@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования ментальных репрезентаций мотивации. Показана значимость исследования ментальных репрезентаций мотивации в связи с логикой развития научного знания, вызовами кризисного мира и развитием общественных практик. Работа выполнена в контексте научной школы психологии познания в области психологии. Цель исследования – выявление особенностей содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании. Объектом эмпирического исследования ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании являются 39 определений понятия «мотивация», представленных в учебниках и учебных пособиях по психологии. Выборка исследования состоит из 360 респондентов, распределенных по двум группам. Основная группа представлена 180 студентами-непсихологами, относящимися к представителям обыденного сознания. Для проверки гипотезы о том, что профессиональная психологическая подготовка изменяет ментальные репрезентации мотивации, сформирована группа сравнения, в которую вошли 180 студентов-психологов. Эмпирическое исследование выполнено на базе Вятского государственного гуманитарного университета (в настоящее время – Вятский государственный университет). Методы исследования: определения понятия, ассоциативный эксперимент, метод рисунка, а также метод контент-анализа и экспертной оценки. Результаты исследования: выявлен базовый набор формальных, функциональных, статусных, рефлексивных категорий, репрезентирующих мотивацию в научном и обыденном сознании; описаны сходства и различия в ядерно-периферической структуре ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании; показано, что психологическая подготовка в вузе изменяет содержание и структуру ментальных репрезентаций мотивации обыденного сознания.

Ключевые слова: ментальные репрезентации мотивации, научное сознание, обыденное сознание, студенты-психологи, студенты-непсихологи, управление мотивацией.

Введение. Актуальная задача изучения современной психологии – исследование субъективных отображений психических явлений [2; 10; 31; 33; 34], которые часто проводятся в терминах ментальных репрезентаций. В отечественной психологии ментальная репрезентация изучается как «результат отображения внешнего в виде системы сложившихся представлений, входящих в индивидуальный опыт субъекта» [22, с. 30]. Исследование ментальных репрезентаций психического позволяет определять особенности содержания и структуры вербальных и образных представлений человека о явлениях психики, а также строить субъективные модели психического во внутреннем мире [19; 21; 23; 25; 36].

Дальнейшая разработка проблемы ментальных репрезентаций психических явлений обусловлена логикой развития научного знания, вызовами кризисного мира и развитием общественных практик. Особенно значимы исследования ментальных репрезентаций психического для психолого-педагогического сопровождения процессов обучения и воспитания подрастающих поколений, управления действиями человека на производстве и в других сферах общественной жизни, а также согласования внешних форм организации деятельности с характеристиками и возможностями человека [13; 14; 24; 27].

В настоящее время, когда привычные ценностные ориентиры оказываются под угрозой, изучение внутренних психологических механизмов, побуждающих человека к действию и определяющих его поведение, приобретает особую значимость. Осознание личностью мотивационной составляющей своей психической жизни, и прежде всего смыслообразующих мотивов своего поведения и жизнедеятельности, укрепляет субъектность личности, делает ее социально ответственной и жизнестойкой. Выявление особенностей и закономерностей отображения мотивации в научном и обыденном сознании может содействовать развитию понимания человеком самого себя, развитию его способности к управлению собой и своими мотивами, то есть, по сути, содействовать становлению человека как автора самого себя и своей жизни [17].

К настоящему времени проведены исследования ментальных репрезентаций эмоций [1; 20; 29]; психических состояний [21]; психологических терминов [8] и др. В ряде работ показана роль ментальных репрезентаций как психологических механизмов социального познания, успешности личности, регуляции деятельности [28; 35; 37]. Анализ литературы показал, что до настоящего времени предметом специальных научных исследований не выступали ментальные репрезентации мотивации.

Познавательная ситуация в психологии мотивации в целом определяется как достаточно сложная и противоречивая [16]. Противоречия, в частности, касаются следующих аспектов:

– мотивация признаётся одной из самых интригующих, загадочных и сложно поддающихся измерению областей современной психологии [26, с. 10], что требует применения релевантных подходов к изучению ее проявлений в индивидуальном опыте. Но вместе с тем изучение мотивации в большей степени направлено на содержание теорий мотивации, чем на процесс разработки психологических идей о данном феномене и вопросы представлений о мотивации как результате их отображения в индивидуальном опыте субъекта [11, с. 5], что затрудняет понимание этого феномена;

– в настоящее время существует запрос общественной практики на «управление мотивацией» человека [24; 26]; утверждается, что для того, чтобы влиять на поведение человека, в отличие от управления машинами, необходимо воздействовать на его мотивацию [15, с. 5]. Вместе с тем запрос на управление мотивацией не подкрепляется знанием о том, как представлен данный феномен в общественном и индивидуальном сознании. Незавершенность проблемы ментальных репрезентаций мотивации сдерживает решение других вопросов психологии личности, в том числе разработки психотехник управления собой и другими людьми, развития и саморазвития личности.

Устранение этих противоречий является важной научной задачей, решение которой потребовало разработки концептуальной модели ментальных репрезентаций мотивации и проведения эмпирических исследований. Проблема исследования, которое является первым в этом плане, определена нами следующим образом: каковы особенности содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании?

Методы и материалы. Целью исследования, выполненного с опорой на достижения научной школы психологии познания в области психологии [11], стало выявление особенностей содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании.

Мы исходили из следующих предположений:

- 1) ментальные репрезентации мотивации в научном сознании представлены базовыми категориями, отражающими содержательные и динамические аспекты мотивации;
- 2) структура ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании представлена более устойчивым ядром и относительно вариативной периферией;
- 3) содержание и структура ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании имеют как общее, так и особенное в сравнении с содержанием и структурой ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании;
- 4) профессиональная психологическая подготовка изменяет содержание и структуру ментальных репрезентаций мотивации обыденного сознания.

В качестве объекта эмпирического исследования ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании выступили 39 определений понятия «мотивация», извлеченных из 36 учебников и учебных пособий по психологии, изданных в Российской Федерации в период с 2000 по 2012 год. В исследовании ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании приняли участие 360 респондентов, распределенных по двум группам. Основную группу исследования составили 180 студентов-непсихологов Вятского государственного гуманитарного университета (в настоящее время – Вятский государственный университет), обучающихся по специальностям «Русский язык и литература», «Математика», «Физика», «Управление персоналом», «Дизайн», в возрасте от 17 до 24 лет ($M = 20,3$; $SD = 1,5$), в том числе 70 мужчин. Для проверки гипотезы о том, что профессиональная психологическая подготовка изменяет ментальные репрезентации мотивации обыденного сознания, была сформирована группа сравнения, в которую вошли 180 студентов-психологов в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 21,6$; $SD = 1,6$), в том числе 48 мужчин.

Изучение ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании осуществлялось с использованием метода контент-анализа определений понятия «мотивация». Исследование

ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании (на материале студентов-непсихологов) осуществлялось с применением метода рисунка, ассоциативного эксперимента, метода определения понятия. Исследование проводилось в групповой форме в рамках учебных занятий. Работа велась последовательно с поэтапным предъявлением следующих инструкций: 1) «Вам необходимо нарисовать образ к слову “мотивация”. Нам интересно, как вы представляете данное слово. Ваше умение или неумение рисовать не имеет значения. Рисунок может быть любого характера. Время рисования ограничено семью минутами». 2) «Напишите, пожалуйста, не менее пяти ассоциаций, слов, которые приходят вам в голову, когда вы слышите слово “мотивация”». 3) «Дайте, пожалуйста, определение понятию “мотивация”. Обратите внимание на то, что нет правильных и неправильных ответов. Нам интересно, как вы понимаете данное слово. Любые предложенные вами определения нам в равной мере интересны».

При обработке протоколов респондентов, содержащих определения студентами понятия «мотивация», их ассоциаций к слову «мотивация», рисунков, отражающих представления студентов о мотивации, применялся метод контент-анализа. Объективность результатов эмпирических данных достигалась за счет применения метода экспертной оценки. Математическая обработка данных включала методы описательной статистики, непараметрический критерий различий (φ – угловое преобразование Фишера), корреляционный анализ (ранговый коэффициент Спирмена). Для анализа совместной встречаемости элементов в тексте использовалась методика Ч. Осгуда; ядерно-периферическая структура ментальных репрезентаций мотивации исследовалась с помощью прототипического анализа П. Вержеса. Расчеты осуществлялись в программе SPSS 13.0. for Windows, Excel.

Результаты исследования. По результатам историко-психологического анализа феномена мотивации выделены теоретические положения, характеризующие содержание концептуальной модели ментальной репрезентации мотивации (табл. 1).

Таблица 1

Теоретические положения и содержание концептуальной модели ментальной репрезентации мотивации

Теоретические положения	Содержание концептуальной модели ментальной репрезентации мотивации
Мотивация является совокупностью факторов (Мадсен, 1959; Годфруа, 1992; Платонов, 1986; Ковалев, 1988)	<i>Целостность</i> – указание на целостность, единство мотивационных процессов
Мотивация является процессом (Магомед-Эминов, 1998; Ильин, 2006)	<i>Динамика</i> – указание на изменчивость мотивации, мотивацию как динамический процесс
Мотивация как энергетический и направляющий моменты (Имедадзе, 1986; Бойко, 1996; Пиаже; Гальперин, 2002)	<i>Энергия</i> – указание на энергетический аспект мотивации
Мотивация как феномен, направляющий поведение, определяющий ее целенаправленность	<i>Влияние</i> – указание на направляющие аспекты мотивации
Мотивация как феномен, детерминирующий человеческое поведение (Занюк, 2001)	<i>Объект мотивации</i> – указание на то, в отношении чего поведение инициируется, направляется
Мотивационные процессы в контексте личности (Леонтьев Д. А., 2002); личность выступает как ядро широко понимаемой мотивации	<i>Носитель мотивации</i> – указание на того, кто продуцирует мотивацию, без которого она не существует

Опираясь на представления о структурно-уровневой организации ментальных репрезентаций психических явлений [7; 22] и знание о содержательных и формальных направлениях изучения мотивации, мы сконструировали концептуальную модель ментальной репрезентации мотивации (рис. 1).

Ментальные репрезентации мотивации в научном сознании. Анализ определений понятия «мотивация», содержащихся в учебниках и учебных пособиях по психологии, осуществляемый методом контент-анализа, показал: 1) все категории концептуальной модели ментальной репрезентации мотивации имеют эмпирическое наполнение; 2) для первого порядка определений доминируют формальные категории (*Целостность, Динамика*), для второго порядка определений (то есть при уточнении и дополнении основных признаков мотивации) – функциональные (*Влияние, Энергия*) (табл. 2). Ядро ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании представлено категориями, отражающими формальные и функциональные основания понимания мотивации.

Рис. 1. Концептуальная модель ментальной репрезентации мотивации

Таблица 2

Частота встречаемости категорий контент-анализа научных определений понятия «мотивация» в % и с указанием ранга

Классы категорий	Категории контент-анализа научных определений	Число случаев, когда лексическая единица стоит на первом месте (1-й порядок); n = 39		Число случаев, когда лексическая единица стоит на втором месте (2-й порядок); n = 152	
		%	ранг	%	ранг
Формальные	Целостность	41,03	1,5	0,66	7
	Динамика	41,03	1,5	14,47	4
Функциональные	Энергия	15,38	3	23,03	3
	Влияние	2,56	4	27,64	1
Рефлексивные	Интерпретация	-	-	1,97	6
Статусные	Носитель мотивации	-	-	8,55	5
	Объект мотивации	-	-	23,68	2

Примечание. В % от общего количества лексических единиц анализа.

Проведенный анализ содержания и ядерно-периферической структуры ментальных репрезентаций мотивации позволил получить уточненную четырехкомпонентную модель ментальных репрезентаций мотивации, включающую классы *формальных, функциональных, статусных и рефлексивной* категорий (рис. 2).

Рис. 2. Модель ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании

Примечание. Полужирным шрифтом выделены элементы, принадлежащие ядру ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании; курсивом – принадлежащие зоне потенциальных изменений.

Формальные категории отображают мотивацию в статике (*Целостность*) или динамике (*Динамика*); функциональные категории описывают ее функционирование (*Энергия*, *Влияние*); статусные категории предполагают рассмотрение либо субъекта мотивации (*Носитель мотивации*), либо ее объекта (*Объект мотивации*); рефлексивная категория поясняет процесс и результат познания мотивации (*Интерпретация*). Уточненная в результате эмпирического исследования модель в сравнении с предварительно разработанной моделью дополнилась рефлексивной категорией, которая, в соответствии с позицией авторов научных определений, указывает на *истолковывающую и разъясняющую* стороны мотивации.

Приведем примеры использования различных категорий при определении понятия «мотивация» в трех учебниках и учебных пособиях.

1. Мотивация – это совокупность, система психологически разнородных факторов, детерминирующих поведение и деятельность человека [6].

2. Мотивация – это энергетический момент, то, что придаёт силы, интенсивность работе испытуемого [5].

3. Мотивация – это психологические факторы, которые побуждают, направляют, поддерживают и прекращают специфические виды деятельности [18].

Мы видим, что в первом определении понятия мотивации использованы слова, которые являются категориями *Целостность* (совокупность, система), *Влияние* (фактор, детерминирующих), *Объект мотивации* (поведение, деятельность) и *Носитель мотивации* (человек); во втором определении – *Энергия* (энергетический момент, сила, интенсивность), *Влияние* (придаёт), *Объект мотивации* (работа) и *Носитель мотивации* (испытуемый); в третьем определении – *Влияние* (факторы), *Энергия* (побуждают, поддерживают, прекращают), *Объект мотивации* (деятельность).

Ментальные репрезентации мотивации в обыденном сознании. Контент-анализ определений понятия «мотивация», предложенных студентами-непсихологами, показал, что содержание ментальных репрезентаций мотивации в этих определениях также представлено «набором» формальных функциональных, статусных, рефлексивной категорий. Формальные категории «прирастают» категорией *Неопределенность явления* («то, что...»), отражающей затруднения, возникшие при определении студентами-непсихологами понятия мотивации (табл. 3).

Таблица 3

Частота встречаемости категорий контент-анализа определений понятия «мотивация», предложенных студентами-непсихологами, в % и с указанием рангов

Классы категорий	Категории контент-анализа научных определений	Число случаев, когда лексическая единица стоит на первом месте (1-й порядок); n = 180		Число случаев, когда лексическая единица стоит на втором месте (2-й порядок); n = 467	
		%	ранг	%	ранг
Квазикатегория	Неопределенность явления	15,00	3	–	–
Формальные	Целостность	7,22	4,5	–	–
	Динамика	6,67	6	16,70	3
Функциональные	Энергия	29,44	2	15,42	5
	Влияние	34,44	1	17,77	2
Рефлексивные	Интерпретация	7,22	4,5	0,64	6
Статусные	Носитель мотивации	–	–	15,63	4
	Объект мотивации	–	–	33,83	1

Примечание. В % от общего количества лексических единиц анализа.

Как видно из табл. 3, первый порядок определений понятия «мотивация», предложенных студентами-непсихологами, характеризуется большей частотой встречаемости функциональных категорий (*Влияние*, *Энергия*) и квазикатегории (*Неопределенность явления*), второй порядок – статусной (*Объект мотивации*) и функциональной (*Влияние*) категориями. Ядро ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании представлено категориями, отражающими функциональные (*побуждение*, *причина*) основания понимания мотивации, а также квазикатегорией («то, что»).

Проведенный анализ позволил уточнить и дополнить модель ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании (рис. 3).

Рис. 3. Модель ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании

Примечание. Полужирным шрифтом выделены элементы, принадлежащие ядру ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании; курсивом – принадлежащие зоне потенциальных изменений.

Приведем примеры определений мотивации студентами-непсихологами.

1. «Мотивация – это внутреннее побуждение человека к определенному действию».
2. «Мотивация – это комплекс причин, влияющих на человека, осознанные им и нуждающие его к какой-либо деятельности».
3. «Мотивация – это то, что заставляет меня работать, действовать (внутренний толчок, что-то важное для меня)».

Сравнительный анализ ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании. Сравнение количественных показателей единиц анализа, выявленных в научных определениях мотивации и определениях мотивации, сформулированных студентами-непсихологами, показало, что ментальные репрезентации мотивации в научном сознании характеризуются большим уровнем обобщенности и структурированности в сравнении с ментальными репрезентациями мотивации в обыденном сознании (табл. 4).

Таблица 4

Количественные показатели единиц анализа, выявленных в научных определениях мотивации и определениях мотивации, сформулированных студентами-непсихологами

Показатели	Результаты анализа научных определений		Результаты анализа определений, предложенных студентами-непсихологами	
	1-й порядок	2-й порядок	1-й порядок	2-й порядок
Кол-во анализируемых понятий	39	152	180	467
Словарь различных (неповторяющихся) понятий	10	58	54	144
Доля понятий, преодолевших 5% барьер упоминания	50%	8,6%	7,4%	2,08%
	$\varphi = 2,963, p \leq 0,01$		$\varphi = 1,847, p \leq 0,05$	

Соотнесение категорий, определяющих содержание ментальных репрезентаций мотивации, позволило выявить базовый набор категорий, характерных как для научного, так и для обыденного сознания: *Целостность, Динамика, Энергия, Влияние, Интерпретация, Носитель мотивации, Объект мотивации*. В обыденном сознании из-за затруднений в отображении сущности мотивации наличествует квазикатегория (*Неопределенность явления*).

Сравнительный анализ с использованием φ -критерия Фишера показал, что ментальные репрезентации мотивации в научном сознании тяготеют к отображению формальных осно-

ваний мотивации (*Целостность, Динамика*) с привлечением сущностных категорий, отображающих функции мотивации (*Влияние, Энергия*), тогда как ментальные репрезентации мотивации в обыденном сознании тяготеют к описаниям феномена мотивации в его функционировании (*Энергия, Влияние*) с привлечением статусных элементов (*Носитель мотивации, Объект мотивации*).

Элементы ядерно-периферической структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании выявляют общие классы категорий, однако между ними наблюдаются различия в частоте их актуализации. В научном сознании значимо чаще встречается обращение к категориям *Динамика* ($\varphi = 1,72$; $p \leq 0,05$), *Влияние* ($\varphi = 3,27$; $p \leq 0,01$). В обыденном сознании чаще актуализируются элементы категорий *Объект мотивации* ($\varphi = 3,24$; $p \leq 0,01$), *Носитель мотивации* ($\varphi = 3,05$; $p \leq 0,01$). Единственной категорией, не имеющей значимых различий по частоте встречаемости в научном и обыденном сознании, является категория *Энергия* ($\varphi = 0,39$; $p \geq 0,05$). Особенная для научного сознания – формальная категория *Целостность*, для обыденного сознания – квазикатегория (*Неопределенность явления*).

Результаты эмпирического исследования ментальных репрезентаций мотивации у студентов-непсихологов и студентов-психологов. Анализ ментальных репрезентаций мотивации в целом на выборке студентов проводился на понятийном, ассоциативном и образном уровнях репрезентирования. Результаты на каждом из уровней репрезентирования подробно описаны в публикациях Т. А. Втюриной и Е. В. Левченко [4; 12]. В данной статье представим сравнительный анализ ментальных репрезентаций мотивации в подвыборках – группах студентов-непсихологов (представителей обыденного сознания) и студентов-психологов (обладателей переходного – от обыденного к научному – сознания). В ходе количественного анализа данных в обеих группах были обнаружены тенденции, устойчиво характеризующие выбор лексических единиц на всех трех уровнях репрезентирования мотивации (табл. 5).

Таблица 5

**Количественные показатели единиц контент-анализа
на разных уровнях репрезентирования мотивации у студентов-непсихологов
и студентов-психологов**

Уровни репрезентации	Общее кол-во единиц анализа		Единицы анализа, преодолевшие 5%-ный барьер упоминания			
			в % от общего кол-ва единиц анализа		Ф-критерий Фишера	уровень значимости
	студенты-непсихологи	студенты-психологи	студенты-непсихологи	студенты-психологи		
Понятийный	647	740	59,2	63,6	1,67	$p \leq 0,05$
Ассоциативный	824	991	42,7	56,8	6,00	$p \leq 0,01$
Образный	1017	922	67,0	71,4	2,08	$p \leq 0,05$

Решая задачу экспликации ментального репрезентирования мотивации, студенты-психологи в сравнении со студентами-непсихологами используют большее разнообразие средств на вербальном (понятийном и ассоциативном) уровне. Частота использования стандартных (стереотипных) единиц, куда входят и элементы, преодолевшие 5%-ный барьер упоминания, у студентов-психологов также значительно выше, чем у студентов-непсихологов. Это говорит о большем единообразии единиц анализа у студентов-психологов, обеспечивающем экономность хранения знаний.

Качественный анализ показал, что для студентов-непсихологов и студентов-психологов имеется общее направление в репрезентировании мотивации, которое заключается в двух основных аспектах. Во-первых, представление мотивации как энергетической категории, отражающей ее побудительную функцию в деятельности. Во-вторых, трактовка мотивации через приму категории влияния, которая играет важную роль в поддержании, сохранении и направлении энергии (рис. 4).

При этом категория *Энергия*, представленная понятиями *мотив, побуждение, желание, стремление, потребность, интерес, необходимость, заинтересованность, радость/улыбка, грусть/слезы*, чаще актуализируется у студентов-психологов. Для студентов-непсихологов предпочтительней обращение к категории *Влияние*, представленной понятиями *заставляет, способ привлечения, цель, причина*.

Рис. 4. Структурная организация ментальных репрезентаций мотивации на понятийном, ассоциативном и образном уровнях у студентов-непсихологов и студентов-психологов

Обсуждение результатов. Цель предпринятого исследования состояла в том, чтобы выявить особенности содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании. На основании идеи о том, что содержание ментальных репрезентаций имеет категориальную организацию, фиксирующую принадлежность понятия к некоторому семантическому классу [3; 9], была сконструирована концептуальная модель ментальных репрезентаций мотивации, отражающая структурированные связи и принадлежность понятия «мотивация» к классам категорий. Эта модель демонстрирует особенности репрезентации мотивации как в научном, так и в обыденном сознании, подчеркивая универсальность и структурированность ее категориальной основы. Инвариантными категориями ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании являются категории *Целостность*, *Динамика*, *Энергия*, *Влияние*, *Интерпретация*, *Носитель мотивации*, *Объект мотивации*. Особой категорией ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании является квазикатегория, получившая название «*Неопределенность явления*». В психологии принято считать, что к категории *Неопределенность явления* обыденное сознание прибегает, если человек испытывает затруднения в отображении какого-либо явления, в нашем случае мотивации. Обнаруженные сходства и различия в ментальных репрезентациях мотивации в научном и обыденном сознании подтверждают основную идею А. В. Юревича о том, что научное и обыденное познание взаимно дополняют друг друга, образуя единую, целостную систему человеческого понимания мира [32]. Эти два уровня познания развиваются в постоянном режиме: обыденное сознание служит базой и контекстом для развития научных знаний, научное мышление систематизирует и углубляет знания, накопленные в повседневном опыте. А. В. Юревич пишет, что, «став ученым, человек не перестает быть субъектом обычного донаучного опыта и связанной с ним практической деятельности. Поэтому система смыслов, обслуживающих эту деятельность и включенных в механизм обычного восприятия, принципиально не может быть вытеснена предметными смыслами, определяемыми на уровне научного познания» [32, с. 171].

Анализ содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании показал, что в научном сознании с большей частотой встречаются классы *формальных категорий*, описывающие мотивацию целостно, в единстве ее компонентов (в тенденции более выражен эффект иерархизации), тогда как в структуре ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании с большей частотой встречаются классы *функциональных категорий*, указывающие на проявления описываемого феномена (в тенденции более выражен эффект дифференциации). Обыденное сознание в попытках определения понятия «мотивация» не достигает уровня абстракции, свойственного научному. Человек спонтанно усваивает содержание понятия «мотивация» в процессе социализации, обучения, воспитания, через демонстрируемые другими образцы поведения и деятельности, через художественные произведения, но не воспринимает и не осознаёт содержание данного понятия во всей его полноте, хотя и понимает его на достаточном для функционирования в социуме уровне. Можно сказать, что «человек с улицы» имеет о мотивации имплицитное (неявное) знание. Для ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании характерны конкретные примеры,

использование «наблюдаемых», внешних проявлений мотивации, парциально отражающих мотивацию категорий, при почти полном отсутствии обобщающих определений.

С точки зрения когнитивного анализа, когда человек сталкивается с необходимостью определить, что такое «мотивация», он пытается «развернуть» объем этого понятия. Так как варианты ментальных репрезентаций мотивации различны у разных людей, то каждый из них вынужден адаптироваться к имеющимся условиям или пытаться осмыслить происходящее и искать новые способы понять происходящее. Полученные результаты согласуются с мнением М. А. Холодной, которая считает, что ментальные репрезентации – это оперативная форма ментального опыта, которая зависит от ситуации и формируется в конкретных условиях для достижения определенных целей [30].

Полученные в представленном исследовании результаты дополняют научные знания о структурно-интегративной методологии в изучении феномена мотивации через разработку концептуальной модели ментальных репрезентаций мотивации; подтверждают положения структурно-интегративной методологии, развиваемой в исследовании психических явлений М. А. Холодной, в частности, положение о том, что «любое психическое явление имеет структурное основание, т. е. выступает в качестве реально существующей психической структуры, состоящей из отдельных частей (элементов), которые находятся в определенных соотношениях между собой. При этом сами части (элементы) обладают определенной спецификой, природа которой накладывает существенные ограничения на системные свойства целостного психического объекта. Иными словами, целое меньше своих частей в том смысле, что целое оказывается в определенной мере зависимым как от природы частей (элементов), так и от характера их взаимосвязи. С этой точки зрения, при исследовании структуры того или иного психического явления на первый план выходят характеристики его состава и строения» [31, с. 52].

Особого внимания заслуживают данные, свидетельствующие о том, что профессиональная психологическая подготовка в вузе изменяет содержание и структуру ментальных репрезентаций мотивации обыденного сознания. Студенты-психологи и студенты-непсихологи при репрезентировании мотивации пользуются схожими, но не идентичными словарями. У студентов-психологов функционирует более «богатый», психологически содержательный вариант ментальных репрезентаций мотивации за счет того, что они включают больше деталей о внутренней, глубинно-психологической стороне мотивации. У студентов-непсихологов словарь чаще включает понятия, описывающие мотивацию с позиции внутреннего наблюдателя (*желание, стремление, интерес, достижение*), в то время как у студентов-непсихологов – с позиции внешнего наблюдателя (*мотив, потребность, стимул, результат*). Это подтверждает научные представления о роли профессионального психологического образования в трансформации житейских понятий о мотивации в научные.

Заключение. Исследование ментальных репрезентаций мотивации позволяет прояснить существующие в научном и обыденном сознании представления человека о мотивации как психическом явлении через описание ее содержания и структуры с позиции внутреннего наблюдателя. На основе историко-психологического анализа изучения феномена мотивации разработана концептуальная модель ментальных репрезентаций мотивации, которая включает три класса категорий, в их числе – формальные, функциональные и статусные категории. Данные категории выступают в качестве «хранилища» ментальных репрезентаций мотивации.

Эмпирическая проверка концептуальной модели ментальной репрезентации мотивации подтвердила первоначально выдвинутые нами гипотезы и позволила сделать следующие выводы.

1. Ментальные репрезентации мотивации представлены в научном психологическом знании в виде классов формальных, функциональных, рефлексивных и статусных категорий, выстроенных по иерархическому принципу. Класс формальных категорий отражает целостность и динамические характеристики мотивации. Класс функциональных категорий – энергетические и направляющие характеристики мотивации. Класс рефлексивных категорий представляет истолкование и разъяснение смысла мотивации. Класс статусных категорий содержит представления о том, кто продуцирует мотивацию, и определяет объект или процесс, на которые направлена мотивация.

2. Ядерно-периферическая структура ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании охватывает все классы категорий – формальные, функциональные, рефлексивные, статусные. В ядре этой структуры представлены категории, отражающие основные формальные (*Целостность, Динамика*) и функциональные (*Энергия*) основы понимания мотивации. Зона потенциальных изменений представлена преимущественно категориями, отражающими многообразие источников и механизмов формирования и функционирования мотивации.

3. Сравнение ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании выявило их общие и особенные черты в содержании и структуре:

– ментальные репрезентации мотивации в научном и обыденном сознании включают одни и те же базовые категории (*Целостность, Динамика, Энергия, Влияние, Интерпретация, Носитель мотивации, Объект мотивации*). Отличительной категорией в обыденном сознании является квазикатегория *Неопределенность явления*, которая отражает трудности «человека с улицы» в описании мотивации;

– ментальные репрезентации мотивации в научном сознании в сравнении с обыденным демонстрируют больший уровень обобщенности и структурированности. Для ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании характерна большая дифференциация в понимании феномена «мотивация», проявляющаяся в снижении уровня обобщенности и целостности описания, появлении дополнительных категорий (квазикатегория *Неопределенность явления*) и увеличении количества используемых подкатегорий;

– в научном сознании прослеживается направленность к познанию мотивации через введение его в систему более общей логической категории, через обращение к категориям высокого уровня обобщенности (класс формальных категорий), в обыденном сознании – через обращение к конкретным признакам мотивации, к понятиям, репрезентирующим мотивацию на более низком уровне обобщенности (классы функциональных и статусных категорий).

4. Ядерно-периферическая структура ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании имеет свои особенности. В научном сознании ядро структуры ментальных репрезентаций мотивации образовано элементами, принадлежащими категориям *Целостность* (совокупность), *Динамика* (процесс), *Энергия* (мотив, побуждение); в обыденном сознании – категориям *Энергия* (побуждение), *Влияние* (причина).

5. Анализ ментальных репрезентаций мотивации у студентов-непсихологов и студентов-психологов позволил проследить изменения и выделить их общее и особенное в содержании и структуре:

– при отображении феномена мотивации студенты-психологи и студенты-непсихологи пользуются одним и тем же базовым набором категорий, репрезентирующим понятие «мотивация». Функциональные категории *Энергия* и *Влияние* имеют большую выраженность в сравнении с формальными и статусными категориями;

– частота обращения к категориям *Динамика, Объект мотивации, Неопределенность явления* не зависит от наличия профессиональной психологической подготовки. Частота обращения к категориям *Энергия* и *Влияние* изменяется при овладении научно-психологическими знаниями. Для студентов-психологов предпочтительным является использование категории *Энергия*, для студентов-непсихологов – категории *Влияние*.

Исследование подтверждает возможность применения полученных результатов для разработки психотехнологий, обеспечивающих содействие личности в осознании своей мотивационной сферы и управлении ею. Представления об особенностях ядерно-периферической структуры ментальных репрезентаций мотивации могут служить основанием для развития научных представлений о мотивации у профессиональных психологов и студентов. Полученные в исследовании данные могут быть применены в преподавании дисциплин «Общая психология», «Методологические основы психологии», «Методика преподавания психологии», «Психология личности» при освещении вопросов о существовании различных подходов к описанию психической реальности, а также при рассмотрении влияния житейских и научных психологических знаний о мотивации на состояния, поведение и деятельность человека.

Список литературы

1. Азанова И. Н., Левченко Е. В. О перспективах эмпирического исследования динамики эмоций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3 (31). С. 428–436. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-428-436.
2. Алишев Б. С. Понятие представление в современной психологии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 6. С. 141–154.
3. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания : в 2 т. Т. 2. М. : Academia : Смысл, 2006. 432 с.
4. Втюрина Т. А., Левченко Е. В. Структурно-уровневая организация ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 3. С. 192–202.
5. Гальперин П. Я. Лекции по психологии : учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд. М. : КДУ, 2005. 400 с.
6. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М. : Логос, 2004. 384 с.

7. Карпов А. В., Карпов А. А. Системная методология как основа разработки проблемы метакогнитивных способностей личности // Системная психология и социология. 2014. № 3 (11). С. 11–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22561762> (дата обращения: 31.07.2024).
8. Кильченко О. И. Ментальная репрезентация психологических терминов : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2003. 240 с.
9. Лакофф Д. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1996. С. 143–184.
10. Левченко Е. В. Психологическое познание как предмет исследования // Вестник Пермского университета. Серия: Психология. 2009. № 2 (28). С. 4–28.
11. Левченко Е. В. Психология познания в области психологии: постулаты и результаты // Психологическое познание: актуальные проблемы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 27 ноября 2008 г. / Перм. гос. ун-т. Пермь : ПГУ, 2008. С. 5–13.
12. Левченко Е. В., Втюрина Т. А. Ментальные модели мотивации у студентов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1 (1). С. 149–157.
13. Лобанов А. П. Ментальные репрезентации как критерий интеллектуального развития обучающихся : автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07, Минск, 2014. 46 с.
14. Лобанова Т. Н., Захарова Л. Н., Леонова И. С. Психология в управлении персоналом: новый баланс // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 1. С. 248–269. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48522972> (дата обращения: 02.08.2024).
15. Мерлин В. С. Лекции по психологии мотивов человека : учеб. пособие для спецкурса / Перм. гос. пед. ин-т ; Уральское отд-ние О-ва психологов СССР. Пермь : [б. и.], 1971. 120 с.
16. Мешков Н. И., Мешков Д. Н. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 1 (78). С. 37–43. DOI: 10.15507/Inted.078.019.201501.037.
17. Низовских Н. А. Человек как автор самого себя: психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. М. : Смысл, 2007. 255 с.
18. Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Психология : учеб. для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2012. 575 с.
19. Панюкова Ю. Г. Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды: системно-структурная организация, возрастные и индивидуальные особенности : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. М., 2004. 386 с.
20. Подпругина В. В. Ментальные репрезентации эмоции гнева у младших подростков: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 6 (785). С. 152–169. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36294058> (дата обращения: 06.08.2024).
21. Прохоров А. О. Ментальные репрезентации психических состояний. М. : Институт психологии РАН, 2021. 186 с.
22. Прохоров А. О. Ментальные репрезентации психических состояний: теоретические и экспериментальные аспекты // Познание и переживание. 2021. Т. 2, № 2. С. 28–52. DOI: 10.51217/cogexp_2021_02_02_02.
23. Ребеко Т. А. Ментальная репрезентация // Разработка понятий современной психологии. Сер. Методология, история и теория психологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2021. С. 201–235.
24. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией : учеб. пособие для студ. вузов / пер. с англ. Е. Э. Лалаян. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 399 с.
25. Сергиенко Е. А. Модель психического как интегративное понятие в современной психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 7.
26. Сидоренко Е. В. Мотивационный тренинг : практ. руководство. СПб. : Речь, 2005. 233 с.
27. Ткач Е. Н., Гончарова Е. Н. Актуальные проблемы психологии мотивации : монография. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 127 с.
28. Уланова А. Ю., Сергиенко Е. А. Развитие представлений о ментальном и физическом в пересказах детей дошкольного возраста // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru> (дата обращения: 01.08.2024).
29. Федосина С. С. Концептуальные ментальные репрезентации эмоций как класса у студентов-фармацевтов // Психология психических состояний : сб. материалов XVII Всерос. науч.-практ. конф. для студ., магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов. Вып. 17. Казань, 2023. С. 340–344.
30. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
31. Холодная М. А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. 288 с.
32. Юревич А. В. Психология и методология. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 312 с.
33. Hoemann K. et al. Expertise in emotion: A scoping review and unifying framework for individual differences in the mental representation of emotional experience // Psychological Bulletin. 2021. Vol. 147, No. 11. P. 1159.
34. Kaup B. et al. Modal and amodal cognition: an overarching principle in various domains of psychology // Psychological Research. 2024. Vol. 88, No. 2. Pp. 307–337.
35. Klyoster A. M., Shnyakina N. J. The event concept categorial network // International Conference on Linguistic and Cultural Studies. Cham : Springer International Publishing, 2017. Pp. 260–265. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-67843-6_31 (дата обращения: 28.08.2024).

36. Van Ments L., Treur J. Reflections on dynamics, adaptation and control: a cognitive architecture for mental models // *Cognitive Systems Research*. 2021. Vol. 70. Pp. 1–9. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1389041721000425> (дата обращения: 27.08.2025).

37. Wellman H. M. The Development of Theory of Mind: Historical Reflections // *Child Development Perspectives*. 2017. Vol. 11, No. 3. Pp. 207–214. DOI: 10.1111/cdep.12236.

Mental representations of motivation in scientific and everyday consciousness

Vtyurina Tatyana Anatolyevna

senior lecturer of the Department of Psychology, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-5006-362X. E-mail: vtanja@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a theoretical and empirical study of mental representations of motivation. The significance of the study of mental representations of motivation in connection with the logic of the development of scientific knowledge, the challenges of a crisis world and the development of social practices is shown. The work is carried out in the context of the scientific school of psychology of knowledge in the field of psychology, addressed to the study of the phenomenology and patterns of cognition of mental phenomena and their displays. The purpose of the study is to identify the features of the content and structure of mental representations of motivation in scientific and everyday consciousness. The object of the empirical study of mental representations of motivation in the scientific consciousness was 39 definitions of the concept of "motivation" presented in textbooks, teaching aids and monographs on psychology. The sample of the study consisted of 360 respondents, divided into two groups. The main group for the study of mental representations of motivation in everyday consciousness was represented by 180 non-psychology students. To test the hypothesis that professional psychological training changes mental representations of motivation, a comparison group was formed, which included 180 psychology students. The empirical study was carried out on the basis of the Vyatka State Humanitarian University (currently "Vyatka State University"). The research methods were the method of defining the concept, free associative experiment, drawing method, content analysis method, expert assessment method. As a result of the study, a basic set of categories representing motivation in scientific and everyday consciousness was identified: formal (Integrity, Dynamics), functional (Energy, Influence), status (Carrier of motivation, Object of motivation), reflexive (Interpretation). A significant result was the identification and description of similarities and differences in the core-peripheral structure of mental representations of motivation in scientific and everyday consciousness. It is shown that professional psychological training at a university changes the content and structure of mental representations of motivation in everyday consciousness.

Keywords: mental representations, motivation, scientific consciousness, everyday consciousness, professional psychological training, psychology students, non-psychology students, motivation management, personality subjectivity

References

1. Azanova I. N., Levchenko E. V. *O perspektivakh empiricheskogo issledovaniya dinamiki emotsii* [On the Prospects of Empirical Research of the Dynamics of Emotions] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* – Herald of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2017. No. 3 (31). Pp. 428–436. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-428-436.
2. Alishev B. S. *Ponyatie predstavlenie v sovremennoi psikhologii* [The Concept of Representation in Modern Psychology] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2014. Vol. 156. No. 6. Pp. 141–154.
3. Velichkovskii B. M. *Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya. V 2 t. T. 2.* [Cognitive Science. Fundamentals of the Psychology of Knowledge. In 2 vols. Vol. 2]. M., Academia : Smysl, 2006. 432 p.
4. Vtyurina T. A., Levchenko E. V. *Strukturno-urovnevaya organizatsiya mental'nykh reprezentatsii motivatsii v obydennom soznanii* [Structural-level organization of mental representations of motivation in everyday consciousness] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2018. No. 3. Pp. 192–202.
5. Gal'perin P. Ya. *Lektsii po psikhologii : Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. 2-e izd.* [Lectures on Psychology : A Textbook for University Students. 2nd ed.]. M., KDU, 2005. 400 p.
6. Zimnyaya I. A. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. M., Logos, 2004. 384 p.
7. Karpov A. V., Karpov A. A. *Sistemnaya metodologiya kak osnova razrabotki problemy metakognitivnykh sposobnostei lichnosti* [Systems methodology as a basis for developing the problem of metacognitive abilities of the individual] // *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya* – Systems psychology and sociology. 2014. No. 3 (11). Pp. 11–19. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22561762> (date accessed: 31.07.2024).
8. Kil'chenko O. I. *Mental'naya reprezentatsiya psikhologicheskikh terminov : dis. ... kand. psikhol. nauk : 19.00.01, Perm. gos. ped. un-t. Perm'* [Mental representation of psychological terms : dis. ... PhD in Psychol. Sciences: 19.00.01, Perm. state ped. university. Perm]. 2003. 240 p.

9. Lakoff D. *Kognitivnoe modelirovanie* [Cognitive modeling] // *Yazyk i intellect – Language and intelligence*. M., Progress, 1996. Pp. 143–184.
10. Levchenko E. V. *Psikhologicheskoe poznanie kak predmet issledovaniya* [Psychological cognition as a subject of research] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya : Psikhologiya – Herald of Perm University. Series: Psychology*. 2009. No. 2 (28). Pp. 4–28.
11. Levchenko E. V. *Psikhologiya poznaniya v oblasti psikhologii: postulaty i rezul'taty* [Psychology of cognition in the field of psychology] // *Psikhologicheskoe poznanie: aktual'nye problemy : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 27 noyab. 2008 g. Perm. gos. un-t. – Psychological knowledge: current issues: Proc. of the International scientific and practical conference, November 27, 2008. Perm', PGU, 2008. Pp. 5–13.*
12. Levchenko E. V., Vtyurina T. A. *Mental'nye modeli motivatsii u studentov* [Mental models of motivation in students] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of the Vyatka State Humanitarian University*. 2012. No. 1 (1). Pp. 149–157.
13. Lobanov A. P. *Mental'nye reprezentatsii kak kriterii intellektual'nogo razvitiya obuchayushchikhsya : avtoref. dis. ... d-ra psikh. nauk : 19.00.07* [Mental representations as a criterion for the intellectual development of students : author's abstract. dis. ... doctor of psychol. sciences: 19.00.07]. Minsk, 2014. 46 p.
14. Lobanova T. N., Zakharova L. N., Leonova I. S. *Psikhologiya v upravlenii personalom: novyi balans* [Psychology in personnel management: a new balance] // *Organizatsionnaya psikhologiya – Organizational psychology*. 2022. Vol. 12. No. 1. Pp. 248–269. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48522972> (data accessed: 02.08.2024).
15. Merlin V. S. *Lektsii po psikhologii motivov cheloveka : ucheb. posobie dlya spetskursa* [Lectures on the psychology of human motives: a textbook for a special course]. Perm. state ped. in-t. Ural branch of the Society of Psychologists of the USSR. Perm: [b. i.], 1971. 120 p.
16. Meshkov N. I., Meshkov D. N. *Motivatsiya lichnosti kak klyuchevaya problema psikhologii* [Personality motivation as a key problem of psychology] // *Integratsiya obrazovaniya – Integration of education*. 2015. Vol. 19, No. 1 (78). Pp. 37–43. DOI: 10.15507/Inted.078.019.201501.037.
17. Nizovskikh N. A. *Chelovek kak avtor samogo sebya: psikhosemanticheskoe issledovanie zhiznennykh printsipov v strukture samorazvivayushcheysya lichnosti* [Man as the author of himself: a psychosemantic study of life principles in the structure of a self-developing personality]. M., Smysl, 2007. 255 p.
18. Nurkova V. V., Berezanskaya N. B. *Psikhologiya : uchebnik dlya bakalavrov. 2-e izd., pererab. i dop.* [Psychology : a textbook for bachelors. 2nd ed., revised. and add.]. M. Yurait, 2012. 575 p.
19. Panyukova Yu. G. *Psikhologicheskaya reprezentatsiya prostranstvenno-predmetnoi sredy: sistemno-strukturnaya organizatsiya, vozrastnye i individual'nye osobennosti : dis. ... d-ra psikh. nauk : 19.00.01* [Psychological representation of the spatial-objective environment: systemic-structural organization, age and individual characteristics : dis. ... Doctor of Psychol. Sciences: 19.00.01]. M., 2004. 386 p.
20. Podprugina V. V. *Mental'nye reprezentatsii emotsii gneva u mladshikh podrostkov: gendernyi aspect* [Mental representations of the emotion of anger in younger adolescents: gender aspect] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Herald of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*. 2017. No. 6 (785). Pp. 152–169. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36294058> (date accessed: 06.08.2024).
21. Prokhorov A. O. *Mental'nye reprezentatsii psikhicheskikh sostoyanii* [Mental representations of mental states]. M., Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2021. 186 p.
22. Prokhorov A. O. *Mental'nye reprezentatsii psikhicheskikh sostoyanii: teoreticheskie i eksperimental'nye aspekty* [Mental representations of mental states: theoretical and experimental aspects] // *Poznanie i perezhivanie – Cognition and experience*. 2021. Vol. 2. No. 2. Pp. 28–52. DOI: 10.51217/cogexp_2021_02_02_02.
23. Rebeke T. A. *Mental'naya reprezentatsiya* [Mental representation] // *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. Ser. Metodologiya, istoriya i teoriya psikhologii – Development of concepts of modern psychology. Series: Methodology, history and theory of psychology*. M., Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2021. Pp. 201–235.
24. Richi Sh., Martin P. *Upravlenie motivatsiei : ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Motivation management : a textbook for university students] / transl. from English by E. E. Lalayan. M., UNITY-DANA, 2017. 399 p.
25. Sergienko E. A. *Model' psikhicheskogo kak integrativnoe ponyatie v sovremennoi psikhologii* [Model of the mental as an integrative concept in modern psychology] // *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological studies*. 2017. Vol. 10. No. 54. P. 7.
26. Sidorenko E. V. *Motivatsionnyi trening : prakt. rukovodstvo* [Motivational training : practical. guide]. SPb., Rech', 2005. 233 p.
27. Tkach E. N., Goncharova E. N. *Aktual'nye problemy psikhologii motivatsii : monografiya* [Actual problems of psychology of motivation : monograph]. Khabarovsk, Pacific State University Publishing House, 2017. 127 p.
28. Ulanova A. Yu., Sergienko E. A. *Razvitie predstavlenii o mental'nom i fizicheskom v pereskazakh detei doskol'nogo vozrasta* [Development of ideas about the mental and physical in the retellings of preschool children] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 2015. No. 1. Available at: <http://www.science-education.ru> (data accessed: 01.08.2024).
29. Fedosina S. S. *Kontseptual'nye mental'nye reprezentatsii emotsii kak klassa u studentov-farmatsevtov* [Conceptual mental representations of emotions as a class in pharmacy students] // *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyanii : sb. materialov XVII Vseros. nauch.-prakt. konf. dlya studentov, magistrantov, aspirantov, molodykh*

uchenykh i prepodavatelei vuzov – Psychology of mental states: collection of materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference for students, master's degree students, postgraduate students, young scientists and university professors. Is. 17. Kazan', 2023. Pp. 340–344.

30. *Kholodnaya M. A. Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of Intelligence: Research Paradoxes]. 2nd ed., revised and enlarged. SPb., Piter, 2002. 272 p.

31. *Kholodnaya M. A. Psikhologiya ponyatiinogo myshleniya: ot kontseptual'nykh struktur k ponyatiinym sposobnostyam* [Psychology of Conceptual Thinking: From Conceptual Structures to Conceptual Abilities]. M., Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2012. 288 p.

32. *Yurevich A. V. Psikhologiya i metodologiya* [Psychology and Methodology]. M., Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2005. 312 p.

33. *Hoemann K. et al. Expertise in emotion: A scoping review and unifying framework for individual differences in the mental representation of emotional experience* // *Psychological Bulletin*. 2021. Vol. 147, No. 11. P. 1159.

34. *Kaup B. et al. Modal and amodal cognition: an overarching principle in various domains of psychology* // *Psychological Research*. 2024. Vol. 88, No. 2. Pp. 307–337.

35. *Klyoster A. M., Shnyakina N. J. The event concept categorial network* // *International Conference on Linguistic and Cultural Studies*. Cham : Springer International Publishing, 2017. Pp. 260–265. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-67843-6_31 (date accessed: 28.08.2024).

36. *Van Ments L., Treur J. Reflections on dynamics, adaptation and control: a cognitive architecture for mental models* // *Cognitive Systems Research*. 2021. Vol. 70. Pp. 1–9. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1389041721000425> (date accessed: 27.08.2025).

37. *Wellman H. M. The Development of Theory of Mind: Historical Reflections* // *Child Development Perspectives*. 2017. Vol. 11, No. 3. Pp. 207–214. DOI: 10.1111/cdep.12236.

Поступила в редакцию: 02.09.2025

Принята к публикации: 13.10.2025

Экзистенциальные смыслы в переживании педагогической профессии как лично значимой миссии

Леменц Татьяна Александровна

аспирант кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-5223-6117. E-mail: alvitana26@gmail.com

Аннотация. В статье проблема проявленности ценностно-смысловой сферы педагога актуализирована с точки зрения отражения экзистенциальных смыслов педагога в осуществлении им профессиональной деятельности. Целью статьи является представление результатов теоретического исследования отражения экзистенциальных смыслов в переживании педагогом своей профессии как лично значимой миссии. Рассмотрен процесс выбора личностью педагогической профессии, обусловленного рядом факторов жизненного и экзистенциального опыта, сделанного им из своего центрального экзистенциального модуса и являющегося актом «заботы о себе»; сформулированы возможные группы экзистенциальных смыслов, обретаемых и осуществляемых такими педагогами в профессии. В рамках теоретического исследования были использованы такие методы, как анализ, синтез, обобщение. В результате теоретического исследования отражения экзистенциальных смыслов в переживании педагогом своей профессии как лично значимой миссии выделены ключевые экзистенциальные смыслы, реализуемые педагогом в процессе осуществления им профессиональной деятельности и определяющие его стратегию профессиональной самоактуализации. Также сформулированы выводы относительно особенностей центрального модуса личности людей, выбирающих педагогическую профессию из позиции «заботы о себе», содержания экзистенциальных смыслов педагогов, проживающих профессию как лично значимую миссию и определяющих сообразно этому стратегию своей профессиональной самоактуализации. Результаты теоретического исследования позволяют определить дальнейшие актуальные ракурсы исследования (в том числе эмпирического) экзистенциальных смыслов педагогов, выбравших свою профессию сообразно центральному модусу своей личности как акт «заботы о себе» и проживающих ее (профессию) как лично значимую миссию, реализуя через нее свои экзистенциальные смыслы и профессионально самоактуализируясь в ней.

Ключевые слова: экзистенциальные смыслы, педагог, педагогическая профессия, лично значимая миссия, «забота о себе», модус личности, самоактуализация.

Введение. Любая сфера жизни и жизнь в целом наполнены для человека многочисленными смыслами, одновременно и последовательно проявляющимися в плоскости осознания. Изучая смысловую сферу педагогов, мы обнаруживаем в ней разнообразные, подлежащие реализации смысловые кластеры, как связанные с повседневным профессиональным поведением или материальным обеспечением жизни посредством осуществления профессиональной деятельности, так и экзистенциальные, рожденные переживанием профессии как лично значимой миссии. *Новизна* предлагаемой исследовательской позиции заключается в предположении, что экзистенциальные смыслы педагогической деятельности занимают особое место в процессах переживания личностью, реализующей педагогическую деятельность, своего предназначения, расширенного осмысления своей роли в процессах более широких, чем просто социализация, обучение или воспитание в плане влияния на других, помощи в реализации ими свободы самоопределения.

Теоретические основы. Под *экзистенциальными смыслами* мы понимаем смыслы, соответствующие духовным контекстам личности и формирующиеся на основе экзистенциального опыта личности, ее способности выходить за пределы материальных, нравственных категорий и за пределы самой себя. Разделяя позицию В. Франкла [21; 22], экзистенциальным мы считаем то, что отражает стремление личности к вечному, абсолютному, внележащему относительно ее самой. Экзистенциальные смыслы проявляют это стремление личности в разделяемых ею ценностях, поставленных ею целях, наполняющих ее значениях и ориентирах.

Экзистенциальные смыслы личности едва ли могут касаться только одной сферы ее жизни, они являются вектором осмысления жизни как таковой. Однако в осуществлении профессиональной деятельности они преломляются не только через внутренний мир человека в целом, но и через его профессиональное самосознание, пересекаются и сталкиваются со смыслами жи-

тейскими, материальными. Экзистенциальные смыслы личности в структуре ее профессионального самосознания, профессиональной самоактуализации отражают ее духовный вектор жизнеосуществления и формируют вектор профессиональной жизни, рабочего стиля, характера целеполагания и вообще пути самоактуализации как личности и как профессионала.

В рамках нашего исследования мы предполагаем наличие у педагога:

- определенного ценностно-смыслового и эмоционального отношения к своей профессии,
- оценочной позиции относительно себя в профессии и перспектив саморазвития,
- стратегий формирования профессионального самосознания и организацию жизни именно как «бытия педагогом» еще до начала осуществления профессиональной деятельности, возможно, еще только в момент совершения профессионального выбора.

Результаты. Совершаемый личностью профессиональный выбор в большинстве случаев предполагает наличие у нее определенного *образа профессии*. В случае с педагогической профессией образ может быть сформирован задолго до начала самой профессиональной деятельности и даже задолго до осуществления выбора в пользу именно этой профессии. Это становится возможным, потому что с педагогом (учителем, воспитателем и пр.) человек встречается на всех ступенях социализации, и не с одним примером, а чаще всего со множеством вариантов реализации смыслов педагогической профессии, которые укладываются в жизненный опыт личности, а позже осмысляются с позиции личностной значимости и, наконец, в преломлении к себе как потенциальному представителю этой профессии.

Образ педагога – это совокупность характеристик, складывающаяся в сознании самих носителей профессии и сторонних наблюдателей, относящаяся к личностным и профессиональным транслируемым вовне качествам педагога. Уже много столетий образ педагога становится предметом размышлений, исследований, дискуссий. В конце XX века перечень актуальных на тот момент требований к педагогу составила А. К. Маркова [8]. Некоторые из выделенных ею характеристик мы сгруппировали, уточнили содержательно и, опираясь на актуальные исследования ценностно-смысловых аспектов профессиональной деятельности педагога [6; 25] (изучающие экзистенциальные аспекты [10], взаимосвязь самоактуализации педагогов и благополучия их воспитанников [9]), прокомментировали с точки зрения их отражения в современной социальной ситуации, что отражено в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики-требования к педагогу (анализ идей А. К. Марковой)

Группа характеристик	Характеристики	Содержание характеристики	Комментарий
Входные характеристики личности педагога	Направленность на педагогическую деятельность	Наличие соответствующих склонностей, интересов	Характеристика по-прежнему учитывается личностью, выбирающей педагогическую профессию, в особенности в период совершения профессионального выбора
	Соответствующее призвание	Самоощущение личности, в котором она идентифицирует себя как педагога	Можно предположить, что характеристика имеет большее значение для личности, выбирающей профессию педагога из «заботы о себе»
Характер отношения к другим	Гуманистическая направленность	Безоценочное ценностное отношение к личности	Характеристика на данный момент, предположительно, являющаяся существенной даже для профессий вне сферы «человек – человек»
	Способность учитывать индивидуальность каждого обучающегося	Внимательное и чуткое отношение к потребностям каждого воспитанника как в каждой конкретной ситуации, так и в перспективе образовательного процесса в целом	Характеристика, которой на данный момент придается все более высокое значение в образовательных организациях

Окончание табл. 1

Группа характеристик	Характеристики	Содержание характеристики	Комментарий
	Эмпатия	Способность к эмоционально чуткому отношению к другому	Предположительно, все более значимая в образовательной сфере характеристика
	Демократичность	Способность слышать другого, ценностное отношение к мировосприятию других людей	Отношение к характеристике зачастую может быть разным в зависимости от конкретной образовательной организации и, предположительно, стажа работы педагога
Особенности мышления	Способность к постановке целей	Навык целеполагания	Связанные с особенностями мышления характеристики остаются по-прежнему актуальными
	Наблюдательность	Аналитические способности педагога	
	Прогностические и диагностические способности	Способность делать выводы на основе анализа и, опираясь на них, планировать дальнейшее развитие событий в той или иной ситуации	
	Гибкость и критичность мышления	Способность принимать нестандартные решения, менять их сообразно с каждой конкретной необходимостью	
Особенности эмоционально-волевой сферы	Способность к импровизации	Способность действовать согласно ситуации, без заранее заготовленного плана	Особенности эмоционально-волевой сферы наиболее тесно связаны с вопросами профессионального выгорания, поэтому выделенные А. К. Марковой характеристики остаются актуальными и пополняются новыми, отражающими особенности современного мира позициями
	Толерантность к неопределенности	Наличие эмоциональной стабильности в ситуациях неопределенности	
	Способность к рефлексии	Способность замечать и анализировать специфику отражения реальности на своих состояниях, мыслях, чувствах	
	Обучаемость	Способность к обучению, совершенствованию	
	Адаптивность	Способность подстраиваться под ту или иную конкретную ситуацию с сохранением центральных характеристик своей личности	
	Стрессоустойчивость	Эмоциональная стабильность личности в стрессовых ситуациях	
	Наличие позитивного мышления	Способность замечать и фиксировать положительные аспекты той или иной ситуации	

Перечень А. К. Марковой кажется более чем исчерпывающим на сегодняшний день, но, что важно, отражает практически невозможное в реальности сочетание в одном человеке всей совокупности необходимых характеристик, ставя вопрос о том, как потенциальные представители профессии выделяют в нем самое сущностное, что побудит их выбирать ее и ответят в процессах идентификации. Такой образ кажется идеализированным, однако именно это и создает вокруг профессии педагога ореол героизма, подвига, миссионерства. Стремление отдавать себя служению профессии, своим будущим воспитанникам, желание преобразовать мир через насыщенную смыслами, но материально плохо оцениваемую профессиональ-

ную деятельность вполне социально одобряемо и делает человека, демонстрирующего такие интенции, поистине миссионером, достойным подражания, уважения и признания.

Выбор именно педагогической профессии человек совершает, обладая не только образом педагога, но и в целом определенным образом мира, набором значимых для себя ценностей и, конечно, представлениями о своей будущей профессии. В ходе профессионального самоопределения человек накапливает жизненный опыт: события, знания, навыки, встречи, решения – всё, что соответствует естественному и уникальному течению жизни человека. *Уникальный жизненный опыт становится основой для формирования опыта экзистенциального.* Опираясь на идеи Е. Е. Сапоговой [15], стоит различать сами события, образы, переживания жизни человека и то, как он осмысляет их относительно себя, давая им субъективную оценку и формируя субъективное отношение к ним: что именно «звучит» в человеке в ответ на те или иные события, их рефлексию, что, совершаясь внутренне на фоне жизненного опыта, становится опытом экзистенциальным.

Говоря о выборе человеком педагогической профессии, *стоит учесть существование ряда факторов*, влияющих на этот выбор, и что именно внутри этих факторов становится для человека точками экзистенциального опыта, поскольку в самой личности на момент осуществления профессионального выбора вряд ли много экзистенциальных категорий в силу возрастных особенностей. Нередко проявлением экзистенциального становится выбор профессии педагога, совершенный человеком, вышедшим из *учительских династий*. В таком случае выбор профессии в пользу педагогической может быть обусловлен реализацией человеком своей априорной причастности к определенной группе людей, стремлением продолжать общее семейное дело, знаниями о том, как выглядит профессия изнутри, как повседневно осуществляемая социальная практика в совокупности своих характеристик.

Также, например, упомянутые выше качества-требования, сформулированные А. К. Марковой, видимы и ощутимы для человека, еще когда он и сам является учеником/студентом, причем сами по себе качества наверняка становятся просто частью жизненного опыта. Но ребенок легко может оказаться под влиянием харизмы одного или нескольких педагогов, может привязаться к кому-то из них, считать их авторитетными для себя представителями общества. Эта *ориентация на конкретного педагога* и создает у человека впечатление от учителя как социального и экзистенциального феномена в целом, делает его обычные жизненные воспоминания личностно значимыми, частью его духовного и экзистенциального.

Известно, что самый первый и простой путь обучения кого-либо чему-либо – подражание. Этот способ настолько прочно вошел в отечественную культуру, что широко известны устойчивые и однозначно небезосновательные убеждения, что главное – показать положительный пример, что в школе ребенка обучает прежде всего личность учителя, что, каким бы ни было воспитание в семье, в первую очередь важен пример родителей и пр. Исследования школы Л. С. Выготского [2] показали, что для кризиса семи лет, обусловленного в том числе началом школьного обучения, характерно перемещение ребенка из диады *ребенок – родители* в триаду *ребенок – родители – учитель*, и нередко становятся элементами некоторого даже соперничества за лояльность ребенка между родителями и педагогом: учитель оказывается авторитетнее родителей, его слова оказываются услышанными и воплощаемыми чаще, чем слова родителей, а встреча с ним становится желаннее и долгожданнее. Первоклассник, можно сказать, влюбляется в учителя, готов выполнить всё, что тот скажет, проявляет преданность, привязывается, ориентируется на его личность. Конечно, у большинства детей это длится недолго – обычно до подросткового возраста, однако образ наставника, лидера, ведущего за собой взрослого уже сложился в ассоциацию с образом педагога у школьника. Педагог, безусловно, стремится установить доверительные отношения с воспитанниками, однако едва ли он имеет целью овладеть их чувствами настолько, насколько это зачастую происходит. Тем не менее педагог порой получает практически неограниченное влияние на воспитанника (и речь не только о младших школьниках), он может влиять не только на решения о личных выборах взрослых людей здесь и сейчас, но неизбежно участвует в формировании системы ценностей и смыслов воспитанников, что, если и не отразится на их жизни в период обучения, непременно повлияет на совершенные ими выборы в будущем.

Л. В. Рябова [12] напрямую говорит о педагоге как об *учителе жизни*. Несмотря на то что ее исследования относятся к концу 90-х годов, для нас важен смысловой контекст рассматриваемой проблемы. Автор под учительством понимает служение, несение образца личности, достойного копирования, а не просто профессиональную отрасль, ремесло; влияние педагога

на воспитанника тут заключается не только в обучении последнего разным отраслям знания, но и в непосредственном участии педагога в устройстве его внутреннего мира. То, как повлияли встречи человека, позднее выбравшего профессию педагога, с его учителями, тоже является важным фактором осуществления этого выбора и его экзистенциальности.

Человек совершает выборы, в том числе профессиональный выбор, из своего *жизненно-го модуса* [13; 14] – центральной точки себя, того, что составляет основную мысль человека. Исходя из того, каков почти наверняка образ профессии педагога есть у личности, совершающей выбор в ее пользу, какие мотивы, скорее всего, двигают ее к этому выбору, мы можем предположить, каким является ее центральный модус. Центральным модусом личности, осуществляющей выбор педагогической профессии, вероятно, является *служение*, в котором концентрируются все ключевые экзистенциальные смыслы этой личности, а педагогическая профессия становится способом, пространством выражения и реализации этих смыслов. Педагогическая профессия начинает проживаться личностью как *жизненная миссия* [14].

Педагог не просто отработывает отведенные графиком часы, но искренне проживает свою ответственность за настоящее и будущее своих воспитанников. О педагогической миссии много близкого для нашего понимания находим в работах А. В. Уткина [18–20]. Он говорит о том, что педагог появляется на пути юного человека именно тогда, когда ему очень нужен посредник, тот, кто открывает и проявляет все, что заложено в воспитаннике, кто, по сути, «всей своей деятельностью формирует в учащих систему ценностей и отношений» [20, с. 32]. Педагог, по его мнению, призван созидать душу, ум и сердце человека, приобщать его к ценностям культуры. Добавим, что, несмотря на наличие образовательных стандартов и программ, миссия педагога совершается через его систему ценностей, отношений, через его лично значимые смыслы, что дает педагогу ощутимую власть над мышлением, эмоциями и в целом личностью воспитанника.

Получается, что педагогическая миссия, хоть и является нелегким, эмоционально насыщенный служением, предполагающим в том числе жертвенность, имеет на первый взгляд неочевидные, но существенные привилегии для педагога: он получает доступ к влиянию на множество человеческих сознаний. Однако мы считаем, что центральным в профессиональном выборе и дальнейших выборах стратегий своей профессиональной и личностной самоактуализации остается экзистенциальный модус личности. Ощущая жизнь и выстраивая ее согласно центральному пониманию того, что есть индивидуальная жизнь, как она должна быть выстроена в целях реализации значимых для человека смыслов и ценностей, каких ресурсов потребует и как трансформирует иные аспекты индивидуального существования, человек необходимо прислушивается к себе, осуществляет заботливую рефлексию.

В этих контекстах стоит обратиться к феномену «заботы о себе» [4; 16; 23; 24]. В историческом контексте «забота о себе» – это взгляд человека в себя, процесс его скрупулезного самосозидания, продуктивная рефлексия [24]. В современном понимании, в том числе в преломлении к педагогической профессиональной деятельности, «забота о себе» также в первую очередь предполагает проводимую личностью рефлексию с целью проанализировать свою деятельность и найти способы ее улучшить; также под «заботой о себе» можно понимать совокупность состояний личности, используемых ею для самосовершенствования [11].

В контексте нашего анализа мы считаем осуществление профессионального выбора, соответствующего способностям, желаниям, ценностям и смыслам личности, проявлением ее «заботы о себе». Если человек в процессе осуществления профессионального выбора смог прислушаться к себе, найти в себе интенцию к улучшению жизни другого человека, к альтруистичности и некоторой даже жертвенности, то выбор в пользу профессии педагога, сделанный им из этого самоощущения, можно считать сделанным из его центрального экзистенциального модуса.

Центральный модус личности обуславливает совершаемые ею выборы, вокруг него же формируются ценности личности, обретаются смыслы и определяются ресурсы. Если модусами личности являются *жертвенность, долг, служение* [13], вероятнее всего, с такими же центральными коннотациями будут и ее ценности: ценность личности как таковой (в том числе личности воспитанника, принятие его мировосприятия, его мнений, самоощущений), ценность труда (отношение к труду не только как к способу заработка, материального обогащения, но и как к пространству для самоактуализации, реализации личностных смыслов), ценность безвозмездности (уважение и принятие в себе и другом включенности, жертвенности), ценность ответственности (отношение к ответственности как к духовно обусловленной, со-

знательно выбираемой характеристики свободы [7]), ценность продуктивности (уважение потребности в воспроизводстве своей личности через создание нового, транслирование нового другим). Обретаемые личностью с такими центральными модусами смыслы тоже будут сосредоточены на возможности отдавать, жертвовать, вкладывать, возвращать, сопровождать, продолжать себя в другом. Ю. В. Торкаченко [17], исследуя внутриличностные ресурсы педагога, говорит о том, что является этими ресурсами и потенциалами личности педагога. Кроме прочего, внутриличностными ресурсами педагога автор считает особенности ценностно-смысловой сферы педагога и характер его рефлексивно-регулятивной работы над собой.

Разделяя эту позицию, мы предполагаем, что с проживанием и разрешением внутренних конфликтов, связанных с рефлексией своей профессиональной деятельности и с самой профессиональной деятельностью, ее осмыслением, лучше справляются педагоги, имеющие экзистенциальные смыслы своей профессиональной деятельности. Экзистенциальные смыслы, в отличие от смыслов жизненных, обретаются человеком в диалоге с собой [1] и отражают внележащие относительно его самой потребности, ориентиры [22]. А для человека, модус жизни которого представлен служением и выбор педагогической профессии для которого оказался результатом заботливой рефлексии, осуществление профессиональной деятельности, вероятнее всего, и становится возможностью реализовать эти смыслы и, как следствие, актуализировать себя в своей духовной модальности.

В процессе исследования мы предположили, что для педагога центральным модусом личности становятся категории служения, долга, жертвенности. Они могут быть его личностными ресурсами и в целом определять для него профессию как миссию, включая смыслы, связанные с ним самим, с его воспитанниками и с сущностными характеристиками самой профессии – в том смысловом диапазоне, который сложился в его опыте, в том числе и в опыте предварительного знакомства с ней.

Обратимся к анализу этих возможных характеристик.

Во-первых, мы предполагаем, это ведущее стремление *делать жизнь другого лучше, продуктивнее, самоактуализированнее:*

– важным экзистенциальным смыслом педагога мы считаем его желание через свою профессиональную деятельность *менять мир в лучшую сторону*, пытаюсь менять к лучшему жизнь каждого отдельно взятого воспитанника;

– здесь же некоторым подсмыслом является *стремление педагога передать воспитанникам свой лучший жизненный опыт*, наделить знаниями, вооружить к жизни;

– смыслом, отражающим стремление педагога изменить мир к лучшему, являются также и *попытки совершенствовать образовательную систему в целом* (улучшая свои инструменты, инициируя изменения в конкретном образовательном учреждении и т. д.).

Во-вторых, это созвучное с уже описанным смыслом *стремление помогать*. Оно не тождественно первому смыслу – изменению жизненного мира человека к лучшему, однако, скорее всего, неотделимо от него, так как является своего рода инструментом для его осуществления:

– этот смысл отражает *способность и готовность педагога отдавать, делиться, жертвовать* (отсюда указанные выше экзистенциальные модусы);

– внутри этого смысла также можно говорить о наличии *стремления продолжать себя, о продуктивности и репродуктивности человека, запечатлении себя в бесконечности*.

Обретая такие смыслы внутри своей профессии, педагог, по сути, *выстраивает свою стратегию самоактуализации*. Самоактуализирующийся педагог – это человек со сформированной или формирующейся профессиональной идентичностью, следовательно, это человек, который готов совершенствовать свою профессию и совершенствоваться в ней [5].

Самоактуализация личности, по мнению В. Франкла [22], является следствием обретения этой личностью смысла и его реализации. Обретение же и реализация смысла – процессы, которые можно отнести к духовной модальности личности, выходящие за пределы не только бытового и материального, но и за пределы морального и психологического. По мнению А. А. Григорьевой [3], самореализация педагога в профессии осуществляется из его позиции ценностного отношения к себе, своим воспитанникам, самой своей профессии. Реализует себя педагог через обретение и осуществление в профессии своих смыслов, которые подталкивают педагога рефлексировать, анализировать свою профессиональную деятельность и, делая выводы, – совершенствоваться профессионально и личностно.

Заключение. Опираясь на результаты, полученные в ходе теоретического исследования, мы формулируем *следующие выводы:*

1) педагогическую профессию осознанно выбирают люди, модус жизни которых сосредоточен вокруг категорий *жертвенности, долга, служения*;

2) для педагогов, осуществивших выбор профессии как акт «заботы о себе» и проживающих ее (профессию) как миссию, *характерно наличие экзистенциальных смыслов профессии*, связанных со стремлением *совершенствовать жизнь других людей и улучшать мир* в целом, а также *помогать другим*, в том числе безвозмездно и альтруистично;

3) для людей, осуществивших выбор педагогической профессии как акт «заботы о себе», характерно *стремление реализовать через свою профессию свои экзистенциальные смыслы*, что становится стратегией их самоактуализации.

Таким образом, теоретический анализ позволяет нам предположить дальнейший исследовательский ракурс экзистенциальных смыслов педагогов в осуществлении ими профессиональной деятельности в контекстах процесса самоактуализации, проживания своей профессии как лично значимой миссии и реализации «заботы о себе».

Список литературы

1. Бондаренко Н. Ю. Становление экзистенциальных ценностей будущих учителей в процессе интерактивного обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2006. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003303606.pdf
2. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. М. : Юрайт, 2025. 160 с.
3. Григорьева А. А. Профессиональная самореализация педагогов в учреждениях дополнительного образования : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Ярославль, 2013. 225 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005536535/.
4. Иванченко Г. В. Забота о себе: история и современность. М. : Смысл, 2009. 386 с.
5. Кочеганова П. П. Проблема самоактуализации в профессии учителя // Вестник науки. 2023. № 5 (62). Т. 3. С. 523–526. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-samoaktualizatsii-v-professii-uchitelya>.
6. Ледовская Т. В. Представления о ценностях и смыслах профессии «учитель» на разных уровнях педагогического образования // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 7–25.
7. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. М. : Лабиринт, 1996. 432 с.
8. Маркова А. К. Психология профессионализм. М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
9. Митина Л. М. Психологические ресурсы и смысложизненные ориентации в альтернативных моделях профессионализации педагогов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 2. С. 22–39.
10. Насырова Д. Р. Экзистенциальные аспекты профессиональной самореализации личности // Молодой ученый. 2023. № 29 (476). С. 107–109.
11. Пичугина В. К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. Волгоград, 2014. 363 с.
12. Рябова Л. В. Феномен учителя жизни: философско-культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Ростов н/Д, 1995. 36 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000155_007/.
13. Сапогова Е. Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 37–51. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n2/44460.
14. Сапогова Е. Е. Анализ сюжетных схем и базовых экзистенциальных модусов автобиографических нарративов // Социотипическое поведение личности : сб. науч. ст. / под общ. ред. С. Л. Богомаза. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2010. С. 15–20.
15. Сапогова Е. Е. Жизненный и экзистенциальный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 68–79.
16. Соловьев А. Е. Историко-философский анализ феномена «заботы о себе» : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03, 09.00.13. Ростов н/Д, 2006. 30 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1023784/.
17. Торкаченко Ю. В. Внутриличностные ресурсы здоровья педагога : дис. ... канд. психол. наук : 5.3.4. Петропавловск-Камчатский, 2022. 190 с.
18. Уткин А. В. Миссия Учителя: sub spesia alternitatis...* (к 80-летию Августа Соломоновича Белкина) // Педагогическое образование в России. 2010. № 3. С. 140–150.
19. Уткин А. В. Миссия учителя в междисциплинарной проблематике исследований // Преподаватель XXI век. 2012. № 1-1. С. 46–56.
20. Уткин А. В. Миссия учителя как предмет теоретического осмысления в истории отечественного образования XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. М., 2013. 499 с.
21. Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. М. : Альпина нонфикшн, 2018. 228 с.
22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 189 с.
23. Фуко М. Герменевтика субъекта / пер. с фр. А. Г. Погоняло. СПб. : Наука, 2007. 676 с.

24. Фуко М. Забота о себе: история сексуальности-III / пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы. Киев : Дух и литера ; М. : Грунт, 1998. 282 с.

25. Харисова И. Г., Макеева Т. В., Казакова Е. И. Выявление ценностно-смысловых ориентиров профессиональной педагогической деятельности с позиции социально-профессиональной общности современного учительства. URL: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/4324/1/vyavlenie-cennostno-smyslovuh-o.pdf>.

Existential meanings in the experience of the pedagogical profession as a personally significant mission

Lements Tatiana Alexandrovna

postgraduate student of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University,
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-5223-6117. E-mail: alvitana26@gmail.com

Abstract. In this article, the problem of the teacher's value-semantic sphere is addressed from the perspective of representation the teacher's existential meanings in their professional activities. The purpose of this article is to present the results of a theoretical study of the representation of existential meanings in the teacher's experience of their profession as a personally significant mission. The article examines the process of a person's choice of a teaching profession, which is influenced by a number of factors related to their life and existential experience. This choice is made from their central existential mode and is an act of "self-care". Possible groups of existential meanings acquired and implemented by teachers in their profession are formulated. The theoretical study used the following methods: analysis, synthesis, and generalization. As a result of a theoretical study of the representation of existential meanings in a teacher's experience of their profession as a personally significant mission, key existential meanings were identified that are realized by a teacher in the process of their professional activity and determine their strategy of professional self-actualization. The article also provides conclusions about the characteristics of the central personality modus of people who choose a teaching profession from the perspective of "self-care", the content of the existential meanings of teachers who live their profession as a personally significant mission and determine their professional self-actualization strategy accordingly. The results of the theoretical study allow us to identify further relevant research perspectives (including empirical ones) of the existential meanings of teachers who chose their profession in accordance with the central mode of their personality as an act of "self-care" and living it (profession) as a personally significant mission, realizing their existential meanings through it and professionally self-actualizing in it.

Keywords: existential meanings, teacher, teaching profession, personally significant mission, "self-care", mode of personality, self-actualization.

References

1. Bondarenko N. Ju. *Stanovlenie jekzistencial'nyh cennostej budushhih uchitelej v processe interaktivnogo obuchenija : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of the existential values of future teachers in the process of interactive learning : author's abstract. dis. ... PhD in Pedagog. Sciences]. Rostov-na-Donu, 2006, 26 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003303606.pdf.
2. Vygotskij L. S. *Voprosy detskoj psihologii* [Issues of child psychology]. M., Yurayt. 2025, 160 p.
3. Grigor'eva A. A. *Professional'naya samorealizaciya pedagogov v uchrezhdeniyah dopolnitel'nogo obrazovaniya : dis. ... kand. psihol. nauk : 19.00.07* [Professional self-realization of teachers in additional education institutions : dis. ... PhD in Psychol. Sciences: 19.00.07]. Yaroslavl', 2013, 225 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005536535/.
4. Ivanchenko G. V. *Zabota o sebe: Istorija I sovremennost'* [Self-Care: History and Modernity]. M., Smysl, 2009, 386 p.
5. Kocheganova P. P. *Problema samoaktualizacii v professii uchitelya* [The Problem of Self-Actualization in the Teaching Profession] // *Vestnik nauki – Bulletin of Science*. 2023. No. 5 (62). Vol. 3. Pp. 523–526. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-samoaktualizatsii-v-professii-uchitelya>.
6. Ledovskaya T. V. *Predstavleniya o cennostyah i smyslah professii "uchitel'" na raznyh urovnyah pedagogicheskogo obrazovaniya* [Ideas about the values and meanings of the profession of "teacher" at different levels of pedagogical education] // *Vestnik Mininskogo universiteta – Bulletin of Mininsky University*. 2022. Vol. 10. No. 1. Pp. 7–25.
7. Mamardashvili M. K. *Neobhodimost' sebya. Vvedenie v filosofiyu. Doklady, stat'i, filosofskie zametki* [The need for self. Introduction to philosophy. Reports, articles, and philosophical notes]. M., Labirint, 1996, 432 p.
8. Markova A. K. *Psihologiya professionalizma* [Psychology of Professionalism]. M., International Humanitarian Fund "Znanie", 1996, 312 p.
9. Mitina L. M. *Psikhologicheskie resursy i smyslozhiznennyye orientatsii v al'ternativnykh modelyakh professionalizatsii pedagogov* [Psychological Resources and Life Orientation in Alternative Models of Teacher Profes-

sionalization] // *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya, Seriya: Psikhologicheskie nauki* – Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2024. No. 2. Pp. 22–39.

10. *Nasyrova D. R. Ekzistentsial'nye aspekty professional'noj samorealizatsii lichnosti* [Existential Aspects of Personal Professional Self-Realization] // *Molodoj uchenyj* – Young Scientist. 2023. No. 29 (476). Pp. 107–109.

11. *Pichugina V. K. Razvitie antropologicheskogo diskursa "zaboty o sebe" v istorii antichnoj pedagogiki : dis. ... d-ra ped. nauk : 13.00.01* [The development of the anthropological discourse of "self-care" in the history of ancient pedagogy : dis. ... Doctor of Pedagogy. Sciences : 13.00.01]. Volgograd, 2014, 363 p.

12. *Ryabova L. V. Fenomen uchitelya zhizni: filosofsko-kul'turologicheskij analiz : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.11* [The Phenomenon of a Life Teacher: A Philosophical and Cultural Analysis : author's abstract. dis. ... Doctor of Philosophy: 09.00.11]. Rostov-na-Donu, 1995, 36 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000155007/.

13. *Sapogova E. E. Avtobiografirovanie kak process samodeterminacii lichnosti* [Autobiography as a Process of Personal Self-Determination] // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* – Cultural and Historical Psychology. 2011. No. 2. Pp. 37–51. Available at: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2011_n2/44460.

14. *Sapogova E. E. Analiz syuzhetnyh skhem i bazovyh ekzistencial'nyh modusov avtobiograficheskikh narrativov* [Analysis of Plot Schemes and Basic Existential Modes of Autobiographical Narratives] // *Sociotipicheskoe povedenie lichnosti : Sbornik nauchnyh statej* – Sociotypical Personality Behavior : Collection of Scientific Articles / ed. by S. L. Bogomaz. Vitebsk: VSU n. a. P. M. Masherov 2010. Pp. 15–20.

15. *Sapogova E. E. Zhiznennyj i ekzistencial'nyj opyt v avtobiograficheskikh narrativah lichnosti* [Life and Existential Experience in Autobiographical Narratives of Personality] // *Voprosy psihologii* – Issues in Psychology. 2014. No. 1. Pp. 68–79.

16. *Solov'ov A. E. Istoriko-filosofskij analiz fenomena "zaboty o sebe" : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.03, 09.00.13* [Historical and philosophical analysis of the phenomenon of "self-care" : author's abstract. dis. ... PhD in Philosophy : 09.00.03, 09.00.13]. Rostov-na-Donu, 2006, 30 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1023784/.

17. *Torkachenko Yu. V. Vnutrilichnostnye resursy zdorov'ya pedagoga : dis. ... kand. psihol. Nauk : 5.3.4* [Teacher's Intrapersonal Health Resources : dis. ... PhD in Psychology. Sciences : 5.3.4]. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2022, 190 p.

18. *Utkin A. V. Missiya Uchitelya: sub spesia alternitatis...* (k 80-letiyu Avgusta Solomonovicha Belkina)* [The Teacher's Mission: sub spesia alternitatis...* (on the 80th anniversary of August Solomonovich Belkin)] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical Education in Russia. 2010. No. 3. Pp. 140–150.

19. *Utkin A. V. Missiya uchitelya v mezhdisciplinarnoj problematike issledovanij* [The Teacher's Mission in Interdisciplinary Research] // *Prepodavatel' XXI vek* – Teacher of the 21st Century. 2012. No. 1-1. Pp. 46–56.

20. *Utkin A. V. Missiya uchitelya kak predmet teoreticheskogo osmysleniya v istorii otechestvennogo obrazovaniya XVIII – nachala XX veka : dis. ... d-ra ped. nauk : 13.00.01* [The teacher's mission as a subject of theoretical reflection in the history of Russian education in the 18th and early 20th centuries : dis. ... Doctor of Pedagogy. Sciences : 13.00.01]. M., 2013, 499 p.

21. *Frankl V. Volja k smyslu* [The Will to Meaning] / transl. from English. M., Alpina Nonfiction, 2018, 228 p.

22. *Frankl V. Chelovek v poiskah smysla* [A man in search of meaning]. M., Progress, 1990, 189 p.

23. *Foucault M. Germenevtika sub'ekta* [Hermeneutics of the subject] / transl. from French by A. G. Pogonyajlo. SPb., Nauka (Science), 2007. 676 p.

24. *Foucault M. Zabota o sebe : Istorija seksual'nosti-III* [Self-Care: A History of Sexuality-III] / transl. from French by T. N. Titovoj and O. I. Homy. Kiev, Spirit and Literature ; M., Grunt. 1998. 282 p.

25. *Kharisova I. G., Makeeva T. V., Kazakova E. I. Vyyavlenie tsennostno-smyslovykh orientirov professional'noj pedagogicheskoy deyatel'nosti s pozitsii sotsial'no-professional'noj obshchnosti sovremennogo uchitel'stva* [Identification of value and meaning orientations of professional pedagogical activity from the perspective of the socio-professional community of modern teachers]. Available at: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/4324/1/vyyavlenie-cennostno-smyslovyh-o.pdf>.

Поступила в редакцию: 13.10.2025

Принята к публикации: 24.12.2025

РЕЦЕНЗИИ

EDN: VDGRIS

УДК 372.853(470.342)

Уроки столетия: зачем современной России нужен опыт Вятской школы методистов-физиков?*

Коршунова Ольга Витальевна

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: okorchun@mail.ru

Аннотация. Цель данной рецензии – представить научному и педагогическому сообществу фундаментальный труд, посвященный столетней истории физического образования в Кировской области. Монография, выполненная в жанре историко-краеведческого исследования, представляет собой не просто хронику событий, а глубокий методологический анализ становления и развития одной из сильнейших региональных школ методики обучения физике в России – Вятской научной школы методистов-физиков. Значимость данного издания многогранна: для ученых-физиков и методистов она раскрывает генезис ключевых идей и научных парадигм; для преподавателей педагогических вузов служит источником уникального опыта подготовки учительских кадров; для учителей-практиков является кладью проверенных временем методических решений и вдохновляющих примеров педагогического служения; для специалистов Института развития образования и управленцев – стратегическим ориентиром проектирования будущего физического образования в регионе на основе осмысленного прошлого. Квинтэссенцию книги можно выразить в единстве двух идей: сохранения исторической памяти как основы профессиональной идентичности и проектирования будущего через усвоение и творческое развитие накопленного опыта.

Ключевые слова: Вятская научная школа методистов-физиков, историко-методологический анализ, становление физического образования, методика обучения физике, региональная история методики физики, общая и теоретическая физика.

Введение. 07 ноября 2025 г. на базе КОГАОУ ДО ЦДОУШ г. Кирова состоялась уже X Всероссийская научно-практическая конференция «Модели и моделирование в методике обучения физике». И, как всегда, уважаемое педагогическое сообщество ученых и практиков – не просто заинтересованных в решении проблем физического образования, а являющихся примерами служения святому делу обучения физике и всей душой болеющих за высокое качество этого процесса – собралось на юбилейное событие, посвященное одному из актуальнейших в настоящий момент направлению научных исследований и трансформаций практики обучения, которое отражено в теме конференции. Захотелось передать эту, казалось бы, обычную атмосферу, которая всегда присутствует на подобных мероприятиях, когда собираются единомышленники по духу, единомышленники по профессии, думающие над сходными вопросами. Однако конференции физиков принципиально отличны от любых других научных собраний. Здесь по-особому ценят методологию в силу понимания ее значимости для физики как науки в целом и далее по цепочке – для других наук, так как физика выступает методологической и приборной базой большинства научных отраслей; здесь всегда присутствует физический эксперимент как одновременно критерий истины и некое «чудо» со своим «магом», который находит внятное объяснение и еще раз убеждает участников в фундаментальности физики и ее необъяснимой притягивающей силы в мир познания. Именно это событие стало определенным триггером, подтолкнувшим автора к написанию рецензии на историко-краеведческий труд – коллективную монографию под общей редакцией члена-корреспондента РАО Ю. А. Саурова. Юбилейная конференция посвящена 100-летию физического образования в Вятском крае и почти 30-летнему опыту проведения научно-практических конференций с обозначенной тематикой. И в 2025 г.

---

* Рецензия на монографию «О физическом образовании в Кировской области (к 100-летию становления в Кировском пединституте)» / под ред. Ю. А. Саурова. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2025. 248 с.
© Коршунова Ольга Витальевна, 2025

как раз появляется эта уникальная книга, запечатлевшая на своих страницах генезис системы физического образования в Кировской области. Заголовок рецензии оформлен как вопрос, адресованный всему профессиональному сообществу, термин «уроки» подчеркивает не только исторический, но и актуальный, практический смысл монографии. Формулировка «опыт... нужен» позиционирует рецензию как важное обсуждение в контексте поиска путей развития образования в стране в целом.

Для каждого пункта монографии мы попытались выделить «цитату» либо сформулировать метафору, которая наиболее точно, на наш взгляд, отражает ключевые смыслы каждого конкретного фрагмента монографии.

Основная часть. Главная мысль всего произведения – это мысль о преданности тому делу, которое делаешь, мысль о непрекращающемся интеллектуальном труде, который приносит удовлетворение и вдохновляет на покорение новых вершин на поприще физической науки и образования. Это монография о служении, в прямом смысле слова о научных и профессиональных подвигах ученых и учителей, связанных с выстраиванием системы физического образования в Вятском крае.

Структурно монография состоит из трех крупных частей, предисловия редактора и введения, в которых закладывается исследовательский каркас и методологические основания работы.

Редактор книги, Ю. А. Сауров, во вступительных статьях задаёт высокую планку, определяя миссию издания: «показать величие деятельности людей, которые выбрали своей профессией физику и обучение физике» (с. 3). Авторы сознательно отказываются от тотальной фиксации всех фактов, концентрируясь на «исторических по масштабам научных и образовательных делах и соответственно на наиболее ярких деятелях» (с. 4). Это не хроника, а историко-методологический анализ, выстроенный вокруг четырех ключевых этапов развития физического образования в регионе (1922–1945; 1946–1960; 1961–2000; 2001–2025 гг.). Каждый этап характеризуется своей доминантой: от организационного становления и классического развития через теоретическое и прикладное совершенствование к современным поискам и противоречивой перестройке с мыслями о будущем.

«Нет ничего, что раз и навсегда на свете было бы выражено словом. Все, как в любви, для нас предстанет новым, когда настанет наша черед...» (А. Т. Твардовский) (с. 4). Эта цитата, вынесенная во введение, метафорически определяет сам подход авторов: история физического образования – это живой, непрерывный процесс, в котором каждое поколение заново открывает для себя смыслы и ценности профессии.

Часть 1. Из истории физического образования в Кировском пединституте – это ядро монографии, подробнейшая летопись, в которой организационная история факультета и кафедр неразрывно сплетена с интеллектуальными биографиями людей.

В пункте «1.1. О начале физического образования в КГПИ им. В. И. Ленина» показаны истоки: фигура П. К. Мейер-Ламберта – первого заведующего кафедрой физики, Б. П. Спасского – энтузиаста физического эксперимента и конструирования приборов, заложившего основы связи науки со школой и производством («Физприбор»). Описана эволюция структуры: от цикла к отделению, а затем к физико-математическому и, наконец, самостоятельному физическому факультету. Приведены уникальные списки деканов и заведующих кафедрами, что само по себе является ценнейшим историческим документом.

В пункте «1.2. Из истории кафедры общей (экспериментальной) физики» центральной фигурой представляет В. Б. Милина, доктора физико-математических наук, создавшего научную геофизическую школу и открывшего аспирантуру. Его деятельность на кафедре ознаменовала переход от чисто учебной деятельности к серьезной науке. Дальнейшее развитие кафедры связано с именами Ю. Н. Редкина, совершившего революцию в модернизации лабораторного практикума, и В. Н. Бакулина – талантливого физика-теоретика и экспериментатора, продолжателя традиций милинской школы. Приведенное интервью с Ю. Н. Редкиным – это не просто воспоминания, а манифест о роли эксперимента, значимости для этого материальной базы и рационального знания в эпоху наступления мистицизма и гуманитаризации. «Без эксперимента нет физики, нет научного знания» (Ю. Н. Редкин) (с. 23) – эта фраза становится лейтмотивом всей истории кафедры общей физики, символизируя ее фундаментальную, материальную основу.

Пункт «1.3. О кафедре теоретической физики» посвящен «храму высокой физической мысли». Основателем кафедры явился И. И. Бессонов, заложивший традиции чтения фунда-

ментальных курсов физики. Расцвет кафедры связан с именем В. В. Мултановского, под руководством которого был создан знаменитый четырехтомный курс теоретической физики для педагогических вузов страны – событие всесоюзного масштаба [1, с. 4–6]. Не менее яркой фигурой предстает А. С. Василевский, соавтор этого курса, в интервью с которым раскрывается глубокий мировоззренческий потенциал теоретической физики. Отдельно освещена научная деятельность А. М. Изергина и Г. А. Бутырского в области атмосферного электричества, а также вклад П. Я. Кантора в сохранение культуры теоретического мышления в сложные 2000-е и последующие годы.

«Если у человека появляется холодок по спине, когда он узнает, что вода состоит из водорода и кислорода, то тогда к нему приходит сильнейшее желание “Во всем дойти до самой сути...”» (А. С. Василевский) (с. 36). Эта метафора точно передает миссию кафедры – не просто давать знания, а пробуждать познавательный трепет и стремление к сущностному пониманию мира.

В пункте «1.4. Астрономия на физическом факультете» показано, как в определенном смысле «романтическая» дисциплина «питала» физику и методiku. Создатель станции наблюдения ИСЗ Б. И. Краснов предстает не только как ученый и ректор, но и как мудрый организатор, мыслитель. Е. И. Ковязин – хранитель «звездных» знаний, чья преданность астрономии вдохновляла школьников и студентов даже в годы забвения предмета. Воспоминания А. С. Ситякова о работе на станции ИСЗ представляются как живая история научного энтузиазма эпохи покорения космоса.

«Прикоснуться к вечности» – так можно охарактеризовать раздел об астрономии. Он о преподавателях-ученых, которые, изучая космос, сами прикасались к вечному и учили этому своих учеников.

Пункт «1.5. О методической деятельности на физическом факультете» раскрывает историю становления Вятской научной школы методистов-физиков. Зарождение школы связывается с именем В. А. Кондакова, который уже в 60–70-е гг. XX в. разрабатывал системный подход и теорию моделирования в методике физики. Л. А. Горев – автор культовой книги «Занимательные опыты по физике» [2], изданной даже в Японии. Н. Н. Цвейтова (Новосёлова), В. Г. Разумовский, С. А. Хорошавин, В. Ф. Шилов – выпускники факультета, ставшие «звездами» всесоюзной методики, чьи работы по проблемам научного/учебного познания, технике эксперимента не утратили актуальности и сегодня. Особое внимание уделено крупным методическим проектам: «Модели уроков физики» [7–9], «Исследование процесса обучения физике», «Познание процессов обучения физике», проведению всероссийских конференций «Модели и моделирование в методике обучения физике», организации мониторинга знаний учащихся.

«Методика физики... имеет тенденцию все более превращаться в теорию управления обучением» (В. А. Кондаков). Эта мысль, опередившая время, символизирует переход от рецептурной методики к научно обоснованному проектированию учебного процесса, даже – к методическому дизайну, и может рассматриваться как квинтэссенция содержания пункта 1.5.

Часть 2. К столетию со дня рождения профессора В. В. Мултановского – это дань уважения ключевой фигуре вятского физического образования. Это был Учитель, Теоретик, Методолог – столп Вятской школы. Вячеслава Всеволодовича Мултановского можно метафорически назвать «стержнем», вокруг которого кристаллизовалась интеллектуальная мощь Вятской физико-методической школы на несколько десятилетий. Именно этот ученый олицетворяет собой синтез фундаментальной науки и педагогического гения. Раздел монографии, посвященный его столетию, а также многочисленные упоминания в других частях рисуют портрет ученого-энциклопедиста, чье влияние вышло далеко за пределы региона. Обозначим основные смыслы, раскрытые в монографии и доказывающие неординарность и величие личности В. В. Мултановского.

1. Методический подвиг: создание канона для педагогических вузов страны. Главным и самым известным достижением В. В. Мултановского, событием всесоюзного масштаба, стала подготовка и издание в московском издательстве «Просвещение» четырехтомного курса теоретической физики для педагогических институтов (1985–1991 гг.) [1, с. 4–6]. Монография подчеркивает, что это был титанический двадцатилетний труд, выполненный в соавторстве с А. С. Василевским, еще одним физиком-теоретиком, светилом вятской физической науки. До этого в СССР не существовало единого, целостного учебного пособия по теоретической физике, адаптированного специально для будущих учителей. Курс Мултановского – Василевского не только заполнил эту пустоту, но и задал новый стандарт научной и методической глубины

для физических специальностей педагогических вузов. Его переиздание в «Дрофе» много лет спустя (2006–2008 гг.) доказывает непреходящую ценность этих учебных книг. Этот курс был не просто компиляцией существующих знаний. В его основе лежала собственная научно-методическая концепция В. В. Мултановского, согласно которой школьный курс физики должен быть выстроен вокруг системы теоретических обобщений, а учитель обязан глубоко понимать их теоретическую природу. Но для этого в вузовской подготовке необходимо глубокое изучение теоретической физики. Такова была методологическая основа этого научно-методического подвига.

2. *Научные заслуги в области теоретической физики и методологии.* Наверное, большую часть публикаций В. В. Мултановского можно отнести к методическим по характеру, однако ученый состоялся и как серьезный физик-теоретик. Докторская диссертация на тему «Проблема теоретических обобщений в курсе физики средней школы» (1979) стала фундаментальным исследованием, заложившим методологические основы для целого направления в методике. Он рассматривал школьный курс не как набор фактов, а как систему знаний, имеющую свою внутреннюю логику и структуру, родственную структуре современной физической науки. В монографии отмечаются статьи ученого по общей теории относительности, что говорит о широте научных интересов и компетенций, выходящих далеко за рамки прикладной методики. По приблизительной оценке, приведенной в книге, на теоретических идеях В. В. Мултановского основано выполнение не менее десяти докторских и двух-трех десятков кандидатских диссертаций. Это красноречивее любых слов говорит о масштабе его идейного влияния как основателя научной школы.

3. *Личностные качества.* Интеллектуальная харизма и бескомпромиссная принципиальность характеризуют В. В. Мултановского как Учителя и Человека. Материалы монографии, особенно воспоминания его коллег (В. Н. Бакулина) и учеников, позволяют восстановить целостный личностный облик ключевой фигуры вятского физического образования. Его характеризуют как человека с собственным, всегда аргументированным мнением по любому вопросу. Он был эрудитом, много читавшим, чьи выступления на семинарах «запоминались» благодаря глубине и ясности мысли. И этот момент характеризует ученого как интеллектуального лидера. В. Н. Бакулин вспоминает, что Мултановский «вел себя рационально, эмоциям воли не давал» (с. 32). Это свидетельствует о сильном, волевом характере, дисциплинированном интеллекте, способном к систематическому и долгосрочному труду. Завидное гармоничное сочетание рациональности и стремления к самообразованию представляется яркой чертой ученого.

Требовательность и эталонность – следующее уникальное сочетание качеств В. В. Мултановского. Он был «лидером среди преподавателей», чей авторитет был непререкаем и основывался на высочайшем профессиональном рейтинге, задававшем тон и уровень, ниже которого опускаться было нельзя.

В целом жизнь В. В. Мултановского полностью посвящена науке и обучению студентов. Почти тридцатилетнее руководство кафедрой теоретической физики (1968–1996 гг.) – это целая эпоха в жизни факультета, эпоха расцвета и высочайшего качества подготовки будущих педагогов. И это говорит о великой преданности делу, своему стилю жизни, служении науке и образованию. Монография раскрывает масштаб личности В. В. Мултановского не только как автора учебников, но и как методолога, чьи идеи о теоретических обобщениях в школьном курсе физики во многом определяют и в настоящее время перспективы развития физического образования. Материал, подготовленный В. Н. Бакулиным, погружает читателя в интеллектуальную атмосферу «золотого века» факультета – 60–80-е гг. XX в. Подробно показано влияние идей В. В. Мултановского на формирование научных взглядов следующего поколения методистов, в частности продолжающего разработку идей Ю. А. Саурова.

Ю. А. Сауров почти в прямом смысле получил от В. В. Мултановского «научно-методическую эстафетную палочку» (с. 141) и до настоящего времени во многом также благодаря преданности профессии и науке, энтузиазму много сил вложил и вкладывает в поддержание авторитета и даже «бренда» Вятской методической школы физиков. Ю. А. Сауров является не только продолжателем, но и генератором новых идей и смыслов в фундаментальной научной проблематике, которая определена и поставлена была еще на заре развития физического образования в Кировской области В. А. Кондаковым как создание теории моделирования психолого-педагогических объектов [3] (с. 140). После она была значительно обогащена методологическими и методическими решениями в докторских диссертациях В. В. Мултановского и Ю. А. Сау-

рова (Проблема организации учебной деятельности школьников в методике обучения физике, 1993 г.). Юрий Аркадьевич разворачивает в этом направлении коллективные программы научной деятельности, в которые вовлекаются студенты физико-математического факультета, затем аспиранты, практикующие учителя физики. Создается и продуктивно действует диссертационный совет по педагогике и методике обучения физике (1995–2009 гг.), научная школа продолжает свое развитие и становится все более известной в стране. Этот период в монографии выделен как третий среди четырех (с. 4–9). В центральных издательствах публикуется множество знаковых работ по методике физики под общей тематикой «Модели уроков», которые быстро завоевывают авторитет среди учителей физики всей России [7–9]. Под научным руководством Ю. А. Саурова защищаются молодые перспективные аспиранты, которые сегодня, на четвертом, очень противоречивом этапе, характеризующемся известными вызовами для российского образования, продолжают дело поистине выдающихся представителей Вятской школы методистов.

В завершение анализа части 2 возьмем в качестве вывода имеющуюся в монографии цитату Г. П. Щедровицкого: «И человеком становится только тот, кто имел учителя...» (с. 95) Мултановский был именно таким Учителем. Он не просто передавал знания – он формировал стиль физического мышления, особую интеллектуальную культуру, которая стала визитной карточкой выпускников Кировского педагогического института. Его фигура является центральным узлом, связывающим воедино все элементы монографии: блестящую теоретическую подготовку, методологическую глубину методических исследований и высочайшие стандарты педагогического мастерства. Он был живым воплощением того «храма высокой физической мысли», который удалось создать на Вятской земле. Вячеслав Всеволодович Мултановский предстает в этой части таким Учителем, чье наследие продолжает жить в учениках. Автор рецензии также имел счастье присутствовать на «живых» лекциях Вячеслава Всеволодовича. И это – «полет» мысли с непревзойденной четкостью ее выражения в физических символах и терминах.

Содержание части 3 монографии «О деятелях физического образования в Кировской области» является логичным и необходимым завершением исследования, показывающим, как идеи и традиции Вятской научной школы воплощаются в конкретных судьбах и организациях, формируя современный ландшафт физического образования в регионе. Если первые две части монографии были посвящены генезису системы и ее научному ядру, то эта часть раскрывает ее человеческое и практическое измерения. Она повествует о тех, кто является «конечным продуктом» и одновременно движущей силой этой системы, – о выдающихся учителях-практиках, о новой смене ученых, а также о флагманских образовательных организациях, которые стали полигонами для внедрения идей Вятской методической школы.

Пункт «3.2. Наши великие учителя физики» – дань уважения и памятник учителю-практику, чей ежедневный труд является квинтэссенцией всего, ради чего создавалась система методического образования. Речь идет о выпускниках физического факультета, которые не пошли в науку, но стали гордостью регионального образования.

В. Н. Патрушев (средняя школа № 16 г. Кирова) предстает не просто как учитель, а как ученый в школе. Его тесное сотрудничество с кафедрами факультета, описанное в первой части (работа с Л. А. Горевым, Б. П. Спасским), – эталон той самой связи «вуз – школа». Он был не потребителем, а сотворцом методических идей, проверяя и обогащая их в реальном учебном процессе. Его уроки были насыщены уникальным экспериментом, многие установки для которого создавались своими руками вместе с учениками.

А. И. Караваев (Речная средняя школа Куменского района Кировской области) – символ сельского учителя-новатора. Его биография опровергает миф о провинциальности как препятствии для творчества. Публикации в журналах «Радио», «Физика в школе», «Моделист-конструктор» и других говорят о высочайшем уровне технической культуры автора. Он доказал, что глубинка может быть не периферией, а активным центром технического творчества, а сельский школьник – победителем всероссийских олимпиад.

«Учитель – это не профессия, а условие существования науки в будущем» – эта метафора характеризует данный пункт, показывая, что именно учитель является тем самым «социальным лифтом», который доносит идеи фундаментальной науки до ума и сердца ребенка, формируя будущих ученых, инженеров и просто мыслящих граждан.

Преемственность научной школы прослеживается в пункте «3.3. Аспиранты физического факультета». Монография, следуя принципу Ю. А. Саурова: «К будущему надо готовиться мыслью и действием» (с. 160), фиксирует рождение нового, четвертого поколения исследователей.

Подробно освещается защита К. А. Колесникова в 1998 г. – первого аспиранта кафедры теоретической физики и методики преподавания физики, ставшая знаковым событием, доказавшим жизнеспособность созданной научной среды. Его работа по спецкурсу «Физика природных явлений» заложила одно из перспективных направлений – контекстное и метапредметное обучение.

Отдельно анализируется вклад М. П. Уваровой и Д. В. Перевощикова, которые являются представителями «нарождающегося четвертого поколения вятских методистов-физиков». Их успешные защиты в 2018 и 2020 гг., в период организационных трудностей, свидетельствуют о сохранении «золотого генофонда» научной школы. Исследования этих аспирантов, связанные уже с реализацией ФГОС, цифровизацией и дистанционным образованием, межпредметной тематикой физики и астрономии, показывают, что школа не застыла в прошлом, а активно отвечает на вызовы настоящего. Уже стал востребованным учебник по теории и методике обучения физики, подготовленный Ю. А. Сауровым в соавторстве с М. П. Уваровой [10].

Особо в плане сохранения и дальнейшего развития, упрочения позиций Вятской школы методистов-физиков следует отметить роль К. А. Коханова, возглавившего один из самых мощных проектов – всероссийскую конференцию «Модели и моделирование в методике обучения физике» (с 2022 г.), что символизирует передачу организационной и научной эстафеты.

«Научная школа жива, пока у нее есть ученики, бросающие вызов своим учителям» – этот пункт метафорически показывает, что истинное величие школы – не в сохранении догм, а в способности воспроизводить себе смену, которая будет двигаться дальше.

Пункты 3.4 и 3.5 описывают важнейший этап эволюции системы физического образования в Вятском крае – создание для работы с интеллектуально одаренными детьми специализированных организаций, которые стали естественным продолжением идей физических кафедр о высоком уровне подготовки и раннем вовлечении в науку: Кировского физико-математического лицея и ЦДООШ (Центра дополнительного образования одаренных школьников).

Кировский физико-математический лицей представлен как «плацдарм для апробации углубленных методик». На его базе отрабатываются модели обучения, близкие к университетским: лекционно-семинарская система, проектная и исследовательская деятельность, спецкурсы от преподавателей ВятГУ. Лицей стал кузницей кадров для победы на всероссийских олимпиадах по физике и математике, демонстрируя эффективность связки «вуз + специализированный лицей».

Кировский Центр дополнительного образования одаренных школьников (ЦДООШ) выполняет миссию «лаборатории по выращиванию талантов». Именно здесь нашли свою практическую реализацию идеи В. В. Мултановского и В. Г. Разумовского о развитии физического мышления. ЦДООШ – это не просто совокупность кружков, а научно-образовательный комплекс, где работа строится по принципу «научных групп». Преподаватели центра (многие из которых – выпускники и аспиранты физического факультета) действуют как руководители исследований. Традиция проведения на базе ЦДООШ всероссийской конференции «Модели и моделирование в методике обучения физике» подчеркивает его статус как всероссийской методической площадки.

«Если факультет (вуз) – это академия, то лицей и ЦДООШ – его гвардия» – эта метафора удачно характеризует роль этих социальных институций. Они являются элитным подразделением, которое «на передовой» отрабатывает самые сложные образовательные технологии, обеспечивая региону лидерские позиции в физическом образовании и создавая среду, в которой одаренный ребенок может реализовать свой потенциал.

Таким образом, третья часть монографии замыкает смысловой круг. Она показывает *полный цикл воспроизводства интеллектуального потенциала региона*: от фундаментальных исследований на кафедрах теоретической физики (части 1, 2) через подготовку учителя в педвузе (часть 1) к выдающемуся учителю-практику и ученому-методисту – и далее, через инновационные площадки (лицей, ЦДООШ), к одаренному школьнику, который завтра может вернуться в эту систему уже как аспирант, учитель или ученый (часть 3). Последняя часть наглядно доказывает, что Вятская школа методистов-физиков – это не история, а живой, развивающийся организм. Ее сила – в созданной экосистеме физического образования, где все элементы взаимосвязаны: университет, учитель-новатор, сельская школа, лицей и центр для одаренных детей. И именно эта экосистема, бережно воссозданная и проанализированная авторами монографии, является главным достижением и бесценным наследием столетнего пути физического образования в Кировской области.

Заключение. Рецензируемая монография – это не просто юбилейное издание, а крупное явление в историко-педагогической науке не только Вятского края, но и всей России. Ее значимость заключается в следующем:

1. *Сохранение исторической памяти и профессиональной идентичности.* Книга скрупулезно восстанавливает и сохраняет для будущего имена, дела и дух нескольких поколений педагогов-физиков Вятского края. Она является надежным гарантом против разрыва традиций.

2. *Демонстрация генезиса и мощи Вятской методической школы.* Монография убедительно показывает, что успехи Кировских обучающихся на всероссийских олимпиадах и конкурсах имеют глубокие исторические корни. Она раскрывает «секрет» этой школы: неразрывную связь глубокой фундаментальной подготовки (кафедра теоретической физики) с сильнейшей методической составляющей, основанной на эксперименте и методологической рефлексии.

3. *Актуализация накопленного опыта для современных вызовов.* В условиях кризиса физического образования, сокращения часов на освоение физики и методики физики, падения интереса школьников книга предлагает не ностальгию, а богатейший арсенал проверенных идей: от системы моделей уроков и экспериментальных задач до методов работы с одаренными детьми и организации проектной и исследовательской деятельности. Она служит предостережением от поспешных реформ, не опирающихся на исторический опыт.

4. *Методологический ресурс для будущего.* Книга дает образцы научного и педагогического служения, являясь мощным мотиватором для нынешних студентов, аспирантов и молодых ученых. Она наглядно демонстрирует, что региональный вуз может быть центром научной мысли, влияющим на образовательную политику всей страны.

Красной нитью через всю монографию проходит мысль, выраженная ее героями: «Ученые, занимаясь своим делом, верят в высокий смысл познания. На Земле это истина» (А. С. Василевский). Эта вера одухотворяла труд всех героев книги – от Мейер-Ламберта до современных преподавателей-ученых. И именно эта вера позволяет авторам, следуя другому ключевому тезису: «К будущему надо и сейчас готовиться мыслью и действием» (Ю. А. Сауров), не просто подвести итоги столетия, а заложить основу для осмысленного движения вперед.

В заключение следует отметить, что монография выполнена на высоком научном и редакторском уровне, богато иллюстрирована архивными фотографиями и документами. Она, без сомнения, станет настольной книгой для всех, кто связан с физическим образованием, а ее опыт историко-методологического анализа может быть распространен на изучение истории образования в других регионах России. Данный труд – это не только подарок к 100-летию юбилею физического образования в Кировской области, но и стратегический вклад в его будущее для всей страны.

Список литературы

1. Василевский А. С., Мултановский В. В. Статистическая физика и термодинамика. М. : Просвещение, 1985. 255 с.
2. Горев Л. А. Занимательные опыты по физике в 6–7 классах средней школы. М. : Просвещение, 1985. 175 с.
3. Кондаков В. А. Дидактические основы построения учебных систем знаний по физике. Куйбышев, 1977. 47 с.
4. Мултановский В. В. Курс теоретической физики: классическая механика. Основы специальной теории относительности. Релятивистская механика. М. : Просвещение, 1988. 304 с.
5. Мултановский В. В., Василевский А. С. Курс теоретической физики. Квантовая механика. М. : Просвещение, 1991. 320 с.
6. Мултановский В. В., Василевский А. С. Курс теоретической физики. Классическая электродинамика. М. : Просвещение, 1990. 272 с.
7. Сауров Ю. А., Бутырский Г. А. Молекулярная физика: модели уроков. М. : Просвещение, 1998. 144 с.
8. Сауров Ю. А., Бутырский Г. А. Электродинамика: модели уроков. М. : Просвещение, 1992. 304 с.
9. Сауров Ю. А., Мултановский В. В. Квантовая физика: модели уроков. М. : Просвещение, 1996. 272 с.
10. Сауров Ю. А., Уварова М. П. Теория и методика обучения физике : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 290 с.

Lessons of the Century: Why Does Modern Russia Need the Experience of the Vyatka School of Physics Methodologists?

Korshunova Olga Vitalievna

Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. Email: okorchun@mail.ru

Abstract. The purpose of this review is to present to the scientific and educational community a fundamental work dedicated to the century-long history of physics education in the Kirov region. This monograph, written in the style of a historical and local history study, is not simply a chronicle of events, but a profound methodological analysis of the formation and development of one of the strongest regional schools of physics teaching methods in Russia – the Vyatka Scientific School of Physics Methodologists. The significance of this publication is multifaceted: for physicists and methodologists, it reveals the genesis of key ideas and scientific paradigms; for teachers at pedagogical universities, it serves as a source of unique experience in teacher training; for practicing teachers, it is a treasure trove of time-tested methodological solutions and inspiring examples of pedagogical service; and for specialists at the Institute for Education Development and administrators, it provides a strategic guide for designing the future of physics education in the region based on a meaningful past. The quintessence of the book can be expressed in the unity of two ideas: preserving historical memory as the basis of professional identity and designing the future through the assimilation and creative development of accumulated experience.

Keywords: Vyatka scientific school of physics methodologists, historical and methodological analysis, development of physics education, physics teaching methods, regional history of physics methods, general and theoretical physics.

References

1. Vasilevskij A. S., Multanovskij V. V. *Statisticheskaya fizika i termodinamika* [Statistical Physics and Thermodynamics]. M., Prosveshchenie (Education), 1985. 255 p.
2. Gorev L. A. *Zanimatel'nye opyty po fizike v 6–7 klassah srednej shkoly* [Entertaining Experiments in Physics for Grades 6–7 of Secondary School]. M., Prosveshchenie (Education), 1985. 175 p.
3. Kondakov V. A. *Didakticheskie osnovy postroeniya uchebnyh sistem znaniy po fizike* [Didactic Foundations of Building Educational Systems of Knowledge in Physics]. Kuybyshev, 1977. 47 p.
4. Multanovskij V. V. *Kurs teoreticheskoy fiziki: Klassicheskaya mekhanika. Osnovy special'noj teorii otnositel'nosti. Relativistskaya mekhanika* [Course of Theoretical Physics: Classical Mechanics. Foundations of the Special Theory of Relativity. Relativistic Mechanics]. M., Prosveshchenie (Education), 1988. 304 p.
5. Multanovskij V. V., Vasilevskij A. S. *Kurs teoreticheskoy fiziki. Kvantovaya mekhanika* [Course of Theoretical Physics. Quantum Mechanics]. M., Prosveshchenie (Education), 1991. 320 p.
6. Multanovskij V. V., Vasilevskij A. S. *Kurs teoreticheskoy fiziki. Klassicheskaya elektrodinamika* [Course of Theoretical Physics. Classical Electrodynamics]. M., Prosveshchenie (Education), 1990. 272 p.
7. Saurov Yu. A., Butyrskij G. A. *Molekulyarnaya fizika: Modeli urokov* [Molecular Physics: Lesson Models]. M., Prosveshchenie (Education), 1998. 144 p.
8. Saurov Yu. A., Butyrskij G. A. *Elektrodinamika: Modeli urokov* [Electrodynamics: Lesson Models]. M., Prosveshchenie (Education), 1992. 304 p.
9. Saurov Yu. A., Multanovskij V. V. *Kvantovaya fizika: Modeli urokov* [Quantum Physics: Lesson Models]. M., Prosveshchenie (Education), 1996. 272 p.
10. Saurov Yu. A., Uvarova M. P. *Teoriya i metodika obucheniya fizike: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Theory and Methods of Teaching Physics: Textbook for Higher Education Institutions]. 3rd ed., rev. and enl. M., Yurait, 2024. 290 p.

Поступила в редакцию: 11.11.2025

Принята к публикации: 24.12.2025

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 2 (155) (2025)

16+

Технический редактор Л. А. Кислицына
Дизайн обложки А. К. Долгова
Редактор выпускающий А. Ю. Егоров
Ответственный за выпуск И. В. Смольняк

Подписано в печать 28.03.2026 г.
Дата выхода в свет 14.04.2026 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,8. Тираж 200 экз. Заказ № 65.

Подписной индекс журнала «Вестник Вятского государственного университета»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН085

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. (8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36